

За Россию!

Национально-Трудовой Союз Нового Поколения.

**КУРС
НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ**

ЧАСТЬ I

ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ.

ИЗДАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО БЮРО СОВЕТА СОЮЗА.

1 9 3 9

Литература имеющаяся на складе издательства Исполнительного Бюро.

Курс национально-политической подготовки

1. Ч. I. Основы национального мировоззрения	10 д.
2. Ч. III. Социальная, экономическая и политич. жизнь	10 д.
3. Ч. IV. Исторический отдел	10 д.
-

1. Устав и программные положения	3 д.
2. Брошюра НТСНП — Идеология	5 д.
3. „За что бороться“	2 д.
-

1. Проф. А. Д. Билимович. Марксизм	3 д.
2. Проф. И. А. Ильин. Творческая идея нашего будущего	5 д.
3. Проф. И. А. Ильин. Основы борьбы за Национ. Россию	10 д.
4. Никонов-Сморodin. Красная каторга	50 д.
5. „Костер“ № 1	5 д.
6. „Наши песни“	5 д.

Военная секция

1. Тактика пехоты	9 д.
2. Тактика артиллерии	10 д.
3. Ген.-лейт. Н. Н. Головин. Мысли об устройстве буду-
щей Российской Вооруженной силы	12 д.

Цены указаны в динарах без пересылки.

За Россию!

Национально-Трудовой Союз Нового Поколения.

**КУРС
НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ**

ЧАСТЬ I.

ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ.

ИЗДАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО БЮРО СОВЕТА СОЮЗА.

1 9 3 9

Предисловие.

Настоящая первая часть нашего курса национально-политической подготовки впервые была типографским способом отпечатана на Дальнем Востоке, в дословной перепечатке старых литографированных конспектов.

В настоящем издании все конспекты значительно переработаны и дополнены. Конспекты имеют чисто учебную цель и не претендуют быть научным трудом.

В нашем курсе имеются многочисленные выдержки и цитаты из произведений различных авторов. Дабы не утруждать читающих, мы не всегда указываем источник, однако, указатель источников и литературы даны, в виде приложения, в конце IV части курса.

Редакционная комиссия просит о замеченных неточностях или опечатках сообщать по адресу центральной Комиссии по организации внутренней работы при Исполнительном Бюро Совета Союза.

I. Наш национальный кризис. (Введение).

Происшедшее в 1917 году крушение российской государственности было подлинной национальной катастрофой. Вместе с этим, мы должны объективно признать, что:

1) — революция 17-го года открыла новый период российской истории;

2) — революция и длящееся до сей поры владычество большевиков говорят нам о глубоком духовно-психологическом и социально-политическом кризисе, переживаемом сейчас нашим народом.

Преодоление этого кризиса возможно лишь тогда, когда будет выяснена и понята его сущность. Только тогда будут ясны пути национального возрождения России, как и пути выполнения нашего национального долга.

Русская жизнь ныне, ходом предшествовавших событий, разделена на две части: жизнь Зарубежья и жизнь подсоветскую. Изучению последней посвящен наш специальный курс — „Курс изучения СССР“. Но нам, плоти од плоти и крови от крови эмиграции, — должно, прежде всего, внимательно присмотреться и к Зарубежью, и к самим себе. Проверив же себя, — нам надлежит понять и уяснить и причины нашей слабости, и сущность нашего российского кризиса.

Сделать это мы должны не для самобичевания и не для поношения или осуждения кого-либо, — но для того, чтобы страхнуть с себя эту власть немощи, чтобы получить силы, чтобы, наконец, вернуть к жизни нашу страну.

В первую же очередь мы обязаны дать себе ясный отчет, — что же случилось с нашей родиной.

Что произошло с Россией?

На этот вопрос мы слышим, по существу, только два диаметрально противоположных ответа. Их мы можем грубо свести к двум схемам.

I-ая схема.

Российская Империя была целостным монолитом, в котором царила свобода, справедливость и благоденствие, в котором Божественное начало стройно гармонировалось с

земным и человеческим через царя, помазанника Божьего, от Бога держащего власть. Империя воплощала высшую волю и высшую правду, отражавшаяся в блеске царскосельских парадов, в святых подвижниках русской земли, в мирном пахаре, в мужике-богоносце.

Революция же — это случайно удавшийся бунт, удавшийся заговор „темных сил“ и крамольных предателей. Отсюда революция это только временное наводнение, „дурной сон“. Отсюда и ощущение настоящего, как временного пребывания на чужбине, пока „не сгинет ненастье“, после которого „возвратиться ветер на круги своя“.

А пока нужно только „не прерывать традиций“ и быть всегда „готовым“. Вот откуда появились и эмигрантские придворные приемы, и эмигрантские „Армия и флот“ и вся эта зарубежная общественность. Отсюда же мечта о грядущей „железной руке“ уже своего правительства и о „жандармском аксельбанте“.

2 схема.

Довоенная Россия — это страна произвола и насилия, тяжелого социального и экономического положения низших слоев населения, малоземелья крестьянина, страна „власти тьмы“.

Революция была неизбежна; она — сорвала сковывавшие народ оковы, она даровала живительную свободу всем творческим силам его. Но „проклятое наследие царизма“ — темнота и косность — повлекли за собой то, что народ опьянел от свободы. Ею воспользовались циничные большевики, которые захватив власть и задушили ее.

В самой же идее коммунизма есть много верного и справедливого. Плохи и аморальны только методы и приемы его осуществления в жизнь. Отсюда: вера в „эволюцию“ комвласти (постепенно, де, большевики исправятся сами; сама жизнь заставит), отрицание необходимости революционной борьбы с ней, позиция благожелательной критики по отношению к изуверской власти.

Мы не можем и не смеем принять ни одной из этих схем. И прежде всего, мы воспринимаем и ощущаем Россию иначе. — Победоносная песнь русских солдат, рязанских и вятских мужиков, раздавалась чуть не во всех столицах мира, — это Россия. Но Россия — и Цусима и Порт-Артур, и сотни тысяч дезертиров из истекающей кровью армии еще задолго до „февраля“. Мы имели Суворова и Кутузова, но имели и Куропаткина, и Сухомлинова, Мы знали Бородино и Лейбциг, но знали и Севастополь и Мукден.

— Россия — это томики бессмертного Пушкина, лучший в мире суд и театр, но и — и манифесты „анпиратора“ Пу-

гачева, и полуграмотное население страны, и крытые гнилой соломой избышки Великороссии. От России бежал Герцен, но бежал и Тургенев; в ней были ссылаемы и Пушкина и Лермонтов, и едва не был повешен Достоевский...

— Россия — это „всадник медный на звонко скачущем коне“, гигант Петр; это „шестая часть земли с названием кратким — Русь“, но это и задущенный Павел I и покончивший с собой Николай I, и истерзанный бомбой Освободитель крестьян, и замученный в Ипатьевском доме последний Император....

А все это вместе Россия. И не отречься нам ни от Ее величия и славы, ни от Ее грехов и темных дел, ибо одно неотделимо от другого.

Русская революция не есть ни „случайный бунт“, ни „историческая неизбежность“, — она величайшая катастрофа, которая могла быть, но могла и не быть. Ответственность за нее несут все, без исключения, сейчас живущие русские. Причины этой катастрофы лежат не в „пороках проклятого царизма“, не в заговоре жидо-масонов (отрицать второстепенное эпизодическое значение некоторых из этих утверждений не приходится). Причины ее глубже и серьезнее.

Россия была загублена диким разгулом нашего родного озорства, искалечена антинациональным, сухоумным и нежизненным теоретизмом, предана внутренней ничемностью и дряблостью ведущих слоев своего народа.

— Знать сломилось что то в народе (а вместе с ним и в нас), знать замутнилось его самосознание и совесть, что оголтело пошел он на самоубийство, что допустил и допускает такой разгром и такое унижение, что терпит подобное рабство и подобный позор.

Здесь мужественно и нелицеприятно должно сделать основной вывод: *русский народ переживает жесточайший кризис своего духовного, национального и социального самосознания.* Причины нашего национального падения именно и лежат во внутреннем ослаблении современного российского поколения. Оно как бы оказалось носостоятельным наследником великого исторического достояния и, вольно и невольно, растратило и загубило его — свою Россию.

Что произошло с нами?

История России — история тяжелого труда, великого напряжения и больших жертв наших предков на протяжении веков. Еще сравнительно до недавнего времени вся социальная структура нашего государства носила суровый служилый характер, — не прошло еще двухсот лет от времени осво-

бождения дворянства, нет и ста лет от раскрепощения крестьянства.

В напряженном труде, в постоянной опасности, в неустанной борьбе с природой и пространствами, с набегами и нашествиями диких орд кочевников и татар, с натиском Запада — были преодолены все трудности, поборены все опасности, и была создана великая Империя. Наши предки достойно выполнили свою национальную задачу.

Когда изучаешь материал войны и революции, когда внимательно вглядываешься и вслушиваешься в нашу русскую современную действительность, — нельзя не признать, что многим и многим современникам эти грозные события и дела оказались просто не по плечу.

И неотвратимо встает перед нами вопрос о причинах слабости, а зачастую и никчемности, современного россиянина. Что же произошло с нами? Что так обессилило нас, сейчас живущих русских?

— Очевидно, что причина глубинна. Она, несомненно, где то глубоко внутри нас, в основе того, что является отправной точкой формирования и выявления человеческой личности. Таковым первоисточником является наше *мировоззрение*. В нем то и заключаются ответы на все эти основные вопросы для человека: — о смысле и сути жизни, вещей и явлений; откуда мы и зачем пришли в этот мир?; зачем и для чего живем?. За ними следуют и другие, уже „практические“ вопросы: Что же мы должны делать и как же жить?; к чему стремиться и чему служить нам?; что есть для нас Россия, чего ждет она от нас, и каков долг наш перед ней?.

Если есть у человека определенные ответы на все эти вопросы, если едино и целостно его мировоззрение, — ясна жизнь, нет колебаний и сомнений, прям и легок, несмотря ни на что, его жизненный путь, — силен человек. Будет тогда и воля. Она выявляется и развивается при условии наличия целостного и ясного жизнепонимания и жизнеустремления. Будет и мораль, — она есть производная веры.

Трудно, если говорить искренно, ныне утверждать, что у современного россиянина есть определенные и, — а это еще важнее, — не противоречащие один другому ответы на все эти „проклятые“ вопросы. А здесь то и таится корень всего, в этом-то и отличие нашего мировоззрения от целостного внутреннего мира наших предков. — *В современном русском человеке произошло раздробление, дифференциация его национального мировоззрения.* В нем хаос противоречий и неясностей. Отсюда проистекает и наше национальное бессилие и немощь.

Этим объясняется и те парадоксальные явления, которые наблюдаем мы в нас окружающей среде. Так, мы нередко видим верующего социалиста, пытающегося противоестествен-

ным образом одухотворить и освятить мертвую социалистическую доктрину, в своей основе отрицающую и дух и высшее начало. Мы очень часто встречаем монархиста-легитимиста, поклоняющегося материи или даже отрицающего Бога, но все же причудливо строящего свою систему на высшей благодати и таинстве миропомазания.

На этих наших грехах и недугах нам следует внимательно остановиться.

Наши недуги.

Их много. Задержимся лишь на четырех главных из них.

1. Плен материализма.

Ощущая всю нелепость и позор нашего состояния и желая как то оправдать наше бессилие и проистекающее из него бездействие, очень многие из нас зачастую принимают, сами того не замечая, материалистическую теорию исторической предопределенности. При этом не отдают себе отчета в том, что во имя этой ядовитой марксистской, а по существу еврейской, теории и поработана наша страна.

Из-за своего гонора и для своего самооправдания, многие хотят верить и убеждают себя и других, что повернется, наконец, таинственное и магическое „колесо истории“, что откачнется в противоположную сторону фантастический маятник судьбы, что все само собой образуется, помимо нас, но именно так, как мы хотим и мечтаем. В подкрепление этих своих утверждений, обычно приводятся доводы и доказательства экономического и чисто материального порядка.

И не замечают в таких случаях, или вернее не хотят замечать, что кругом нас зарождается новый мир, в основе которого лежит идея, а во главе — сильные личности; закрывают глаза на все современные сдвиги и события. Так борцы с полонившим нашу землю марксизмом легкомысленно и бессознательно содействуют закреплению в умах исторического материализма, — одной из догм марксизма.

— Могут ли они в таком случае бороться с марксизмом?

2. Отрыв от действительности.

Всякая эмиграция, покинувшая родную землю, всегда теряет психологическую связь с ней, если обрываются духовные узы ее с народом. Не избежали и мы этой участи.

Эмиграция в массе до сих пор не поняла: — почему же пошел в свое время за великим обманщиком Лениным наш народ, за что борется он сейчас против соввласти, что представляет он сегодня из себя, о чем мечтает, к чему стремится? Не разобрались не потому что не могли, а потому что не хватило и не хватает решимости отказаться от своих предвзятостей, от собственной, самоутешающей и успокаивающей

доморощенной теории, не имеющей никакой связи с действительностью.

Оторвавшись от современной российской действительности, мы горделиво замкнулись в своем собственном особом мирке — в „былой России в миниатюре“ (одни в дофевральской, другие в послефевральской). Все у нас здесь свое, — и русские магазины, и школы и театры, и церкви, и журналы, и газеты, и, наконец, социалисты II и III Интернационала, и либералы, и даже Императорский Двор.

А там, на далеких российских просторах, в ином и, увы, уже для многих чуждом мире — разворачиваются жуткие и трагические страницы борьбы не сдающегося нашего народа с преступной ком. властью. За двадцать с лишним страшных лет — „лицо изменила земля, народы сменили народы“. Встает там новое поколение, рожденное и взращенное в голодные годы, в пожаре „военного коммунизма“, в угаре первой пятилетки, в кошмаре коллективизации и террора.

Они встают, борются и умирают за Россию, но не за нашу прежнюю, а за свою новую, вымученную, выстраданную в эти тяжелые годы. Они ждут помощи и поддержки, взывают о ней. Но что может предложить живущий прошлым тому, кто устремляется к новому будущему? Может ли помочь и что либо дать от себя тот, кто не понимает, кто так далек духом от них?

3. Отсутствие веры в свои силы и сознания своего личного долга.

Оторванность от современной российской действительности и полное непонимание ее создают превратное и ложное представление о чудовищной мощи большевиков, о вседущности и дьявольской пронизательности ее органов, о полной невозможности участия отсюда в борьбе нашего народа.

В данном случае мы имеем дело с самовнушением. Ибо, если признать противное, то за этим признанием логически последует вывод о возможности собственного участия и о собственной ответственности. Здесь мы сталкиваемся с непреодолимыми для большинства — психологией забитости приниженного и нищенского беженства, как и с психозом поражений и неудач в прошлом.

Зарубежье, должно признать, за эти долгие годы не примирилось с большевизмом, но и борьба не стала основным стимулом его жизни и деятельности. В нем не раз делались попытки организации борьбы; в нем всегда находились одиночные смельчаки и герои, отдававшие себя подвигу борьбы и проникновения в стан врага. Но отсутствие духовного бодрствования и идейной напряженности легко открыло доступ советской провокации в эмигрантские организации и общественность. Провокация — явление во всякой

революционной борьбе неизбежное и даже нормальное — не столько помешала фактически этим начинаниям борьбы, не столько скромпрометировала саму идею борьбы, — сколько морально обезоружила Зарубежье, дала формальное оправдание его пассивности, узаконила отход от политики, преобладание личных интересов и культурничество.

Это моральное обезоружение породило в массах беженства безнадежный пессимизм, миф о несокрушимом всемогуществе врага и полное отсутствие веры в свои силы. Последнее же является, по существу, моральной капитуляцией.

Раз признано, что борьба почти невозможна, что попытки в этой области безнадежное безумство, — тогда снимается с каждого рядового зарубежника его ответственность. — Сейчас я ничего не могу, а значит ничего и не должен делать. Когда же „придут события“ (они, де, все время „приближаются“), когда „начнется“, — тогда только смогу я выполнить свой долг. Сейчас же на мне лежит обязанность лишь подготовить себя к этому моменту.

Но сможет ли такой ждущий „прихода событий“ (как будто можно себя законсервировать и не дряхлеть с годами физически и духовно) дать что либо от себя? Когда придет это время? И кто же должен „начинать“, кто должен создавать русские события сегодня?

4. Отсутствие творческой, организующей и зажигающей идеи.

В этом нельзя, конечно, ни упрекать ни обвинять. Но именно отсутствием ведущей и увлекающей идеи и надо объяснить неудачу борьбы против большевизма. Если эмиграция сейчас пассивна, то белое движение было полно героизма, готово на жертвы и исполнено решимости к тому, чтобы отстоять свое дело.

Но что предполагало оно отстаивать от потока и разграбления и во имя чего оно боролось? Во имя „Единой, Великой и Неделимой“? Во имя былой славы, величия Империи, необъятности одной шестой части суши?

В своей обращенности назад тогда не было понято, что громада жизни перемещается вперед, что прошлое и настоящее в грозе и буре революций ищут своего будущего. Борьба за бесплотную формулу не вызвала ни отклика, ни энтузиазма в массах, в материке народном.

Только немногие из героев смутно понимали, что нужно сказать какое-то новое слово, и пели:

„Мы былого не жалеем,
Царь нам не кумир.
Мы и без царя сумеем
Дать России мир.

Сами они смутно представляли себе этот мир в формах отходящего либерального обихода, в неясном виде банальной республики.

Зато губернаторы и помещики, стекавшиеся в их тылу, понимали этот „мир“ совсем конкретно. Первые примеряли себе губернии и подбирали кадры уездных начальников; вторые, подбираясь позади фронта к своим имениям, восстанавливали, иногда с экзекуциями, свои права и собирали свою долю урожая за прошлый год. А на другом фланге — интеллигентском — продолжали тупо твердить: „Ни Ленин ни Колчак“. И вызывали восстания в тылу белой армии.

Кто посмеет сказать, что это ложь?

Кто посмеет отрицать, что за спиной белых борцов остатки правящего и ведущего слоя, не умудренные страшным разгромом 1917 г., повторяли зады, не породив свежей идеи, не наметив даже новых путей решения социально-политических вопросов!

Белые борцы доблестно сложили головы свои за Россию. В эмиграции руководящая роль перешла к зехребетникам белой армии — интеллигенции и представителям правящего слоя.

И опыт второго разгрома не умудрил их. Обращенность назад осталась характерной для двадцати лет бытия русского Зарубежья. И на фоне былого величия, славы, культурных достижений прошлого, только резче выделилась идейная беспомощность, неподвижность застывших форм, стеснявших все новое и молодое, отсутствием пафоса, активности и последовательной ясности мышления.

Даже наглядный урок Хитлера, Муссолини и Франка не мог вызвать ничего другого, кроме слепого подражания чужим словам и формам.

Русский кризис ждет и требует русской национальной формулы своего решения.

На основании выше изложенного мы утверждаем, что Зарубежье все еще не исцелилось все еще поражено нашей общероссийской болезнью — кризисом мировоззрения. Это он является причиной и нашего бессилия, и всей бесплодности нашего эмигрантского бытия.

Возврат к жизни и силе доступен лишь тому, кто преодолеет этот недуг, кто свою борьбу за Россию начнет, прежде всего, с самого себя и сумеет, захочет и сможет создать из себя подлинную русскую силу.

Но как исцелить себя и создать из себя силу?

Здесь, прежде всего, становится вопрос о воспитании нового русского национального характера, о преодолении в

себе всех внутренних недостатков мешающих достижению цели, о создании из себя мужественной волевой личности, ясно представляющей свой жизненный путь и умеющей свои выводы и решения безоговорочно претворять в дела и действия. Задание это основное, требующее исключительных внутренних усилий и твердой решимости.

Если мы заглянем в себя, то увидим — как много в нас недоговоренностей, неясностей и неопределенностей, на которые мы, по душевной ленности, закрываем глаза и которых не желаем замечать! Если мы задумаемся над своей личной жизнью, — как много в ней того, что называется „отбыванием номера“. Мы многое делаем „автоматически“, по инерции, и не верим в действительную необходимость делаемого. Мы выполняем традиционные нормы исполнения нашего долга к ближнему, к обществу, к России, но как мало в нашем „я должен“ и горячности и страстности (взамен скорее нудная необходимость, „так полагается“).

И чтоб выйти из этого тумана, чтобы выбраться из блуждания среди призрачных ценностей, нужно духовно сосредоточиться и проверить ценности, которыми до сих пор жили. А, проверив, нужно осознать до конца, прочувствовать, принять ценности подлинные и извечные.

Должно, однако, оговориться, что эта сфера работы человека над собой, сугубо индивидуальна и интимна. Здесь не может быть ни инструкций, ни указки извне. Ведь, по существу, вопрос ставится не о том, что я думаю и как я понимаю, а о том — как я ощущаю и духовно вижу. Извне возможна лишь моральная поддержка и возбуждение потребности и жажды этой „внутренней реформы“.

Но сильная личность может быть увлечена и злой и греховой идеей (Базаров, Раскольников, „сверх-человек“ Ницше), которые тоже могут временами давать фикцию целостного мировоззрения. — Сильный человек только тогда нужен и полезен нации и может что-то от себя дать ей, если он живет и проникнут творческим национальным мировоззрением.

Сила русского националиста покоится на стройном, ясном и целостном национальном мировоззрении. Вот почему все слагаемые нашего мировоззрения — Бог, весь мир, Россия, общество, труд и творчество, личность — должны быть в нас сведены ясно и стройно в одно гармоническое целое.

Итак, перед нами в этой области три задачи:

1. — Пробуждение в современном россияnine жажды „внутреннего возрождения“;
2. — Содействие пробуждению в нем русского творческого мировоззрения;

3. — Содействие оснастке и вооружению нового российского националиста знаниями и аргументировкой его национальной веры и его внутренних личных убеждений.

Этим трем задачам и посвящен начинающийся настоящим конспектом „Курс Национально-Политической подготовки“ Национально-Трудового Союза Нового Поколения.

Курс Национально-политической подготовки.

Для выявления и утверждения нового российского мировоззрения необходим самый широкий обхват всей современной жизненной действительности. Вот почему Курс Н. П. П. содержит в себе разбор ряда вопросов и положений современной мысли, как то философии, социологии, экономики, истории.

Здесь же должно, однако, заметить, что наш курс Н. П. П. наукой никак считать нельзя. Если мы и даем все-стороннее освещение различных научных вопросов и направлений, то делаем это в служебных для нашей идеи целях.

В своем приложении к действительности и при проведении в жизнь, всякое мировоззрение (вне зависимости от своего характера и содержания) порождает свою идеологию, доктрину, программу и тактику.

Идеология — есть совокупность внутренне связанных идей, устанавливающих определенное и целостное отношение к жизни государственной, общественной и личной.

Доктрина — есть стройная система положений, вытекающих из основных идей мировоззрения. Доктрина — учение, вытекающее из идеологии, последовательное развитие заложенных в ней следствий и выводов, применение их ко всем вопросам, с идеологией связанных.

Программа — есть план конкретных мероприятий и будущего практического устройства, как и организации проведения идеологии в жизнь.

Тактика или политика — есть направление и временные приемы, зависящие от создавшихся обстоятельств и условий, борьбы и работы за осуществление идеологии.

В области выяснения и утверждения программы и тактики курс Н. П. П. не дает окончательных выводов, а лишь устанавливает основные положения, ставит только главные вехи. Ибо никакая национально-социальная мысль не смеет прийти к статическому положению, заостенеть в оторванной от реальной жизни догме. Наоборот, она должна развиваться и совершенствоваться вместе с жизнью и развитием человеческого общества и самого человека.

Свободное развитие творческой мысли, считаем мы, есть основное условие жизни и эволюции животворящей идеологии, каковая должна не тормозить и коверкать своими

отжившими и измышленными положениями органическую жизнь, но, наоборот, — вдохновлять, освящать и возбуждать рост и совершенствование жизни государства и жизни человека.

Целью Курса Н. П. П. является и практическая идеологическо-политическая подготовка кадров Нового Поколения России — кадров начинающих, организаторов и вдохновителей революционной борьбы за Россию в настоящем и строителей ее в будущем, после Национальной Революции.

Каждый борец за Россию должен сейчас не только ощущать правоту своего дела, но и уметь обосновать, объяснить и дать почувствовать и осязать свою идею постороннему. Он должен так же знать, — почему единственна и исключительна его идея, почему погибает старое отжившее мировоззрение? Куда устремляется ныне весь мир, и какое займет в нем место наша страна?; что воскресит нас и Россию?; и т. д., и т. п.

Кроме того, для конечного успеха борьбы, совершенно необходимо единство действий. Последнее же создается все тем же единством мышления. Единство мировоззрения, единство вытекающих из него идеологии, доктрины, программы и тактики — вот основа русского спасения. Создать это единство и цельность, прежде всего, в самих себе — наш основной долг. На помощь этой нашей работе над собой приходит Курс Н. П. П.

Курс Национально-Политической Подготовки содержит пять частей:

Часть 1. Основы национального мировоззрения.

- Конспект 1. Наш национальный кризис (Введение).
- Конспект 2. Идеализм и материализм.
- Конспект 3. Значение идеи и сильной личности.
- Конспект 4. Элементы государственной и общественной жизни.
- Конспект 5. Национализм.
- Конспект 6. Новый век и новый человек.

Часть 2. Основы народного хозяйства.

- Конспект 7. Хозяйственные блага и их производство.
- Конспект 8. Учение об обмене.
- Конспект 9. Распределение и потребление хозяйственных благ.
- Конспект 10. Современная организация народно-хозяйственной жизни.
- Конспект 11. Значение и роль государства в народно-хозяйственной жизни.

Часть 3. Социальная, экономическая и политическая жизнь.

- Конспект 12. Либерализм.
- Конспект 13. Социализм.
- Конспект 14. Земельный вопрос.
- Конспект 15. Рабочий вопрос.
- Конспект 16. Кооперация.
- Конспект 17. Солидаризм.
- Конспект 18. Устройство центральной и местной власти.

Часть 4. Исторический отдел.

- Конспект 19. Историческое развитие России.
- Конспект 20. История революционных и общественных движений до 1914 года.
- Конспект 21. Общественные настроения периода 1914—1917 г. г. и революция 1917 года.
- Конспект 22. Белое движение.
- Конспект 23. История коммунистической власти.
- Конспект 24. Революционно-политическая борьба с коммунистической властью.

Часть 5. Национально-трудоу солидаризм.

(Готовится к печати)

Нужно еще оговориться здесь, что предложенный выше курс может оказаться и „мертвой буквой“, если „упадет зерно на камень“. Он есть всего лишь вспомогательное пособие для тех, кто решился сам встать на путь подлинной борьбы за Россию и кто начал ее, прежде всего, с самого себя.

Заключение.

Тот, кто заставит себя изжить в себе наш национальный кризис — причину и источник нашей слабости и нашего национального падения, — тот приобретет силы к тому, чтобы стать участником и борцом современной российской действительности. Он не будет одинок. По обе стороны русского прозябания найдет он своих единомышленников, встретит дружескую поддержку и братскую помощь.

По обе стороны рубежа новое российское поколение пробуждается и встает под знаменем Национально-Трудового Солидаризма. Оно твердо решило посвятить свою жизнь, а если потребуется, то и отдать ее, — борьбе за новую, свободную и великую Национально-Трудовую Россию.

Этот путь открыт перед каждым из нас.

II. Идеализм и материализм.

Вступление.

Мы современники великих идейных и политических сдвигов. На наших глазах меняется коренным образом духовная, социальная, политическая жизнь человечества. Разрушаются старые, веками сложившиеся представления и ищется новое мировоззрение. В этом — основная характеристика переживаемой нами эпохи.

Наша же принадлежность к России, к российской нации делает нас сугубо ответственными за то исповедание, которое несем мы в Россию. Ибо страна наша подверглась небывалой катастрофе не только хозяйственной и политической, но и духовно-моральной.

Начиная еще с XVIII века в Россию проникало, в различных видах, материалистическое учение, и воспринималось оно русскими людьми — идеалистами по складу характера — безоговорочно, как религиозные догматы. С возникновением марксистского движения материализм получил свои законченные формы, а в 1917 году восторжествовавший коммунизм поставил его на *пьедестал новой религии*.

Начиная с 1917 г. все подрастающие поколения в СССР воспитываются в духе диалектического материализма. Но сумели ли этим большевики создать новый тип человека — последовательного материалиста?

Нет! Об этом нам свидетельствует ежечасная борьба с властью на Родине, борьба, в которую все шире и шире вовлекается Новое Поколение России,

Но два десятилетия принудительного воспитания в духе „диамата“ принесли свои плоды: мышление подсоветского человека в значительной степени складывается по его схемам, несмотря на все отвращение к коммунизму и власти.

Поэтому, нам нужно отчетливо знать сущность диалектического материализма и материализма вообще, чтобы уметь разрушить до основания в умах наших братьев „там“ отжившие схемы „диамата“.

Нам нужно и осознать сущность нашего идеалистического мировоззрения, ибо оно не есть следствие минутного

настроения, а результат зрелого размышления о сущности мира и нашего человеческого призвания в нем.

Наше духовное самоутверждение требует от нас вооруженность — необходимое условие нашей конечной, полной победы. И еще: наш Союз — движение не только политическое; политическая борьба для нас не самоцель — оно средство на пути к выявлению и осуществлению служения высшим духовным ценностям в освобожденной и воссозданной Новым Поколением — России.

Вот почему, курс нашей политической подготовки начинается с рассмотрения чисто философских вопросов: вопросы духа — наши основные вопросы, духовная сущность есть краеугольный камень нашего движения.

I. Наука, философия, религия

Философия занимает совершенно особое место в человеческом духовном творчестве.

В то время, как наука расширяет умственный горизонт человека при помощи положительных данных наблюдением и опытом (физика, химия, астрономия, биология и пр.), философия стремится ответить на „проклятые“ вопросы „почему“ и „зачем“, „почему я живу“, „зачем я живу“, „что меня окружает“, „как я должен поступать“ и пр., расширяя, главным образом, его духовный кругозор.

Размышлять об этих вопросах, — свойство решительно каждого человека. Можно сказать, что первым философом на земле был первый человек, одаренный разумным сознанием. Философы же, в узком смысле этого слова, лишь уточняли эти вопросы и пытались дать разработанные и стройные ответы.

Так возникла философия, еще с древнейших времен Эллады, разделившаяся на 4 основных ветви (по цели своего исследования):

1) *Теория познания. (Гносеология).* Учение о том, как, и при помощи чего, я познаю мир.

2) *Учение о познаваемом. (Онтология).* Другими словами, *что* представляет собою мир, — предмет моего познания.

3) *Этика.* Учение о том, *как* я должен поступать, какими идеалами руководствоваться в жизни.

4) Наконец, последняя отрасль философии есть *эстетика*, или учение о прекрасном. Эстетика, оказывая большое влияние на культурное творчество человечества, никогда, однако, не играла такую решающую роль в его жизненных судьбах, как первые три отрасли человеческой мысли.

Человеку, однако, свойственно не только *исследовать* (научная деятельность), не только *размышлять* (философия), но и *верить*. Вера, т. е. религия, так же отвечает потребностям человеческого духа, как и наука, и философия. В

отличие от двух последних, она не допускает согласия или несогласия с отдельными своими положениями.

Вера тем и сильна, что она *цельна*; религиозное мировосприятие отличается от философского тем, что оно не рассудочно, а непосредственно, *инстинктивно*. Мы верим больше душой и сердцем, чем рассудком.

II. Теория познания (гносеология).

Все споры, ведшиеся между философами в этой области, сводились к одному основному: можем ли мы познавать мир только с помощью пяти чувств, или нам доступны и иные способы восприятия?

Здесь давались различные ответы. Так, мы знаем школу *сенсуалистов* (от латинского „Sensus“ — чувство), сводивших все восприятия к элементарным ощущениям. Например, наслаждение картинами Рафаэля или музыкой Бетховена, любовь к Отечеству и прочие чувства „высшего порядка“, по их мнению, совершенно подобны чувствам, скажем, боли от укола или сытости после еды. Ибо наше восприятие есть просто отражение, при помощи чувств, внешнего мира.

Сенсуалистам на это возражали *рационалисты* (от латинского „ratio“ — разум), что созерцание геометрической фигуры, или математической формулы никаких ощущений на вызывает, что в этом случае работает исключительно наш рассудок, что следовательно, есть понятия, познаваемые не только элементарными чувствами, но и *разумом*. Декарт (1596—1650) относил к этим понятиям понятия логики, математики и пр.

Крупнейшим исследователем вопроса о познании был великий немецкий мыслитель *Кант* (1724—1805 г.), произведший своими трудами (гл. обр. „Критика чистого разума“ и „Критика практического разума“) своеобразную революцию в философии.

Кант, прежде всего, отличает, что есть два понятия, которые ничьим отражением не являются; в равной степени, эти понятия не требуют никакой предварительной умственной работы (что напр. необходимо при чтении математических формул). Это понятия о „времени“ и „пространстве“; они — необходимое условие для всякого восприятия вообще, эти понятия рождены вместе с человеком, они даны нам „a priori“, и Кант называет их, вместе с некоторыми другими („причинность“, „следствие“, „содержание“), „априорными“.

Априорные понятия — такое же условие для нашего познания как, напр., в шахматной игре — правила игры. Без этих понятий познание, вообще, невозможно.

Еще до Канта в философии признавалось, что мы не можем познавать вещи так, как они являются в действитель-

ности: что такие свойства вещей, как твердость, цвет, звук, шероховатость и т. д. — мы воспринимаем соответственно тому, как у нас устроены органы чувств. Кант и его последователи вообще делили все существующее на:

1) „*вещи в себе*“, которые, вообще, недоступны нашему пониманию (на этом утверждении, главным образом, и построена знаменитая кантовская „Критика чистого разума“).

2) на „*явления*“, которые обуславливаются устройством нашего организма и психики.

По Канту выходит, что то, что мы называем природой, не есть настоящая природа из которой построен мир, а только ее субъективное (личное) восприятие нами. Наш рассудок „созидает“ природу на основании того, как мы ее видим, слышим и т. д. И мы сами ей придаем закономерность в силу определенного устройства наших воспринимательного и мыслительного аппаратов. Например, глядя на дерево, мы видим сочетание красок — зеленой (от листьев), серой (от коры), розовой (от лепестков соцветий); беря кусок дерева в руки мы чувствуем известную твердость; пробуя листья на вкус — ощущаем во рту горечь, — и вне этих красок, твердости вкусовой горечи, мы составить себе представления о дереве не можем. Дерево „само по себе“, без его внешних, воспринимаемых нами качеств, нашему познанию недоступно.

Другими словами, наше познание возможно лишь при существовании известных условий, как например, игра в шахматы возможна лишь при наличии заранее обусловленных правил игры и шахматных фигур.

Сложные вопросы гносеологии, разбиравшиеся отдельными философскими школами, нашли свое своеобразное преломление в так — называемом „*наивном реализме*“, получившим распространение, главным образом, в XVIII в. „Наивный реализм“ не есть какая либо серьезная философская система; это, — обрывки отдельных философских понятий, просочившихся в „образованную чернь“. Здесь есть „всего по немногу“: и от сенсуалистов, и от рационалистов, и от других философских школ.

Классический тип наивного реалиста выведен у нас Тургеневым (Базаров в романе „Отцы и дети“) и Гончаровым (Марк Волохов в романе „Обрыв“). Это же воззрение наивного реализма стараются, под маской материализма, внушить широким массам социалисты и воинствующие безбожники, выдавая его за последнее слово науки.

Для интеллигенции у социалистов существуют более тонкие подходы и более сложные и запутанные теории материализма. Для людей же мало образованных преподносится наивный реализм, получающий в речах ораторов-демагогов характер очевидности. Здесь, по правилам техники руковод-

ства массами, социалисты стараются внушать массам свои идеи материализма с минимумом рассуждений.

Наивный реализм представляет собой взгляд наивного сознания, которое констатирует только то, что оно воспринимает непосредственно. Для наивного реалиста существуют реально, цвета, звуки, сладость сахара, но зато с такой же несомненностью не существует добра и зла, чести, души и Бога. Свои утверждения наивный реалист поясняет сравнением разума с зеркалом, отражающим окружающие предметы.

Для того чтобы опровергнуть такой взгляд, надо указать хотя бы на то, что звук и свет — результаты колебания некой среды; что существуют ультралучи, которых мы не видим; что наш зрительный нерв дает ощущения света и в темноте, если его сдавить; что слуховой нерв, раздраженный электрическим током, тоже дает ощущение звука; что, вообще, чувственные впечатления качественно отличаются от их причин, что например, красный цвет, — наше индивидуальное ощущение, а в природе существует только длина волны. Мы даже не можем быть уверены в том, что для всех нас цвета представляются одинаково. Мы знаем только, что люди делают между ними различие. К тому же, количество цветных оттенков для всех людей разное, как различно и количество различных нот в гамме.

Наши нервные аппараты, чем бы мы их не возбуждали (например глаза можно возбудить светом, ударом, давлением, электрическим током) дают часто одинаковые ощущения. Без этих аппаратов не существовало бы и самих ощущений, которые не прямо соответствуют вещам, а только являются как бы их символами.

Противоположную крайность наивному реализму представляет так. назыв. *гносеологический идеализм* или *сцинтиллялизм*. Наиболее выдающийся представитель — английский философ епископ Бёркли). Это течение, вообще, отрицает существование материального мира вещей, считая их как бы тенями, совокупностями наших личных представлений. Вне нас, создавших мир в своем сознании, — мира, вообще, не существует.

Все, вообще, философские воззрения на вопросы о познании, господствовавшие в философии до самого недавнего времени, можно свести к двум основным:

а) *Реалистическое* (не путать с „наивным реализмом“): существуют „вещи в себе“, недоступные нашему разуму, ибо он познает лишь свойства вещей.

б) *Идеалистическое*: „вещей в себе“ не существует, ибо, если бы они существовали, то были бы доступны восприятию.

Кант, как мы видели, был скорее реалистом, утверждая что, кроме сознания, существуют „вещи в себе“, которые

находятся вне времени и пространства, и к которым не применимы понятия о причинности и т. д. „Вещи в себе“ являются источниками звуков, цветов и др. „вторичных явлений“, которые мы способны воспринять.

В этом утверждении кроется, однако, противоречие, так как с одной стороны, Кант считает, что самое понятие причинности неприменимо к „вещам в себе“, а с другой, *делает их причинами „вторичных явлений“*.

Ани Бергсон — наиболее крупный современный философ. Считается, что Бергсон, как в свое время Кант, открыл новую страницу в истории философии. Наиболее известное сочинение Бергсона: „Творческая эволюция“ вышло в свет в 1907 г. Бергсон положил конец спору „идеалистов“ с „реалистами“.

Бергсон решительно отрицает искусственные и надуманные построения Канта, заменяя их системой глубоко реалистической, в которой чувствуется отражение бьющей ключом жизненной силы и необычной ясности мысли.

Мы уже выше рассмотрели сущность многолетнего спора идеалистов и реалистов. Первые настаивали на том факте, что восприятие есть единственная данная нам реальность, что дух, как волшебный фонарь проектирует „изнутри“ из нашей души то, что мы называем внешним миром. Вторые говорили противоположное: внешние предметы являются независимыми от нас вещами, которые наш дух только воспринимает. Но приверженцы этого течения не могли при этом объяснить, каким образом восприятие, возникшее в духе или, может быть, в мозгу, может совпадать с реальным предметом, совершенно независимым и от духа и от мозга.

Бергсон подошел к вопросу с другой стороны, совершенно по новому.

Основной характер бергсоновской философии заключается в утверждении основного значения понятия *жизни*, которое должно дать ключ к сущности познания. Ключ к решению проблемы реальности и познания лежит не внутри нас, не в уме, как полагают идеалисты XIX века, и точно так же не вне нас, в мире материальных вещей, как полагали реалисты, — он лежит в жизни.

Философия Бергсона основана на простом факте, на который он первый обратил внимание, но который совершенно прост и становится очевидным, как только он высказан. Этот факт тот, *что жизнь есть та действительность*, ради которой *существует познание* и ради которой природа получает свой порядок, открываемый познанием. Таковой ответ будет окончательным, потому что он не отсылает нас к какому то умственному понятию (напр. к какой то „вещи в себе“), которое требует дальнейшего разъяснения. Жизнь не есть вещь или состояние вещи. Жизнь дана нам не как

нечто, предстоящее нашему уму, не как цель познания путем ума, а дана непосредственно, в живом самосознании жизни. Это самосознание жизни Бергсон называет *интуицией*.

То, что познается „путем интуиции“ значительно выше, чем то, что познает наш ум (*интеллект*). Интеллект — то же самое для нашего „я“, что ухо или глаз для тела, но не больше; это специальное приспособление, которое позволяет существу, одаренному им, рассматривать действительность извне. У интеллекта, однако, ограничен объем и характер этого рассмотрения.

Поясним сказанное примером: в чем состоит то, что мы называем *гениальностью* в великих художниках, поэтах композиторах. Она заключается в их способности видеть больше, чем видим мы, и своим искусством открывать и нам доступ к глубинам действительности. То, что видят они и что у всех нас перед глазами, но только *они видят это*, потому что одарены более высокой способностью, чем мы. Что же открывается им? Конечно, не научная („интеллектуальная“) истина и не техническое умение, потому что они являются следствием, а не сущностью гениальности.

Великое искусство состоит во вдохновении, в способности познать любой объект путем вхождения в него и переживания его собственной жизнью. Что составляет картину художника? Не краски, которые он смешивает на палитре и переносит на полотно — они только средство выражения, и не модель, которая служит ему внешним руководством, и также не совершенство, с которым он копирует действительность. Картину составляет образ, рожденный в фантазии художника, его проникновение в самую душу предмета, — нечто такое, чего он никогда не сумеет выразить в совершенстве. Но даже в несовершенном выражении это „нечто“ открывает нам пределы, в которые никогда не могли бы без него проникнуть. Это „нечто“ рождается в акте интуиции. Интуитивное восприятие, т. е., непосредственное и душевное, есть высшая степень познания жизни.

III. Философский материализм*).

Второй проблемой философии является вопрос о том, — *из чего состоит все то, что существует*. — (Онтология — учение о познаваемом). И на этот вопрос даются философскими школами разные ответы. Рассмотрим, прежде всего, материалистическую школу, учение которой легло в основание марксистского социализма.

*) В качестве ценного пособия при прохождении этой главы рекомендуется статья И. О. Лосского „Диалектический материализм в сов. России“. Сборник „Свет Истины“ изд. Р. Т. Х. Д.

Основными свойствами того, что мы называем материей или материальным телом, мы должны признать *протяженность* (тело занимает известную часть пространства), *непроницаемость* (место его не может быть занято другим телом) и вес. Тело также обладает известной *массой*, и т. д. Самое общее наблюдение показывает, что протяженность тела делится на части, которые могут быть делимы и дальше. Здесь возникает трудность следующего рода: если все вещи делимы до бесконечности, то они состоят, следовательно, из непротяженных точек, (т. е. не занимающих пространства). С этим, однако, нельзя согласиться, так как совершенно не понятно, как протяженные предметы могут состоять из непротяженных точек, ибо идеальная, абсолютная точка не занимает никакого пространства.

Этим вопросом и занялись древнейшие материалисты, наиболее известным из которых является греческий философ Демокрит. По его учению, весь мир состоит из неделимых частиц материи, настолько мелких, что они недоступны нашему восприятию. Эти частички называли „атомами“, потому и самое это учение получило название *атомистического учения*. Душа тоже состоит из атомов, но наиболее совершенных и подвижных, а все *мышление есть ничто иное, как движение атомов*.

В XVIII веке Ламметри стал дальше развивать материалистическое учение, указав на зависимость между явлениями духовными и физическими. Он считал установленным, — что болезни тела влекут за собой и болезни души, что тот или иной характер находится в зависимости от того или иного состояния тела, и что поэтому все душевные способности — не что иное, как организация нашего тела. Далее, он считал необходимым допустить, что и мышление есть свойство материи. Правда, это последнее утверждение никак нельзя понять, но для Ламметри это не было опровержением его учения, так как он на это возражал, что и многое другое в материалистическом мире также нельзя понять, а оно все же существует.

Вскоре материалисты внесли дополнение в это учение, объяснив, что материя может мыслить только тогда, когда она составляет часть организма. Таким образом, получилось утверждение, что *мысль есть свойство организованной машины*. Это мнение выражается и следующими фразами: „подобно тому, как печень выделяет желчь, так и мозг выделяет мысль“... „душа есть ничто иное, как собирательное понятие для совокупности деятельности мозга и его отдельных частей и органов“...

За XIX век ничего существенно нового к материалистическому учению не прибавилось, но круг лиц, исповедующих материализм, значительно расширился.

Причины этого лежат в особом характере европейской науки и просвещения. Их зарождению предшествовало случайное обстоятельство — конфликт науки с римским средневековым клерикализмом, т. е. столкновение людей науки с Римско-Католической Церковью, требовавшей полную подчиненность науки католическому учению („наука — служанка богословия“) и не дававшей развиваться свободной научной мысли. Появившаяся у просвещенных людей Запада враждебность к религии закрепились в „эпоху просвещения“ (XVIII век — Вольтер, Дидеро и др.).

Другой причиной успеха материалистического учения в массах был происшедший в XIX веке необычайный расцвет точных и естественных наук. Необычайные успехи химии, биологии, анатомии, тонкость микроскопического исследования, „чудеса техники“ приковали интересы человека к изучению материалистического мира. Вся сила пафоса и восхищения человека сосредотачивается в этой области. Говорят о „мучениках“, „подвижниках“, „жрецах“, „храме“ науки.

В начале XIX века атомистическое учение приобрело права гражданства в науке, благодаря исследованиям химика *Дальтона* установившего „закон кратных отношений“ (1804 г.). Явления теплоты, звука, превращения одних вещей в другие и т. д. также требовали для своего объяснения признания существования атомов.

Однако, в конце XIX века, в результате открытия радиоактивности (супружеская чета Кюри), дело значительно осложнилось. Распадение материи, которое является сущностью явлений радиоактивности, заставило предположить, что атомы могут распадаться, на составные части — электроны, не являющиеся уже материей в обычном смысле слова. Это уже только определенные количества энергии, или точки приложения каких то сил, или пресечение магнитных полей. Так утратило свою ясность самое понятие „материи“. И у современных материалистов остается только скромное по существу определение материи, как совокупность всего того, что существует независимо от нашего сознания, или, как говорят, всего объективно существующего.

Итак, сущность материализма, как философского воззрения, заключается в том, что материя признается единственным основным бытием: вне материи ничего не существует. „Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении“ (Ленин, собр. соч. т. X. „Материализм и эмпириокритицизм“, стр. 117).

Материализм, как воззрение, распадается на два течения: на механистический и диалектический материализм. Это разделение оформилось в 1925 г., когда впервые была отпечатана в Москве рукопись Энгельса „Диалектика природы“: — до этого сами философы — материалисты не особенно ясно отдавали себе отчет в различии двух течений.

Механистический материализм наделяет материю исключительно физическими свойствами: пространственной формой, непроницаемостью и движением, а так как законы изменений этих состояний изучаются механикой, то все материальные процессы происходящие в природе могут быть объяснены чисто механическими причинами.

Все *качественные* различия видов материи могут быть выражены *количественно* математически; так, цвета, звуки, запахи — могут быть сведены к раздражениям соответствующих нервных центров в головном мозгу, а эти раздражения, в свою очередь, суть явления чисто материального порядка. Все, вообще, психические процессы носят чисто материалистический характер; они суть свойство высокоорганизованной материи, как бы ее надстройка, „эпифеномен“. Всякое движение частиц материи объясняется чисто внешней причиной, толчком другой материальной частицы.

Таким образом, механистический материализм отрицает какую бы то ни было целесообразность и закономерность в мироздании.

Диалектический материализм, определяя материю приведенной выше цитатой Ленина, отказывается от ее более точного и ясного определения. „Материю невозможно определить через ее род и видовое отличие, так как материя есть *все* существующее, самое общее понятие, род всех родов“ (Быховский стр. 78, Ленин стр. 118).

Этой неопределенностью в самых основах своего учения диалектики — материалисты значительно облегчают и упрощают свою задачу, т. к. если материя есть *все* существующее, то под это понятие можно подвести все что угодно, при желании, и самого Господа Бога.

Диалектики-материалисты, в отличие от механистов, не сводят качественных изменений материи к количественным, выдвигая теорию „скачкообразия“: — при накоплении количественных признаков, совершается „скачек“, и материя меняет свое качество.

Изменения материи объясняются согласно учению немецкого философа Гегеля, о двух законах диалектического процесса:

а) „закона взаимного проникновения противоположностей“.

б) „закона отрицания“.

По первому закону, весь мир есть „раздвоенное в себе единство, единство противоположностей, носитель внутренних противоречий“ (Быховский „Очерк философии диалектического материализма“). Таким образом, мир заключает в себе внутренние противоречия, являющиеся, в то же время, источником его развития, источником некоего творческого процесса.

Каждая вещь, каждое явление стремится превратиться в свою противоположность; первоначальное ее качество не исчезает бесследно, а сопутствует новому качеству, как подчиненный момент. „Так усваивается пища, или кислород организмом, растворяясь в нем“. (Энгельс „Диалектика природы“).

Таким образом, там где механист видит лишь *внешнее* противоречие между вещью и окружающей средой, материалист-диалектик пытается найти *внутренние* противоречия, как причины дальнейших качественных изменений.

Механист сводит все явления органической жизни к механическим законам — законам физики и химии. Для диалектика органическая жизнь есть нечто самодавяющее, некоторое исконное качество высоко организованной материи. Однако, сущность не материальных, психических (душевных) явлений, характерных для органической жизни, не поддается никакому логическому объяснению с точки зрения диалектического материализма.

Именно здесь он наиболее ярко обнаруживает всю свою несостоятельность.

Так по Ленину, „ощущение, мысль, сознание есть высший *продукт* особым образом организованной материи“ („Материализм и эмпириокритицизм“ стр. 39), т. е. душевные процессы он рассматривает, как материальное вещество, что является очевидной нелепостью.

Это, повидимому, сознавал и сам Ленин, т. к. в другом месте, противореча самому себе, он утверждает; „ощущение признается одним из *свойств* движущейся материи“ (там же 32). Но здесь, слово „свойство“, хоть и не столь нелепо, как слово „продукт“, тоже, само по себе, ничего не объясняет: — о *сущности* душевных процессов и всех вообще явлений органической жизни мы от материалистов — диалектиков так ничего и не узнаем.

Запутавшись в собственных определениях материи, диалектический материализм готов даже, по меткому замечанию Бердяева, наделить ее *божественными* свойствами. В самом деле, разве сам от себя возникший в мертвой материи закономерный творческий процесс не есть сверхприродное, божественное свойство?

Итак, резюмируем еще раз основные утверждения материалистов:

1. Материалист доказывает правильность своей точки зрения тем, что существование материи очевидно и несомненно, между тем, как существование духовного лишено очевидности и нуждается в доказательстве.

— Это рассуждение материалистов несостоятельно уже потому, что существование духовного так же для всякого человека очевидно, как и материального: — скажите чело-

веку страждущему, что у него нет страдания, и посмотрите — согласится ли он с вами.

Далее, — если я вижу передо мной дерево, то я сознаю, что у меня существует и мысль об этом дереве, и эта мысль о дереве мне непосредственно дана, а о существовании дерева я знаю только благодаря этой мысли. Следовательно *сознание обладает, по меньшей мере, такой же очевидной реальностью, как и материальные вещи.*

2. Утверждение материалистов, что мысль есть движение материальных частиц, помимо того что никогда и никем не было доказано, — является и непонятным по существу. То, что принято называть материей, обладает непроницаемостью, протяженностью, массой и т. д., свойствами, которые мысль не имеет. Если же взять определение Ленина, что „материя есть объективная реальность“, то ведь мы знаем, что мысль для нас существует субъективно. Поэтому утверждать, что мысль есть движение чего то объективного, значит объявить субъективное объективным. Это противоречит утверждению материалистов, что только объективное существует на самом деле. Разумеется, что мысль может *сопровождаться* движением мозговых частичек, но „сопровождаться“ и „являться“, понятия разные.

3. Утверждение, что „мышление есть свойство материи“ означает, по существу, утверждение об одухотворенности всего материального. Последовательно проводя это утверждение, материалист перестает быть материалистом, так как допускает существование такой материи, которая одарена сознанием.

4. Утверждение, что „материя есть все существующее“ (Деборин) — не есть, вообще, ответ на вопрос о том, что же именно существует, на который материализм обещал дать ответ.

Мы видим, таким образом, что положения материализма противоречивы и не обладают ни очевидностью, ни достоверностью и что строить на них свое мировоззрение было бы, по меньшей мере, легкомысленно.

IV. Механизм и витализм в естествознании.

Мировоззрение материалистов-механистов испытывает особые затруднения, когда речь начинает идти об органическом мире и живой природе. Так как оно считает, что все явления могут быть объяснены просто сочетанием механических причин, приравнивая жизнь к машине, которая работает целесообразно, но без всякой внутренней целеустремленности, в силу только комбинаций механических факторов. Из подобного утверждения следует, что не только организм растений, животных и человека является как бы машиной,

но даже сознательные действия человека, будучи прямыми следствиями определенных физических причин, только *кажущся* руководящими волей человека.

Подобный механизм исповедывает, кроме большинства материалистов, и представители некоторых других философских течений (напр. Декарт). Однако, еще более чем в философии, механизм укоренился, во второй половине XIX века, в естественной науке биологии — *биомеханизм*. Созерцая органическую природу, биомеханист не находит в ней ничего принципиально нового по сравнению с неорганической природой: те же элементы и такого же типа законы, только в более сложных сочетаниях.

Однако, существовавшее и раньше противоположное мировоззрение — *ви́тализм* снова возродилось в XX веке. Витализм (от латинского слова „vita“ — жизнь) — воззрение на живую природу, как на некоторое одухотворенное целое. Принявши новую форму, оно обнаружило высокую содержательность и способность к развитию, и стало наносить решительные удары механическому учению о жизни. В отличие от виталистов XVII—XVIII века, современное течение называется „*неови́тализмом*“.

Решение спора в пользу витализма в наше время пытаются провести целый ряд крупных ученых и философов. Стоит упомянуть имена зоолога *Г. Вольфа*, ботаника Рейнке, психолога и философа *А. Бергсона* и особенно *Г. Дриша* („Витализм“ — русский перевод А. Гурвича) и Эд. Гартмана. В русской науке, ту же работу выполняют В. Карпов („Основные черты органического понимания природы“), *Е. Шульц* („Организм как творчество“), *А. Гурвич*, *С. Мещальников*, *Н. Лосский* („Материя и жизнь“) и т. д.

Дриш пришел к витализму, занимаясь опытным исследованием в области эмбриологии и физиологии. Ему удалось найти четыре строгих доказательства невозможности того, чтобы организм был только „агрегатом“.

„Агрегат“ — определение организма, как исключительно материального целого. В этом определении организм обладает только материальными свойствами: протяженностью, весом, сцеплением частиц и т. д. Процессы внутри этого организма суть движение в пространстве и времени его материальных частиц. Вне пространства и времени нет никакого иного фактора, который связывал бы организм в целостную систему.

Первое и второе доказательства Ганса Дриш основаны на рассмотрении умения организма восстанавливать утраченные части (особенно развито у примитивных организмов), и на процессах развития организмов из зародышевого состояния. Третье и четвертое — на исследовании двигательных реакций организма, особенно „поступков“ высших животных и человека.

Приведем один из его опытов.

Дриш брал оплодотворенную икринку морского ежа — маленький комочек слизи — и тончайшей платиновой проволокой перетягивал ее пополам. При этом он рассуждал так: если развитие организма есть чисто-механический процесс, без какой либо конечной целесообразности, то из перерезанной икринки должно развиваться по половине же морского ежа, т. к. в самой клеточке все внутренние органы (ядро, ядрышко, хромозомы) перерезаны пополам.

Однако, вместо таких половинок, он получил два вполне нормальных экземпляра морских ежей, отличавшихся лишь меньшей величиной по сравнению с другими.

Значит, есть какая то жизненная сила, которая не только не допускает нелепости существования половинки животного, но, наоборот, стремится исправить уродливость, и направить развитие организма по естественным путям. (В нашем частном случае — в радиальном направлении, ибо таково устройство морских ежей).

Дав свои доказательства невозможности механической точки зрения, Дриш вводит для объяснения явлений в жизни понятие о „*жизненном начале*“ которое согласует и направляет процессы жизни, и которое он называет греческим словом „энтелехия“. Таким образом, „жизненное начало“ — „энтелехия“ есть тот связующий фактор, который отрицался биомеханистами. На самом же деле, именно „жизненное начало“ придает живому организму его целостность. Тот же вид энтелехии, который лежит в основе поступков живых существ, Дриш назвал, — „психоидом“, а на высших ступенях развития — „душой“.

Например, сила регулирующая развитие клеточек из зародыша, скажем, морского ежа, дающая им определенную форму и построение, и развивающая, в конце, взрослый экземпляр морского ежа, — будет *энтелехией* („*жизненным началом*“).

Инстинкт, заставляющий пчел лепить соты*), или муравьев строить муравейник, или птиц вить гнезда — будет *психоидом*.

Наконец, чувства любви, привязанности, дружбы, гнева, зависти и т. д., встречающиеся уже у высших животных — будут проявлениями *души*.

Все эти три силы являются, однако, проявлением одного и того же жизненного начала.

*) Отметим, что сила инстинкта такова, что напр., форма пчелиных сот в точности соответствуют принципу достижения наибольшей прочности при наименьшей затрате материала. Человеку для того, что бы произвести подобный расчет, потребовалось бы применение высших математических знаний.

Строго научно доказав необходимость введения этих понятий, Дриш, не будучи по своей основной специальности философом, не выполнил второй части задачи — не дал философской теории, которая вместе с биологической частью учения создала бы единое стройное мировоззрение. Этот пробел возмещается теоретическими философскими исследованиями Гартмана, Бергсона и Лосского.

Органическое мировоззрение, учение об интуиции и теория *идеал-реализма* — высшие достижения современной человеческой мысли. Изложим вкратце сущность основных выводов, к которым пришли *исследователи* этой школы.

„Материя есть — *подвижное реальное*. Поскольку речь идет о движении, необходимо исходить из понятий *пространства и времени*, определяющих формальную сторону материального процесса. Здесь между представителями различных теорий (материализма и нематериалистических теорий) спора нет.

Разногласия возникают лишь по вопросу — в чем же реальность материального процесса? Здесь одни исходят из понятия *массы* (большинство сторонников материализма), другие — из понятия *силы* (динамисты), третьи — из понятия „*энергии*“.

Сторонники рассматриваемого направления стоят на точке зрения динамистического учения о материи, наиболее пригодного для обоснования витализма и органического мировоззрения.

Динамизм учит, что внешний механический процесс имеет внутреннюю сторону, которая на высших ступенях развития проявляется, как *психический процесс*. Этот процесс нам известен на основе самонаблюдения. Что же касается низших ступеней развития, то и там внешний механический процесс сопровождается явлениями, аналогичными психическому процессу и которые, поэтому, можно назвать *психическими* явлениями.

Таким образом, согласно динамизму, нет чисто механических явлений, а все они суть или психоидно-механические или психо-механические. Благодаря этому, два царства природы, сфера психическая и сфера материальная, спаиваются неразрывно воедино* (Н. Лосский).

Это современное учение надо различать от устаревшего „*спиритуализма*“, который отрицал реальность материи вообще и при котором „пространственно-материальный облик вещей“ оказывался каким то призрачным бытием, „упорядоченным сном“, или „хорошо обоснованным кажущимся явлением“, по выражению Лейбница.

Рассматриваемая нами философская школа не отвергает реальности материи, но, как указано уже выше, хочет проникнуть во *внутреннюю сторону*, сущность явлений материального („идеал-реализм“).

Предполагается, что мир делится на бесчисленное множество „индивидуальных субстанций“ соответственно тому, сколько имеется, вообще, элементарных частиц: центров сил, электронов, первоатомов и т. д. Эти индивидуальные субстанции наделены хотя бы бессознательно *волей*, напр., волей к жизни. (Эта воля заставляет простейшие организмы восстанавливать свои утерянные части). „Индивидуальные субстанции“ не являются разрозненными, совершенно обособленными существами, как напр. атомы в понимании Демокрита и других материалистов. Все субстанции спаиваются в единое целое и, образуя живые организмы, согласовываются в действиях. Между ними образуется известная иерархия, они сообщаются и „понимают“ друг друга при помощи *интуиции*, о которой говорил А. Бергсон.

Развитием и распространением идей Бергсона, Дриша, Лосского и др. современных философов и биологов, материалистическое мировоззрение потеряло свои командные позиции, на которых оно думало отпраздновать полную победу.

Но то, что вынашивается на вершинах мысли и выявляется в тиши лабораторий и кабинетов, не сразу делается достоянием толпы. Вульгарный материализм, подорванный теоретически, продолжает еще в форме социализма, — главным образом, марксизма — вербовать сторонников среди темных масс и полуинтеллигенции, типичной для узко-специальных устремлений нашего времени. Сознательно недобросовестные притязания вождей социализма на научность продолжают еще импонировать людям, хватившим верхов науки. Упрощенность же их объяснения затемняет действие на массы.

V. Идеалистическо-философские основы идеологии НТСНП.

Знакомство с основными видами философских мировоззрений показывают нам, что ни механический, ни диалектический материализм не в состоянии ответить на вопрос о том, что же собой представляет мир, в котором мы живем. Больше того, — материализм не столько пытается дать ответы на эти вопросы, сколько старается отклонить эти вопросы вообще, закрывая глаза на многие стороны жизни. Но вопрос о сущности жизни и стремление вникнуть в глубь мировых явлений, пользуясь всеми способами нашего познания (интеллектом и интуицией) вообще, — неискоренимы в каждом человеке.

Вот почему, когда человек забывает о „небе“ и обращается исключительно к „земле“ — это есть верный признак наступления эпохи упадка его духовного творчества. После периодов упадка, человечество снова и снова возвращается

к „небу“, оплодотворяя свое жизненное мировоззрение новым положительным содержанием.

Переживая такой период возрождения философской мысли, мы не можем стоять в стороне от этих основных и принципиальных вопросов. Будучи же движением по преимуществу национально-политическим, мы не считаем своим делом разрешение чисто философских проблем.

Мы берем в основу нашего мировоззрения только несколько принципиальных установок, считая их неопровержимыми в свете современного развития научной и философской мысли:

1. Материалистические теории, в любой комбинации и при любом дальнейшем развитии научной и философской мысли, не могут и никогда не смогут дать никакого ответа на вопросы о сущности мира, как целого. На материалистическом фундаменте невозможно даже поставить скольконибудь удовлетворительной гипотезы о сущности мира.

2. Материализм есть только отрицание духовного начала и больше никакого другого содержания не имеет. Другие направления философской мысли не отрицают ни значения атомистической теории, ни наук о материальном мире, а хотят только установить или вернее понять, *что* лежит за этим материальным миром, какова его внутренняя сущность.

Поэтому, отрицание материализма не есть голое отрицание, но и всегда положительное утверждение существования духовного. (Энтеллехия, мировой дух, психид и др. термины, которыми определяется в современной научной философии эта духовная сущность).

3. Утверждая существование духовного начала, мы должны признать за ним первенство. Материальное относится к духовному, как подчиненная или производная сущность. (Принцип примата духа). В противном случае, т. е. если бы мы считали, что духовное есть производное от материального, это означало бы отрицание духовного начала и принятие принципов материализма.

4. Материальное и духовное начала являются двумя сторонами одного и того же единого процесса жизни.

Духовное действует на материальное, оживотворяет материю, побуждает ее целесообразно развиваться и дает ей смысл. (Пример — мертвые химические элементы: углерод, кислород, фосфор, сера соединяются в белки, белки образуют протоплазму, последняя составляет содержимое живой клетки).

Духовное начало есть, поэтому, начало активное и творческое, хотя и пользуется процессами материальными. (Это положение можно было бы назвать „философским активизмом“).

5. Духовное начало пронизывает всю окружающую нас жизнь. Оно заложено и в нас самих.

Клеточки объединяются в сложные живые организмы, где каждая клеточка играет определенную роль. Живые существа, уже в низших своих стадиях, объединяются в организованные сообщества. (Колонии бактерий, муравьи, пчелы, леса, — растительные сообщества, стада животных, стаи птиц, и т. д.). Наконец, и сам человек объединяется с себе подобными в человеческое общество.

Свойство духовного мира — согласовывать, направлять в общую сторону для преодоления внешних (материальных) препятствий, создавать совокупности, — устанавливается нами, как неоспоримый факт. Вопрос, — почему это происходит, — относится к области метафизики. Нам же этот факт указывает на существование в мировой жизни известного положения, которое можно было бы назвать „*философским солидаризмом*“.

Наше внимание останавливает, однако, весьма важный факт, что это взаимное притягивание никогда не приводит к полному слиянию индивидуальностей (клетки в организме остаются всетаки отдельными клетками и т. д.; люди остаются отдельными личностями в семье, государстве и т. д.), а только к той или иной степени иерархичности.

Признавая первенство духовного начала, мы обязаны и к определенному отношению к правилам своей деятельности, т. е. к определенному отношению к этической проблеме.

VI. Идеалистическая и материалистическая этика.

Теоретическая философия занимается вопросом: что есть мир на самом деле? Практическая философия — этика, желает ответить на вопрос — что должно быть, как себя должен вести человек в личной и общественной жизни, каких принципов поведения должен он держаться?

Все многообразие ответов на этот вопрос можно свести к трем типам:

1. Натуралистическая этика, которая выводит высшую цель человека из его природных качеств и естественных стремлений.

2. Этика долга (И. Кант), которая этическое понятие долга, наоборот, противопоставляет всем естественным стремлениям человека, как нечто независимое и абсолютное.

3. Современная идеалистическая этика, которая рассматривает этику, как высший вывод всей остальной философии и рассматривает этический идеал, в связи с духовной сущностью бытия.

Натуралистическая этика возможна в двух вариантах:

а) этический материализм и б) этика морального чувства.

Этический материализм исходит из эгоизма, или стремления человека к наслаждению, счастью, благополучию, и известен также под названием гедонизм, эвдемонизм, утилитаризм (Эпикур, Бентам, Джемс-Стюарт, Милль). В более грубой форме, это учение о том, что раз человек по природе своей стремится к удовольствию, то он и должен к нему стремиться, а целью жизни потому является получение наибольшего количества удовольствия и удовольствий. Высшее благо, по учению Эпикура, — перевес счастья над страданием. В более утонченной форме, это стремление свести в свою пользу баланс удовольствий и страданий не только в личной, но и в коллективной жизни, исходя из соображения, что „когда всем хорошо, то и каждому хорошо“.

Этика морального чувства (Адам Смит, Руссо. Ог. Конт), хотя и основана на альтруизме, является развитием того же этического материализма, т. к. стремление к жертве, интерес к общему благу и т. д. рассматривает как одну из потребностей человека наравне с другими. Она утверждает наличие в человеке „общественного инстинкта“, в силу которого человек может пойти например, добровольцем на войну. Здесь, однако, не учитывается хотя бы то, что такой инстинкт, если он вообще существует, должен быть правилом, а не исключением, и что поэтому, если бы такой инстинкт существовал, все должны были бы добровольно отправляться на войну, чего, однако, не происходит.

Можно было бы привести много примеров неувязок, которые получаются при применении натуралистической этики. Достаточно, однако, иметь в виду лишь то, что вся натуралистическая этика имеет один коренной недостаток — необоснованный скачек от наличия известного побуждения к утверждению его ценности. Она не замечает, что из того, что люди к чему то стремятся, никак не может следовать, что они и должны к этому стремиться.

По существу, натуралистическая этика (вообще) и этический материализм (в частности) отвергают всякую мораль и не отвечают на вопрос о том — к чему же должен стремиться человек, какой образ поведения ему выбрать, когда у него являются колебания в том, как ему поступать?

Нельзя также говорить о количестве удовольствия или страдания, так как их нельзя ничем измерить. Этика морального чувства, которая требует служить не только своему, но и чужому эгоизму, терпит крушение на простом вопросе, чем чужой эгоизм, лучше моего эгоизма? Если же я служу чужому эгоизму из соображения, что когда всем будет хорошо, то будет и мне лучше, — то я никогда не пойду так далеко, чтобы пожертвовать собою, ибо после смерти я все равно этим общим повышением благосостояния не воспользуюсь.

Этика долга Канта, считая мораль абсолютной независимой, не имеет поэтому недостатков натуралистической этики. Единственная ее формула морали: „действуй так, чтобы порядок твоего поведения мог быть обращен во всеобщий закон поведения“.

„Этика долга“ раз и навсегда покончила для всякого серьезно-мыслящего человека с натуралистической этикой, и в этом ее заслуга. Но в качестве положительного учения, она все же не достигает той цели, которую следует ставить этическому учению, т. к., при полном отрицании связи между тем, что есть и тем, что должно быть, не может дать никакого общего мировоззрения. И, хотя бесспорно, что должное не совпадает всегда с естественно необходимым, но при полном разрыве между ними, — этика остается висеть в воздухе, оставаясь неосуществимой „чистой идеей“.

Отсюда видно, что между тем, что есть и что должно быть, должна существовать какая то внутренняя связь, или, выражаясь научно, должна быть „точка бытия, объединяющая в себе эти два разнородных начала“.

Современная идеалистическая этика видит эту связь в человеческой воле. Конечно, лиш посколько воля является проявлением стремления самого бытия к самоопределению и самоусовершенствованию. Современная этика рассматривает цель всего бытия в его переходе от низших форм к высшим — к духовности и органичности.

Цель человеческой жизни — не осуществление того или иного отдельного идеала, а соучастие во всемирно-историческом процессе. Этот процесс есть вместе с тем, все-ленский, космический процесс внутреннего духовного развития бытия. Так как бытие есть единство многообразия, то его развитие должно идти в сторону наибольшего углубления единства при наибольшем развитии многообразия.

Отсюда вытекает высший и наиболее общий идеал человеческих отношений и строя человеческой жизни — укрепление *единства* между людьми. Но не путем слияния всех в безразличную массу, а в связи с углублением начала своеобразия в человеческой жизни — начала развития свободной личности. Развитие личности и основанное на нем углубление и укрепление солидарности между людьми, или — что то же — духовное развитие, идущее одновременно в направлении личного духовного развития и развития общественного единства, — таков общий идеал, вытекающий из онтологического обоснования этики на принципах всеединства.

Если мы разберемся в сущности подобного взгляда на этический смысл жизни, то признаем, что *современная научная метафизика пришла к выводам, которые являются перефразированными религиозными принципами т. е., теми, что лежат в основе религиозной христианской морали.*

Таким образом, христианская религия и научная философия, бывшие, как казалось, на протяжении столетий не-примиримыми противниками, снова нашли общий язык и взаимное понимание. Произошло это тогда, когда философия и наука стали на путь признания первенствующего значения жизненного духовного начала и сущности творческого динамизма.

Это обстоятельство дает надежду, что современная культура, отказавшись от предвзятых положений и одностороннего взгляда на жизнь и природу, сможет выйти из созданного ею же самою тупика, вернувшись к своим собственным истокам. *Источники современной культуры — христианские.* Но от них она в свое время добровольно отказалась, не сумев отличить истинную сущность христианской этики от внешних форм, сложившихся в силу тех же исторических процессов, которые и самой культуре дали ее внешнюю форму.

VII. Заключение.

Подведем итоги и объясним, что значит термин *идеализм* в нашем толковании. Ибо этому термину, как и другим часто употребляющимся словам (например: свобода), придавалось в разное время и различными течениями различное значение (Напр., идеализм последователей Канта не то же самое, что „идеализм“ Аристотеля).

Под словом „идеализм“ в Союзной литературе следует понимать *признание начала первенства духа*, связанное с отрицанием материализма и с другими положениями, изложенными в главе V настоящего конспекта, и, как конечный вывод этих положений, — *требование определенной идеалистической этики.*

Вера в существование высшего духовного начала требует от нас признания оправданности и необходимости и метафизики и религии. Но разрешение вопросов метафизики и религии не входят в нашу компетенцию. Потому мы, как национально-политическое движение, не можем и отдавать предпочтение тому или иному течению или вероисповеданию. Это не значит наше „равнодушие“ к этим вопросам или выдвижения принципа равноценности всех религий. Нет, пусть для каждого россиянина его религия — самая лучшая и истинная.

Для нас, как членов Союза важно, чтобы *религия каждого была залогом его религиозно-морального отношения к явлениям общественной жизни, без чего невозможно установление общественного идеала и стремления к нему.*

Но не нужно забывать здесь и того, что опровергнутый теоретически материализм все же продолжает владеть душами очень и очень многих. Причина этому — в его примитивности, и в том, что он оправдывает худшие качества человека: зависть, корыстолюбие, ненависть. Именно поэтому массы так легко были увлечены материализмом, несмотря на то, что материализм принижает человека, лишая его неба, приравнивая его к животному.

И все же, материализм, как мировоззрение, обречен. И не только в силу своей несостоятельности, но также и потому, что материализм остановился в своем развитии, исчерпал все свои возможности, сказал все, что только мог сказать. Лучшее доказательство этому — убожество коммунистической мысли, боящейся всякого назависимого суждения, застывшей на старых трафаретах XIX века, и провозгласившей абсолютными, божественными авторитетами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Нам выпала на долю ответственная задача сокрушить это гнилое мировоззрение, и на развалинах его утвердить новое, чьими носителями являемся мы.

Вторая, стоящая перед нами задача — задача тактики — облечь наше идеалистическое мировоззрение в лозунги, понятные массам, что бы зажечь ими эти массы, чтобы вести их за собой борьбе за Россию.

III. Значение идей и сильных личностей

Велика и необъятна история человечества. Миллиарды фактов и событий известны нам. От царства инков, Вавилона, Египта, Рима и до наших дней. Загадочна сама жизнь человека. Хочет он (и желание это понятно) разгадать смысл ее и понять ход исторических событий. И вот, вырываются из великой массы событий отдельные факты, и по ним составляются, каждым по своему вкусу, „законы истории“.

Естественные науки научили человека упрощенной трактовке всякого явления: причина, явление, следствие... Мы привыкли к показательным приборам. Как в физике, все должно быть просто и наглядно. Именно с такими методами подходят к изучению истории. Появляется соблазн — выхватить из истории человечества лишь те факты, которые можно связать в примитивную и понятную теорию.

И вот уже теория хода истории готова. Она проста, понятна и рассудочно, казалось бы, обоснована. Открываются „всезнающим“ человеком законы бытия; существует как бы готовая формула — для каждого отдельного случая необходимо лишь в нее вставить соответствующие колонки статистических данных. Так получило человечество, модную ныне, теорию исторического материализма.

Исторический материализм.

Согласно этой теории, исторический процесс *с̄ӣхӣен*, и, следовательно, не зависит от воли людей. При этом указывается, что развитие человеческих обществ протекает *закономерно*, как и развитие природы, но не в порядке гармонического развертывания событий, а на основе раскрытия противоречий, то есть „борьбы“ противоположных тенденций. Каждый общественный строй и каждое общественное движение поэтому расценивается с точки зрения тех условий, которые их породили. Эти условия всегда и при всех обстоятельствах, согласно теории исторического материализма, создаются *экономической* деятельностью людей. Поэтому, экономическая структура общества является *основой* („базисом“) — на которой развиваются все остальные, так назы-

ваемые, идейные факторы человеческой жизни — наука, право, государство, мораль, религия, — являясь не более, как „надстройкой“ над экономикой. Однако, „решающее значение экономического базиса в развитии общества не исключает возможности обратного взаимодействия надстройки на базис“.

Развитие экономической деятельности сразу же приводит к разделению общества на классы. С появлением классовых противоречий возникает государство, как организация классового господства, как орудие подавления эксплуатируемого большинства эксплуататорским меньшинством. Поэтому государственный строй, правовые понятия, официальная религия и нравственность, все приобретает классовый характер, очень часто даже бессознательно для членов данного класса. Таким образом, меняющиеся условия производства материальных благ обуславливает собой процесс социальной, политической и духовной жизни вообще. *„Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание“*. (К. Маркс).

Исторический материализм в советской России принято чаще называть „диалектическим материализмом“. В книге „Краткая история ВКП(б)“ (изд. 1938) говорится, что диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии. Оно называется диалектическим материализмом потому, что его подход к явлениям природы и метод изучения их, является диалектическим, а его истолкование явлений природы, его теория — материалистическое.

Слово „диалектика“ означало у древних греков искусство говорить спорить, когда истина познается путем раскрытия противоречий. Этот способ Гегель применил к процессу мысли, указывая, что все существующее есть проявление саморазвивающегося Разума. Маркс же, отрицая Божественное начало, считал, что не Разум, также не идеи, а лишь материально-экономические потребности определяют ход всемирной истории. Поэтому, *заимствуя у Гегеля диалектический метод, он заменил движение Духа движением материи, т. е. наделил мертвую материю свойствами живого духа*.

Мир, по мнению марксистов, находясь в непрерывном движении и развитии, не может иметь „незыблемых“ общественных порядков, как например, частной собственности и эксплуатации (подчинение крестьян помещикам, рабочих капиталистам). В силу сложившихся экономических взаимоотношений, капиталистический строй неизбежно идет к социальной революции — торжеству социализма.

„В общественном производстве своей жизни — говорит Энгельс — люди вступают в определенные необходимые, *независящие от их воли* отношения — отношения производства, которые соответствуют определенной ступени развития

их материальных производственных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, ту реальную основу, над которой возвышается юридическая и политическая надстройка и которой соответствуют определенные общественные формы сознания. Способами производства и материальной жизнью, вообще, обуславливает переживаемый обществом жизненный процесс, социальный, политический и духовный. Не сознание людей определяет их бытие, но наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями, или, говоря юридическим языком, с теми отношениями собственности, среди которых они до сих пор действовали; эти отношения из форм развития производственных сил превращаются в их основы. Тогда наступает эпоха социальной революции: с изменением экономической оковы рано или поздно рушится вся огромная надстройка правовых и политических учреждений, которым соответствуют определенные формы сознания“.

Но когда и где, спросим мы, фундамент определяет характер надстройки. И когда он рушится, может-ли надстройка продолжать независимое существование? Сами марксисты не исключают „обратного взаимодействия“ „надстройки“ над „базисом“. Но где мера этого взаимодействия? Субъективный фактор (сознания и воля людей) играет, говорит Маркс, активную роль в историческом процессе, но, в то-же время, он сам определяется экономическими причинами. Что для того, чтобы мыслить, надо сначала жить — бесспорно; но определяется ли ход мыслей физическими нуждами, поскольку эти мысли к таким нуждам не относятся?

Трудно установить преимущество экономического фактора даже на заре человеческой истории — против этого говорят огромные затраты деятельности, направленные на удовлетворение религиозных потребностей: строительство колоссальных храмов, пирамид, преобладание творчества. *Человечество начало свою социальную жизнь длительным периодом религиозных цивилизаций.*

Люди конечно склонны сочувствовать тем именно правовым и политическим началам, которые наиболее отвечают их интересам. Но кто боролся с самодержавием в России полтораста лет, за крестьянскую свободу за ограниченную власть, за все социальные, судебные, административные реформы? — Аристократия, дворянство, интеллигенция, люди со средствами и со связями, которым было наименее выгодно — экономически — то, чего они стремились достичь.

Чтобы опровергнуть исторический материализм, достаточно примера декабристов.

Ложность положений марксизма выявляет вся русская история.

Несомненно, что поскольку речь идет о больших массах, экономика лежит в основе человеческого *бытия*, без которой он вообще существовать не может. Потребность в пище более безотлагательна, чем потребность в познании и духовном творчестве. Что все отрасли человеческой жизни чем-нибудь друг на друга влияют, это нельзя оспаривать; но что искусство и религия зависят от цен зерна, железа или нефти — абсурд. *Бытие и сознание — это та же единая, неделимая человеческая жизнь, в двух ее наиболее ярких проявлениях*: говорить, что одно из них — все равно какое — обуславливает другое, нельзя.

Экономический фактор есть такой же *идейный* фактор истории, как и государство, право, наука, религия искусство и пр. В самом деле, разве весь он не есть только сложное и длящееся усилие человеческого духа приспособить внешний мир к своим внутренним требованиям?

Правда, когда человек или общество уже достигли известных экономических результатов, например, обработали почву, накопили запасы продуктов, построили жилища, изобрели технику и пустили ее в ход в виде фабрик и заводов, — то это оказывает огромное обратное влияние и на человеческую психику, дает ей иные стимулы и иную обстановку для деятельности. Но разве среди всей этой „мертвой“ обстановки „живым“ деятелем, как и с самого начала, является не тот же человеческий дух? Нигде может, быть, человеческий дух так наглядно и очевидно не торжествует над материей, как именно в хозяйственных процессах, посредством которых человек материю делает своей послушной рабой.

Интересны некоторые признания самих марксистов.

„Не следует забывать, говорит Луначарский, *что экономика есть, прежде всего, результат человеческой активности* и что *человечество не просто мировой рычаг в руках природы*“.

Войтоловский, марксистский авторитет в области коллективной психологии, пишет: „Экономика, производственные отношения, вот единственный ответ ортодоксального марксизма на вопрос отчего мирные демонстрации народных желаний так легко и так скоро превращаются в иные моменты, в вооруженные восстания охваченных революцией масс, и тусклые неприметные будни мигом преобразуются в мировую историю, в поворотные пункты в жизни целых народов?“

Но что такое эта сакраментальная экономика? Формальная сверхчеловеческая сила, трагический рок, экономика — это сильные железные обручи, скрепляющие бочку исто-

рии. Но нельзя же забывать о вине наполняющем бочку и ежеминутно готовом хлынуть через край и опьянить горячие головы. Оперирова одной экономикой и отказываясь принимать в соображение всю совокупность общественной жизни, мы незаметно утверждаем какой то чисто астрономический взгляд на историю...

История — это не только убыток или прибыль, не только бухгалтерская книга — История, это изнуренные трудом миллионы, это — христианские войны, французская революция, английский чартизм, парижская коммуна. Это вычисления Кеплера, это — муки Фауста и костры Инквизиции, это — *свободный человеческий дух*, запечатленный в длинном свитке дел и событий. *Надо вернуть человечеству его законную долю в истории человеческой жизни.* Ибо в процессе раскрепощения от господства экономической необходимости, непосредственное участие человека, т. е. работа свободного человеческого духа играет огромнейшую роль. И для того чтобы уразуметь ход мировых событий и участь в них человека, помимо механического хода вещей должны быть также изучены и признаны законы человеческих действий, т. е. законы управляющие волей и чувствами масс". (Войтоловский „Очерки коллективной психологии“).

Но подобные признания сравнительно редки и они мало влияют на правоверных толкователей марксизма. Обыкновенно предвзятое, чисто философского порядка убеждение, заставляет марксиста препарировать историю на свой лад. Из сложного клубка событий он делает произвольный выбор причин и следствий исключительно экономического характера. Для него освобождение крестьян, например, совершилось потому, что созрели новые экономические условия; подневольный труд, де, потерял свою выгодность в силу необходимости перехода государственного хозяйства к капиталистическим формам. Благородная личность Императора Александра II и целое поколение поборников народной свободы приобретают вид слепых исполнителей предначертаний рока, — какого то неуклонно-неумолимого „Духа истории“.

Но это утверждение может быть с полным правом обернуто: освобождение крестьян создало благоприятные условия перехода к новым хозяйственным формам; само оно было вызвано целым сцеплением причин идейного и экономического характера.

То, что события сложились известным образом, не значит, что они не могли сложиться по другому. *Случай — сильный фактор истории.* Если бы Наполеон умер, по каким либо причинам, в начале французской революции, иной была бы история Франции и Европы. Случайные факты завоевания Англии Вильгельмом Завоевателем и правление в ней женщины, Королевы Виктории, сыграли важнейшую роль в развитии английского парламентаризма.

Вполне уместно задать и другие вопросы: Как сложилась бы история если бы Ленин был убит в 17 году; если бы не был помилован Достоевский, или Петр Великий не купил бы Ганнибала — какими бы руслами развивалась русская культура? и т. п.

Элемент случайности в корне уничтожает возможность предугадывать события. Последняя же перспектива и является тем, что наиболее соблазняет людей и создает увлечение их теорией исторического материализма.

Исторический автоматизм. („Самотёк“).

Итак, толкование всего исторического хода событий, только как следствия экономических процессов, то, что пытаются сделать исторический материализм, является абсурдом. Ложность, а не научность подобного подхода давно доказана и наукой и простым здравым смыслом и, как мы видели, даже некоторые представители марксизма, решили внести известные поправки в учении Маркса-Энгельса, признав, что в создании истории нельзя умалчивать о роли самого человека.

С другой стороны, было бы явной нелепостью отрицать значение хозяйственных факторов в жизни человечества. Удовлетворение своих потребностей, то что в сущности является основным определением понятия хозяйственной деятельности, всегда являлась одним из важнейших двигателей человечества, начиная от первобытных ступеней его бытия.

Чем ниже стоит человек на ступенях культурного и духовного развития, тем сильнее влияют на него внешние материальные условия. Поэтому у первобытных народов, еще „не имеющих своей истории“, способы добывания себе пропитания (охота, рыбная ловля, земледелие, скотоводство) часто являются решающими при определении их характера, а также обычаев, законов и др. норм общественных взаимоотношений.

Чем больше развиваются и усложняются экономические взаимоотношения, тем усложняется и их влияние на жизнь народов: появляется торговля и промышленность, углубляется общественное расслоение, — факторы несомненно влияют на историю. Но вместе с тем, в жизнь народов начинают врываться новые элементы, приходящие со стороны, как — войны, нашествия, новые верования и т. п., нарушающие казалось бы естественный ход событий, и влекущие за собой исторические перетурбации и катаклизмы, гибель старых и рождение новых культур и т. д.

Даже, если на момент допустить, что эти внешние толчки, сами по себе являются следствиями чисто экономических причин, то и в этом случае, они никак не вкладываются в систему нормальной экономической эволюции дан-

ного народа. В жизни данного народа на том отрезке времени, на котором эти события происходят, они все же будут исторической случайностью, вне зависимости от их влияния на последующую историю. Но допущение, сделанное нами, не верно, т. к. никакие исторические события, в силу уже приведенных причин, не могут быть вызваны чисто экономическими факторами (экономической эволюцией). В их создании участвовали самые разнообразные и многочисленные факторы, в том числе и духовного порядка: идеи и личности.

Приведем пример. „Переселение народов“ (оставим в стороне причины его вызвавшие) повлекло за собой гибель Римской Империи и положило начало новой исторической эпохе, известной под названием „средних веков“. Но всякому должно быть ясно, что средние века отнюдь не являются естественным следствием экономической эволюции римского мира и, что не будь „Переселения народов“, развитие общественных взаимоотношений несомненно вылилось бы в иные, чем в средневековый феодализм, формы.

Т. е. мы видим, что все попытки придать экономической эволюции первенствующее значение в создании исторических процессов, разбиваются в первую голову о факты существования исторических случайностей. Эти случайности являются следствием многообразия факторов делающих историю.

В непосредственной связи с толкованием исторических событий посредством экономики стоит взгляд, признающий *технические изобретения* преимущественным двигателем в жизни человечества. Являются распространенными подобные воззрения: „порох сверг феодалов“, „пар положил конец абсолютизму“.

Но при этом забывается, что феодальные замки, пережив изобретение пороха, стоят и поныне; что турки, во время своих последних войн, пользовались крепостями крестоносцев, что, во время испанской гражданской войны, современная тяжелая артиллерия, самые сильные взрывчатые вещества и аэропланные бомбы, не в силах были разрушить до тла стены Альказара в течении 70 дней беспырывного бомбардирования. В сравнении с этими средствами кажутся игрушечными пушки Бедфорда, из которых во время осады Орлеана за 6 дней была случайно убита одна женщина. Замки стояли — они стоят и по ныне, но из мира ушли те идеи, на которых строилось феодальное общество. Феодал стал вельможей, вассал — кондотьером т. е. наемным начальником.

Точно то же произошло и с абсолютизмом. Конец ему положили отнюдь не внешние причины развития техники. Многообразие внутренних политических и психологических явлений, сопутствовавших эту эпоху рождения нового строя, уже слишком искусственно объяснять только техникой!

Конечно, влияние техники на жизнь человечества совсем не так мало. Еще с древних времен обладание тем или иным техническим материалом давало свой отпечаток целой эпохе. Так мы знаем „бронзовый век“, „железный век“. В настоящее время значение технических усовершенствований, несомненно, еще более возросло, вернее захватило более широкие массы. Наличие радио, быстроходных самолетов, электрофикация — все это факты, которые не могут не оставить свой неизгладимый отпечаток на психологию людей нынешней эпохи. Но в то же время, они не достаточны для того, что бы сколько нибудь серьезно изменить людскую психологию в каком то совершенно ином направлении, чем она была на протяжении всей предыдущей истории.

Кроме того, технические изобретения являются продуктом человеческого творчества и внутренне руководятся идеями, в первую очередь идеей стремления к познанию, а также и другими идеями (изобретатель пороха делал свои испытания в целях мистических изысканий, изобретатель динамита Нобель руководился идеей пацифизма и т. д.).

Следует также упомянуть о *биологических и геополитических* факторах могущих влиять на историю. К первым, в первую голову, относится расовое происхождение людей, Расизм, т. е. учение придающее первенствующее значение именно этому условию возникновения народов и наций, образовалось на основе научной теории графа Габино и получило свое политическое оформление в современных движениях национал-социализма и итальянского фашизма. Ошибка расизма заключается в том, что сложный вопрос о зарождении национального сознания, которое есть результат духовной устремленности многих поколений и исторической традиции, хочет заменить биомеханическим вопросом о крови.

Под геополитическими факторами следует понимать внешние природные условия того края, где происходит зарождение племени, народа, нации. Климат, плодородие почвы, географический рельеф и т. п., несомненно, накладывают свой отпечаток на общий характер жителей страны и, в значительной мере, направляет их историческое развитие. Так, мы довольно резко отличаем характер северных народов от южных, жителей равнин и т. д. В горах обыкновенно бывает легче сохранить свою первобытную индивидуальность, в то время, как жители равнин являются постоянным объектом всевозможных нападений и завоеваний, т. о. они, обыкновенно, представляют собой более смешанный элемент в племенном и расовом смысле. Близость моря, определяет склонность народа к навигации и торговле; история островитян всегда всецело связана с вопросом о морской мощи и т. д. и т. д. В русской истории геополитические факторы несомненно играли очень важную роль, в силу географиче-

ской однородности великой русской равнины, и во многом технически облегчили, если и не обусловили, возможность создания „империи без колоний“.

Но, как биологические, так и геополитические условия имеют особенное значение, главным образом, в *природе зарождения* национальных и государственных образований. В дальнейшем разворачивании исторических событий их роль значительно ослабевает, как только народы входят в соприкосновение с внешним миром, несущим новые идеи, верования, обычаи, новую культуру и цивилизацию. В современном мире, который является, как мы уже выше упомянули, продуктом весьма сложных и многообразных исторических процессов, эти условия приобретают особенное значение лишь тогда, когда ставится вопрос о первоисточках исторических традиций, национальной культуры и т. д.

Все вышеизложенное указывает нам на существование некой *стихийной исторической эволюции*, но вместе с тем и утверждает что, на ряду с механическими элементами истории (биологическими и геополитическими условиями и т. д.), существует и другой элемент — *человеческой личности*, действующей сознательно в силу своих духовных побуждений т. е. по своей воле. Вопрос — насколько эта воля свободна от механических факторов, также, как и вопрос о ее истинном значении и месте в историческом процессе, — мы рассмотрим в нашем последующем изложении...

Теперь же укажем на то, что самый факт наличия стихийной эволюции — *автоматизма* (самотека) в истории, породила широко распространенное мнение о существовании неких неизблемых исторических законов. Чтобы ответить на этот вопрос, определим сперва, что можно подразумевать в данном случае под словами „законы истории“.

Когда известное явление постоянно следует за другим явлением и между ними человеческий разум устанавливает связь причины и следствия, принято говорить о законе, этими явлениями руководящем. И, по аналогии с тем, что происходит в мире химическом или физическом, предполагается, что имея фактическую предпосылку, можно с уверенностью прийти к известным фактическим выводам. Но то, что верно в мире законченном и неэволюционирующем, — неверно поскольку речь идет о мире человеческом — постоянно эволюционирующем и никогда не законченном. Поэтому можно говорить о том, что произойдет при данной химической реакции, или в движении небесных светил, или в жизни муравьев или пчел — там *где нет истории* — но никогда нельзя предсказать с уверенностью, какое направление возмет история человечества или какие события она будет содержать.

Если взять бесконечно большое количество однородных фактов, опыт показывает, что в их развитии, темпе и повто-

рении будет известная как бы закономерность. И чем ближе эти факты будут к первобытному состоянию, (т. е. не имеющему истории), тем этот „закон больших чисел“ будет неоспоримее. Когда же берутся факты чисто физические, закон этот приобретает абсолютную точность. Но чем дальше от мира физического, тем менее точности в „законе больших чисел“, тем более входит в событие то, что называется *случаем*, и тем большую роль играет этот случай. То, что наблюдаются в истории известные циклические явления, как переход от власти наследственной к демократии и от демократии к диктатуре — еще не указывает на существование закона. Нет никакой уверенности в том, что эти циклы будут повторяться в будущем. Причина этого лежит в непосредственности человеческой личности, в свободе человеческого духа, в силе осуществляемой им идеи.

Поэтому мы избегаем говорить о „законе истории“, признавая, однако, наличие известных *органических тенденций* эволюции, находящихся в непосредственной связи с человеческой личностью и видоизменяющихся в своих формах, в зависимости от эволюции общественной психологии.

Значение авторитарного (самовластного) фактора.

Человеческая личность, в силу своих психических качеств, в силу свободы своего духа, не может мириться с ролью одного из многочисленных слагаемых, из которых складывается процесс автоматической эволюции. Наделенная волей и руководимая идеями, личность стремится проявить свою волю и осуществить эти идеи, а для этого ей приходится преодолевать внешние препятствия. Эти препятствия создаются из тех же механических факторов, о которых шла речь выше, а также и противоположных идей и волеустремлений других людей.

Свойство личности преодолевать внешние препятствия, в том числе и косность окружающей людской среды, ставит ее в общественной жизни на роль активизирующего, организовывающего, оживотворяющего и одухотворяющего фактора. Мы уже указывали, что даже в такой, казалось бы, механическо-автоматической стихии, как экономика, — личность исполняет задание именно подобного фактора (личная инициатива, организация, план). Это обстоятельство *наглядно рушит старую легенду о „материалистичности“ экономики*. Весь процесс автоматической эволюции выявляется нам тогда, не в виде слепой, бездушной, всепоглощающей машины — рока, как ее пытаются представить материалисты, а как одну из форм проявления органической жизни. И как и все в жизненном процессе, она в какой то степени наделена внутренней согласованностью (солидаризмом), целеустремленностью и сознательностью.

Но человеческая личность в своей дальнейшей творческой устремленности ищет выхода вообще из рамок автоматизма. Она хочет не только следовать за историческими процессами, но и направлять их, руководить ими по своему усмотрению; если нужно, то и противостоять им, или создавать новые события, новые процессы. Таким образом, ко всему сказанному о значении личности в общественной жизни, надо прибавить ее роль, как *авторитарного (самовластного) фактора в истории*.

Само собой разумеется, что не всякая личность способна быть авторитарным фактором истории. Здесь мы говорим о тех, кого в общежитии принято называть *сильными личностями*, т. е. о тех, кто может вести за собой массы, возглавлять движения, создавать события.

Классическими примерами „сильных личностей“, дела, которых отразились на всей последующей истории, являются Александр Македонский и Наполеон. Они сумели наложить свой индивидуальный отпечаток на современную им эпоху и распространить влияние своей личности далеко за пределы их стран и народов. Можно привести еще бесчисленное количество примеров из истории всех государств и народов, когда личные качества одного человека решали ход исторических событий в ту или иную сторону. Вспомним хотя бы Св. Владимира и Петра Великого в русской истории, Карагеоргия у сербов, Кемалья, Гитлера и Муссолини в современном мире.

Значение сильных личностей становится еще более наглядным на *обратных примерах*, когда отсутствие этих личностей отзывалось *катастрофически* в периоды кризисов и смут на судьбы народов и государств. Примером может служить Россия в февральскую революцию.

Здесь может возникнуть вопрос: какая личность является сильной, какая нет? Такой вопрос будет праздным. Само собой разумеется, что под „сильной личностью“ мы подразумеваем не какое либо строго определенное понятие; этим термином мы охарактеризовываем всякую личность, которая, как авторитарный фактор истории, может быть противопоставлена факторам механически-автоматическим.

Сильная личность не тождественна понятию „вождя“. „Вождь“, несомненно, в какой то мере должен являться сильной личностью, но сильная личность может проявить себя и в иной форме. Столыпин — типичный пример сильной личности, но вождем, конечно, не был. Авторитарный фактор истории может выражаться в группе людей (напр. группа революционеров), связанных какой то общей идеей и воплощающих как бы коллективную сильную личность. Правда, и в такой группе, обыкновенно, выявляется водитель. Об этом подробнее будет идти речь дальше.

Одно из самых характерных проявлений авторитаризма в истории — это *революция*. Революцию следует отличать от восстания, мятежа, государственного переворота. Последние являются лишь внешним выявлением революционного процесса, который в своей сущности является психологическим протестом против создавшегося в автоматически-эволюционном порядке положения вещей. Это — самовластный (авторитарный) и действенный протест, протест свободных личностей против сложившихся обстоятельств, требующий немедленного и коренного их изменения. Отсюда — характерные свойства, отличающие революцию от эволюции, ее кратковременность, сосредоточенность, динамизм.

Другое важное свойство революции — это ее радикальность, требования коренных изменений. В этом революция захватывает более широкую область общественных взаимоотношений, чем какая либо другая форма проявления авторитаризма. Поэтому и внешних препятствий у нее гораздо больше, в том числе и общественные устои и традиции, которые относятся к элементам автоматической стихии. Для преодоления этих препятствий революционному процессу необходимы большие внутренние силы, которые выражаются в революционных идеях. Эти идеи должны быть не только психологическим двигателем для „сильных личностей“ революции, но и захватить собой *массу*, которая также относится к элементам стихии автоматизма. Так. обр., у революции как бы оказываются два фронта борьбы с силами автоматизма: фронт внешний против внешних препятствий, чтобы их побороть, и фронт внутренний — против массы, чтобы ее покорить и при ее помощи победить.

Вопрос о взаимоотношениях сильных личностей и масс касается не только революции. Сильная личность, как фактор истории, всегда обращена к массам, и в этом ее и сила и слабость.

Сила — т. к. через массы и при помощи масс она влияет на историю (через революционную толпу, войско, гражданство). Слабость — т. к. обращенность к силам автоматизма ограничивают ее возможности творчества в общественной жизни.

Массы идут за сильными личностями, но для этого надо, чтобы их идеи были им приемлемы и соответствовали их материальным и духовным запросам. Чтобы победить, ведущий должен найти благоприятную обстановку или создать ее. При всем своем уме и таланте, Наполеон не наложил бы такого мощного отпечатка на историю Франции, если бы, явившись на свет на пятьдесят лет раньше, он нашел Францию мирной, богатой и спокойной. Виклеф и Ян Гус пришли слишком рано, и ни политически, ни идеологически, они не сыграли той роли, какая выпала на долю

Лютера, пришедшего когда времена и сроки назрели. Другие приходят слишком поздно: ген. Врангель получил верховное командование, когда война была уже бесповоротно проиграна.

Есть люди нужные в известный момент стране, независимо от их духовного уровня: в столетнюю войну Францию спасла святая Жанна Д'Арк, 9-го Термидора — негодяй Фушэ. Есть люди нужные массам, независимо от их действительной внутренней ценности: крупнейший государственный ум — Столыпин никогда, за пять лет своего правления, не пользовался такой популярностью, какая выпала Керенскому за пять месяцев его власти. Но духовная величина и идейная ценность находят свое, хотя бы и позднее, вознаграждение в народной памяти и вечен их вклад в историю своей страны.

Ведущий может проявить себя только тогда, когда масса чувствует, сознательно или подсознательно, пользу творимого им дела: только тогда она идет за ним. Здесь под пользой дела надо понимать не только чисто материальную сторону, но и соответствие основным духовным запросам. Каждой эпохе присущи, наряду с известными материальными требованиями, но часто без взаимной зависимости между ними, известные идеологические настроения, течения, искания. Человек, нашедший идеологическое выражение этих стремлений, смутно желаемых и полусознанных массой, — может, при известных личных качествах, стать вождем. И действие его будет тем сильнее, чем ярче и лучше он сможет эту идею выразить и осуществить.

Толпа увлекается тогда, когда вождь, в котором она видит как бы свое собственное олицетворение, выражает свою идеологию в ясные, простые формулы — в лозунги, боевые кличи. Гитлер захватил массы тем, что выразил в двух словах обще-национальное чувство послевоенного периода своей страны: *„Германия проснись!“* В Абиссинскую войну Муссолини поднял размякшее было общественное мнение несколькими ударными лозунгами, нашедшими отклик в народной душе: *Мы пойдем найролом! С ними (с членами Лиги Наций) без них, или пройдя них! Много врагов — много чести!“* Клемансо в трагический для Франции момент, бросил свое „Я веду войну!“, как исчерпывающую формулу своей политической программы, — и массы пошли за ним.

Вопрос о взаимоотношениях ведущей личности и массы, несмотря на весь интерес, который он у нас, вызывает, не относится непосредственно к заданию настоящей главы, которая ставит своей целью чисто теоретический — идеологический разбор исторического процесса. Он переходит в область общественной психологии и относится к прикладным предметам политической науки. Поэтому более подробно мы его касаемся в общей части курса технической подготовки в главах — „психология масс“ и „о революционности“.

Теперь же, прежде чем перейти к дальнейшему рассмотрению нашей темы, подведем краткий итог вышеизложенного. Итак, говоря о силах авторитаризма, или по нашей терминологии о сильных или ведущих личностях в истории, необходимо отметить, что эти силы в своем проявлении тесно сопряжены с силами автоматизма. Поскольку свободная личность может быть независима на поприще чисто духовного творчества, настолько она связана в области социального творчества. Но, с другой стороны, отрицать существование авторитарного фактора в истории и сводить весь процесс развития общественных взаимоотношений к механическо-автоматической эволюции, означает утверждать противное очевидности.

Исторический автономизм (самоутверждение).

Мы установили, что исторический процесс складывается из двух основных элементов: механических факторов (экономика, биологические и геополитические факторы) и человеческой личности. Человеческая личность, как мы видели, может проявляться двояко: как авторитарный фактор истории (сильная личность, руководимая свободным духом — своей идеей) и, как масса. Масса и ее составной элемент отдельный индивидуум — „обыватель“, вместе с механическими факторами, составляют стихию автоматической эволюции.

Эта эволюция складывается из последовательного чередования причин и следствий. Человеческий элемент, который и в стихии автоматизма играет роль активного и динамического начала, психологически руководится *необходимостью* (сознанием пользы дела), или „*так должно быть*“, или „*так всегда было*“. Подобное сознание может быть ошибочным и ложным, но это не меняет сути дела, т. к. сущность хотя бы ошибочной психологической предпосылки, остается та же.

Стихия авторитаризма проявляет себя путем психологического воздействия сильных личностей на массы. Наличие этого воздействия не определяет ни глубину ни высоту самих идей. Наоборот, как мы видели, массы падки на всякое упрощение, краткие и неглубокие лозунги. Часто легче бывает захватить массы призывом к разрушению, чем созидательной идеей.

С другой стороны идейность сильной личности так же не является чем то совершенно бесспорным: очень часто идейность переплетается с личным честолюбием, а иногда и просто ее прикрывает. (Бенеш и южно-американские вожди).

Схема, которую мы сейчас изобразили, ни в коем случае не претендует на законченность. Было бы крайне ошибочным предполагать, что между двумя полюсами — сильной личностью и массой, находится пропасть. В действитель-

ности такой пропасти нет и между исторически сильной личностью и ведомой массой существует некая прослойка из людей, которых было бы слишком смело зачислять в „водители“ историческо-общественных процессов, но, с другой стороны, неверно относить их и к разряду „обывателей“. Этот слой людей фактически определяет характер современной им эпохи. Их отличительными чертами являются: глубоко заложенное творческое начало, носителями которого они являются и значительная доля психологической независимости, как от „водителя“, так и от массы. Эта независимость явно указывает, что они наделены свободой духа, как и те, кого мы называли историческими сильными личностями. С другой стороны они еще теснее, чем „сильные личности“ соприкасаются с массой, и являются, как бы ее „элитой“.

Следя за развитием любого государства или народа в любую эпоху, мы не можем обойти молчанием обстоятельство, что именно на этом среднем слое лежала вся тяжесть созидательной работы. История говорит, что великую Британскую империю строили „вторые сыновья лордов“, которые, будучи лишены прав наследства (майораты), уходили в заморские владения и там осуществляли британскую мощь. Это те, о которых Гумилев сказал: „чья не пылью затерянных хартий, солью моря пропитана грудь“. Русскую имперскую государственность строили „штабс-капитаны“, а русскую культуру и общественность создавали „интеллигенты“. История многих народов указывает на то, что в периоды национального угнетения со стороны иноземной власти, роль хранителей народного самосознания выполняло духовенство (Польша, Сербия, Карпатская Русь). Подобную же роль сыграл „народный учитель“ в возрождении Германии.

Все эти примеры, число которых может быть неограничено, указывают на исключительное значение творческой „элиты“, которая выполняет роль общественного и народного водительства.

Что же выделяет „элиту“ из массы? Общественная психология учит, что толпа рабочих и толпа профессоров равноценны. Это значит, что профессора, обращенные в „психологическую толпу“, имеют те же качества механическо-автоматической стихии, как и всякая другая толпа. Что же заставляет „элиту“ сохранять свою высоту и оставаться над массой? На этот вопрос имеется лишь один ответ. Это — осознанная творческая или нравственная идея. Можно сказать и просто творческая, т. к. всякая нравственная идея предполагает за собой духовное совершенствование, что есть духовное творчество.

„История мира есть история идей“. Христианство обновило древний мир, создав новые связи и новые отношения между людьми и без христианства необъяснимы ни социальный

строй средневековья, ни Возрождение, ни психика русского народа, лежащая в основе всей его истории. Постепенное извращение сущности учения Христа превратило его в орудие авторитарной и автоматической стихии. Вспомним инквизицию, индульгенции, или обратную сторону „крестовых походов“ — честолюбие вождей, грабежи, бессмысленные кровопролития. Результат — идея религиозной реформации, ставшая самым важным историческим фактором в 16 веке и гуманизм — идея освобождения личности от оков мертвых традиций и косности конца средневековья.

Гуманизм, породивший всеобщий духовно-культурный расцвет в эпоху Возрождения, в течении сравнительно небольшого периода времени захватил весь культурный мир и стал общепризнанным мировоззрением, каковым он оставался до самого последнего времени. Но и он потерял чистоту своей идеи, став жертвой автоматическо-авторитарных сил. Более того, его уродливое толкование вылилось в крайнюю степень материализма и не только в виде марксизма („марксизм — детище либерализма“, — см. III часть главы „Либерализм“), но и как умеренный „реализм“ Массарика-Бенеша. Настоящая эпоха — время искания новой творческой идеи, борьба с захватившим мир, в самых разнообразных формах, материализмом — суррогатом творческой идеи.

Каждая творческая идея, могущая захватить широкие круги, проходит через стадии зарождения, расцвета, и, наконец, упадка, когда она бывает полностью захвачена силами автоматизма-авторитаризма. Часто этот упадок ощущим только изнутри, во вне же идея продолжает захватывать новые массы, иногда даже в более широких масштабах, чем в период ее расцвета, т. е. когда она наиболее напряжена. Но если идея имеет здоровые корни, она может снова возродиться т. е. начать свой цикл с исходной точки, нового зарождения и т. д. В главе „Идеализм и материализм“, указывалось на то, что в современных идеологических исканиях, многие лучшие представители философской мысли, стали возвращаться к первоисточникам христианства.

Еще характерное свойство идей, — чем шире круг лиц, которые она может завлечь, чем полнее она проникает в души людей, и чем длительнее ее психологическое воздействие, — тем самым это есть признак, что данная идея захватывает все большую область вопросов, становится мировоззрением и ближе приближается к религиозному характеру. Фактически по этим признакам можно определить, какая идея есть творческая, а какая нет. Разрушительная или, вообще, не творческая идея может увлечь массу, но на короткий срок. После наступает реакция, — или период „безидейности“ или увлечение массы переключается на новую идею.

Успех марксизма во многом объясняется тем обстоятельством, что это учение, носящее явно разрушительный характер, имеет псевдотворческие цели и носит характер новой религии (см. часть III главу „Социализм“ и „Курс изучения СССР“ выпуск второй, „Марксизм, ленинизм, сталинизм“).

Самое парадоксальное в марксизме, — это элемент *веры* в материалистическом мировоззрении. Марксисты верят в миссианство пролетариата, несмотря на то, что пытаются вывести достижения социальной справедливости на базе чисто материальных процессов.

Как зарождаются и распространяются идеи? На этот вопрос даются различные ответы, в соответствии с религиозными взглядами на сущность исторических процессов. Так исторический материализм говорит, что идея — лишь надстройка над экономическим базисом. Подобное утверждение явно не выдерживает критики, что мы выяснили уже в начале этой главы. Теперь рассмотрим два других взгляда, которые можно было бы назвать один „авторитарным“, другой „автоматическим“ толкованиями этого вопроса.

Согласно первому толкованию, *некая „сильная личность“ создает идею, которую воспринимает масса и идет за ней*. Но при этом не учитывается, что идейная сила фанатизма еще не достаточное условие для того, чтобы массы восприняли идею. Помимо идейной силы и фанатизма необходимы еще какие то иные условия для приятия идей массой. Подобное толкование, вполне применимо к вопросу о возникновении целого ряда религий и религиозных течений, но чисто религиозная мысль стоит вообще вне действия сил автоматизма или авторитаризма. Для объяснения возникновения социальных или политических идеологий такое толкование несколько натянуто.

Другой взгляд говорит, что идеи зарождаются в массах, а массы уже находят достойных носителей идей, которые их оформляют и проводят их в жизнь. Но тут возникает вопрос: как масса, элемент не творческий, косный, подверженный автоматическим тенденциям, может вообще создать и осознать творческую идею?

Логичнее всего предположить, что идеи зарождаются в том среднем слое, который мы называли „элитой“, и который является носителем общественного творчества. Идейные водители выделяются из этой же среды. Они оформляют то, что зародилось в общественном сознании в форме четких идей, и ведут за собой сначала представителей элиты (сознательный элемент общества), а через них уже и массы.

Таким образом, история мира есть и история идейной элиты. В начальные периоды истории, в силу общего низкого культурного состояния людей, возможность принадлежности к элите ограничивалась узким кругом приближенных

вождя. При этом личность вождя почти всегда совпадала с личностью монарха. Монарх был тот, кто вел народ в области и политической, и военной, и культурной, а часто и в религиозной. С поднятием общего культурного уровня, шедшего параллельно с политическим и социальным развитием народов, этот узкий круг постепенно расширялся. Возникали целые ведущие сословия, которые были исключительными носителями общественного сознания и творчества. С развитием торговли и промышленности появилось и третье — буржуазия.

Остальные слои населения все еще оставались пассивной массой, лишенные ясного самосознания, что давало повод ведущим слоям презрительно их называть „чернью“. Даже вспышки „народного гнева“ носили характер стихийности и непоследовательности, и были вызываемы, главным образом, местными социально-экономическими причинами. Известное самосознание было у крестьянства, но оно носило свой специфический узко сословный характер и долгое время не укладывалось в рамки обще государственного самосознания. С течением времени, сословные перегородки стирались, образовывалось смешанное сословие интеллигенции, что уже открывало широкий доступ в ряды ведущего слоя.

Начиная с конца XVIII столетия, в жизни народов начинают играть все большую и большую роль народные массы. Целый ряд обстоятельств, как, например, развитие фабрично-заводской промышленности, распространение печатного слова, демократизация политического строя, всеобщая воинская повинность и т. д., стоят в тесной связи с процессом пробуждения общественных низов из состояния инерции. XIX век весь проходит под знаком этого процесса. В XX веке можно уже сказать, что народные массы стали важнейшими элементами общественной жизни. В настоящее время всякое политическое движение, всякая государственная политика должна быть обращена к ним (Гитлер, Муссолини).

Увязывая это положение со всем выше сказанным, мы должны придти к заключению, что общественные низы перестают быть инертной массой, что в них пробуждается творческое самосознание. Этот процесс еще далеко не завершился, но уже стерлись перегородки строго разграничившие „интеллигенцию“, „полунинтеллигенцию“ и „простонародье“. *В настоящее время носителем творческой идеи может быть в равной мере и профессор, и мелкий служащий, и рабочий, и крестьянин.*

Возможность принадлежать к идейной элите больше не связана с положением на сословной лестнице. Мы стоим перед проблемой оформления этого процесса, т. е. создания такого строя, когда общественное водительство будет принадлежать всецело людям высоких духовных качеств, т. е. *создания духовной элиты.*

Когда в общезнании говорится о пробуждении „самосознания в массах“, то тут, конечно, происходит путаница в терминологии. Чтобы избежать ее, надо за понятием массы сохранить ее основное значение. Несомненно, что всякая масса творчески пассивна, автоматична. Но к массе может принадлежать и высоко образованный человек, если он в душе „обыватель“. Не пробуждение в массах самосознания несет процесс, о котором мы говорим, а освобождение от состояния массы, пробуждение личности, ее самораскрытие. В результате этого процесса не повышается качество массы, которое всегда остается неизменным, а наоборот *масса количественно уменьшается, а растет и ширится элита*.

Этот утвержденный нами исторический процесс, есть процесс самоопределения — автономизма. Он имеет, как мы видим, поступательное движение и постепенно захватывает все более широкие общественные круги.

Процесс расширения ведущего слоя стоит в тесной и непосредственной связи с процессом *отбора*, дифференциации ведущего слоя, многостепенного выделения „лучших“. Этот отбор происходит в строгой соответствии с творческой идеологией, которая является связующим фактором ведущего слоя. Происходит он в порядке того же идейного самоопределения, а поэтому и он автономен. Таким образом, наряду с процессами *автоматическими* и *авторитарными*, мы видим что в истории существуют и процессы *автономические*, которые в отличие от двух первых, *не стихийны, а являются продуктом общественного самосознания*.

Процесс отбора, о котором мы только что говорили; является также продуктом общественного сознания, своеобразным психологическим „мандатом доверия“ лучшим людям. В результате его, из ведущего слоя или, точнее, из расположенных в концентрическом порядке слоев, выделяется более узкая *правлящая группа*, обладающая более широким горизонтом, активностью, большей идейно-творческой напряженностью и организационным навыком. Эта группа является уже не только носителем творческой идеи, но и активно ее осуществляет, при поддержке всех слоев элиты. Завершение этого процесса можно усмотреть в выделении из состава правящей группы возглавления, в очень ограниченном числе лиц, или в лице одного возглавителя „вождя“.

Что бы быть точным в своих утверждениях, мы должны сразу же оговориться, что и возглавление и правящая группа могут появиться и в порядке авторитарной воли сильных личностей и в силу сложившихся обстоятельств (в автоматическом порядке). Более того, они должны будут таким образом возникнуть, если силы автономизма не смогут проявить себя в должной степени. Но в первом случае и возглавление и правящая группа будут кратковременны и чужды,

если и не враждебны, остальным общественным слоям. Во втором случае, они будут или, вообще, нетворческими, или слабо творчески выраженными. Примером этого случая могут послужить „200 семейств“ Англии, Франции, С. А. Ш.

Сила автономизма в том, что он не исключает явления автоматически-авторитарного порядка, а прибавляет к ним элемент идейности и общественного творческого самосознания.

Для того, чтобы силы автономизма могли себя выявить, необходимо наличие соответствующего духовного уровня культуры. Поэтому в первобытных стадиях исторического бытия, общественная жизнь движется преимущественно силами автономизма и авторитаризма. Автоматично-авторитарным был по существу культурный античный мир, но уже в нем появляются пионеры идеи автономизма в лице Сократа, Платона и их последователей.

Первой победой сил автономизма явилось распространение христианского мировоззрения, имевшее конкретный результат и на социально-политическом поприще, — уничтожение рабства. Христианство, несмотря на его искажения в эпоху средних веков, и на его изгнание в эпоху новой истории, определило весь ход культурного развития современного мира, поставив проблему личности на первом месте среди всех остальных проблем. Еще быть может более характерно оно отразилось на русской культуре, создав идею „Святой Руси“, которая в своей социальной сути глубоко автономистична.

Второй крупной вспышкой сил автономизма было появление в эпоху Возрождения идеи освобождения личности от пут автоматизма и авторитаризма средних веков. Ошибка гуманизма заключалась в том, что, борясь с уродливостями средневекового католичества, он вошел в конфликт с христианством, что послужило причиной его уклона в сторону рационализма, а затем и материализма. Как общественное движение, он вылился в либерализм, который теоретически отстаивая принципы автономизма, практически сделался жертвой авторитарно-автоматических сил капитализма и парламентарной демократии.

Третьим крупным историческим сдвигом в область общественной психологии, где себя проявил принцип самоопределения, было зарождение и осознание идеи национализма. Сознание своей принадлежности к нации и гражданского долга перед нацией, легло в основу всякого государственного творчества, и тем его в значительной мере более одухотворило. Государство же, построенное на принципах национализма, более, чем какое либо государство иного типа, может обеспечить развитие принципов автономизма: расширение ведущего слоя, отбор „лучших“ и свободу личного творчества.

Победа идеи национализма в государственном сознании совпала по времени с расцветом либерально-демократического строя и капитализма. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на национализм того времени, ограничив его вопросами чисто политического характера, в то время, как целый ряд социальных вопросов, как например проблема труда, — остались по прежнему без внимания.

Первые попытки разрешить социальные вопросы на основах автономизма принадлежат т. н. „социалистам-утопистам (Фурье, Оуэн и др.)“, и все еще относятся к области фантазии. Но они породили движение кооперации, которое сейчас охватывает десятки миллионов трудящихся и в недрах капитализма мирно осуществляет основы трудового сотрудничества. К сожалению, кооперация, показавшая столь огромные практические успехи, ограничена в своих возможностях. Потому современный мир ищет новые формы, которые смогли бы полнее охватить всю структуру общественных взаимоотношений, возникающих на базе автономизма.

В порядке этого искания возникают различные течения *трудового солидаризма*. Но окончательное разрешение этой проблемы находится еще далеко в идеале будущего и, для того, что бы приблизиться к этому идеалу, необходимо сначала перебороть стихию автоматизма и авторитаризма в области социальных взаимоотношений, т. е. добиться, что бы их регулировало творческое сознание человеческой личности.

— Это возможно лишь в порядке воспитания многих поколений. Путь же к этому лежит через создание такого строя, который бы создал возможность, путем постоянной, планомерной и последовательной реформации, — постепенно урегулировать общественные стихии в таком направлении, что бы они не служили препятствием к пути осуществления идеала автономизма — освобождения и самоопределения личности.

Краткие выводы

Отвергая исторический материализм, как одностороннее и предвзятое толкование исторических фактов, имеющее своей исключительной целью подвести псевдо-научный фундамент под искусственные построения социальной теории Маркса, — мы убеждаемся, на основании объективного исследования, в многообразии факторов творящих историю. Эти факторы, как материальные, так и не материальные, и, наконец, чисто духовные, — составляют неотъемлемые части органической и сверхорганической жизни, которая одновременно охватывает и сознание, и бытие. Подробно разбирая сущность этих факторов и классифицируя их, мы приходим:

к выводу, что исторические процессы мы можем разбить на три типа: на автоматические, авторитарные и автономные процессы, что нам облегчит понимание внутренней сущности и взаимной зависимости происходящего в истории.

Автоматические процессы („самотёк“) *включают в себя элементы исторической стихийности и творятся факторами механическими* (как следствие экономических, биологических, климатических и пр. условий) *и психологическими*. Человеческий элемент в них представлен в виде человеческой массы механического коллектива. Но и в этих условиях личность проявляет себя, как активное начало, как организатор и регулятор общественного механизма, по столько, по сколько, она психологически исходит из сознания необходимости.

Авторитарные процессы (самовластные) *являются следствием волевого проявления свободных и сознательных личностей, стоящих над общим уровнем коллектива („сильные личности“)*. Они всегда имеют перед собой определенную цель — осуществление некой идеи, вне зависимости от внутренней сущности этой идеи. Сила проявления и успех процесса зависит здесь исключительно от качеств сильной личности, от ее умения воздействовать на окружающую среду и на массу. Самый процесс заключается в столкновении личной воли и внешних препятствий. Это столкновение вызывает к действию массивные силы исторической стихии, что придает и самому процессу отпечаток стихийности (нпр. революции, войны).

Автономные процессы (самоутверждения) — *процессы самоопределения — есть результат развития общественного самосознания*. Проявляются они в двух направлениях — с одной стороны, расширяя границы „ведущего слоя“, подымая качественно и количественно сознательные и творческие элементы общества, раскрепощая личность, и, с другой стороны, производя отбор „лучших“ для водительства общественными силами. Сами по себе они не столько творят самые события — (события создают, главным образом, автоматические и авторитарные факторы), сколько влияют на них, придавая им осмысленность и идейно-творческую целеустремленность.

Весьма трудно, а может быть и невозможно, установить строгие границы между этими тремя типами исторических процессов. Происходит это, главным образом, в силу того, что отдельные исторические события обыкновенно включают в себя элементы всех трех типов. Но это и не столь важно; важно их соотношение и согласованность, которые влияют на исход и характер событий.

Сравнивая между собой типы исторических процессов, мы должны констатировать, что, вопреки утверждениям исторического материализма, во всех трех фигурирует эле-

мент *сознания*: сознания необходимости в автоматизме, сознание идейной цели в авторитаризме и автономизме. *Активным осуществителем сознания во всех трех случаях является личность.*

Наиболее полное развитие личность получает в системе автономизма, где она непременно связана с творческой идеей. Это обстоятельство заставляет нас идеологически встать на позиции *автономизма* и стремиться к созданию такого общественного строя, где силы автономизма смогут найти, соответственно данной обстановке, свое наибольшее практическое развитие.

Таковым строем, по нашему убеждению, явится строй *Национально-Трудового Солидаризма*. Но прежде, чем мы сможем перейти к творчеству строительства, мы должны преодолеть внешние препятствия, заключающиеся в наличии в России коммунистической власти. *Национально-Трудовой реформации должна предшествовать Национальная революция.*

Таким образом, наша ближайшая задача авторитарна. Но с ней тесно связана и безусловно необходима и автономическая задача: создание освободительного движения, подготовка будущего „ведущего слоя“ строителей России, строителей нового общества, отбор лучших и годных.

В „Задачах Союза“ эти мысли выражены так:

„а) Подготовка и воспитание сильных духом, волею, исповеданием идеи, знаниями и умением, людей, — жертвенных, культурных, и нравственно-дисциплинированных носителей идеи Российского Национально-Трудового Движения и создание из них организованного и спаянного кадра революционных борцов и будущих строителей Национально-Трудовой России.

б) Оформление в Союзе национально-трудового движения, создание из Союза действующего, организующего и ведущего центра борьбы, и привлечение созданных кадров к осуществлению и обслуживанию Национальной Революции“.

Наша Родина переживает сейчас эпоху величайшего порабощения личности, ибо идеальный тип гражданина в СССР — это безликий автомат, не только действующий, но и мыслящий по указке властей.

Авторитарное начало в СССР доведено до крайних пределов, и свободная автономная личность принесена в жертву коллективу. Национальная Революция будет актом раскрепощения личностей; она явится великим историческим событием в судьбах России, и на долго отметит пути дальнейшего развития.

Но долг осуществления этой Революции ложится непосредственно на нас.

Ведь нельзя забывать, что история не знает неизбежностей, что в судьбах народов есть лишь неисключенные возможности. И если без Национальной Революции России не быть, то наш долг возможность Революции осуществить в ближайший срок, что бы затем приступить к творческой реформации.

Жизнь народов — сумма бесчисленных но неравных слагаемых, — действий отдельных лиц. От нас зависит дать такие, по своему значению, слагаемые, чтобы победила *наша* воля, *наше* мировоззрение, *наша* Россия.

И никто не в праве отговариваться тем, что, дескать, „все образуется само собой“, что есть какое — то „колесо истории“. Великими историческими событиями движут великие идеи, и в истории человечества сохраняются примеры подвигов и творческих дел. А совершать подвиги и творить дано только личности, в полном смысле этого слова.

IV. Элементы общественной и государственной жизни.

Понятие об общественной жизни.

Жизнь людей и животных на земле не есть жизнь разрозненных одиночек. Представление о мире живых существ, как о среде индивидуумов вечно и только борющихся и ненавидящих друг друга безо всякого удержа, — всего лишь отвлеченное построение кабинетных теоретиков. В действительности же, все животные обнаруживают общественные склонности.

Люди, в нормальных условиях, всегда жили и живут обществами*). -- Еще древние говорили, что „человек есть существо общественное“. Человек, живущий вне общества, не только с трудом выдерживает борьбу с силами природы (Робинзон Крузе), но и предрасположен к одичанию и интеллектуальному вырождению, т. к. его жизнь вне общества теряет всякое этическое содержание.

Изучая строение общества, прежде всего, замечаем, что оно не случайно и бесформенно, а, наоборот, состоит из определенных образований (семья, народы, союзы, общества, расы и т. д.). Современная общественная жизнь очень сложна: — каждый отдельный член общества часто входит одновременно в несколько разных общественных образований. Общественные образования разных рангов, входя одни в другие, образуют более сложные сообщества.

Две отличительные черты имеют, однако, все человеческие общества: во первых, у их членов должно существовать связывающее их *сознание сродства*, какого бы то ни было вида (родственная связь, общий враг, общий интерес и т. д.); и, во вторых, это сознание побуждает к тем или иным действиям, составляющим „*жизнь обществ*“.

*) Под обществом, в общем смысле слова подразумевается совокупность общающихся личностей.

Личность и общество.

Существование личности, как вполне определенного, цельного и самостоятельного существа, не может ныне серьезно оспариваться. Но эта неоспоримость существования личностей-индивидов, физически независимых друг от друга, не дает основания отрицать и существование коллектива-общества, как образования тоже вполне реального, имеющего свое определенное жизненное назначение, а не представляющего собой лишь случайную арифметическую сумму индивидов.

Теория крайнего индивидуализма, отрицающего значение общества, не основывается на каких либо опытных данных и не выведена при помощи логических построений.

Распространение идей индивидуализма на учение о возникновении государства и общества было изложено в XVIII веке Жан Жаком Руссо в его сочинении „Общественный договор“. Руссо полагал, что человеческая личность по своей природе совершенна, а что недостатки и пороки людей всегда являются продуктом стеснения свободы личности внешней средой (обществом). Иными словами, — чем свободнее человек и чем большую независимость от общества оставляют за ним условия их взаимоотношений, тем больше у него возможностей развить свои природой заложенные в нем добрые качества.

Понятно, что при этом убеждении взгляд Руссо на государство и не мог быть иным, как отрицательным. За государством Руссо не оставляет никаких прав на человека, а роль его, поскольку оно в настоящее время вообще не может быть уничтожено, сводится к техническому обслуживанию граждан там, где отдельный человек не может обойтись без поддержки других людей. Границы общественного вмешательства должен определять, в каждом отдельном случае, сам человек, который в любой момент может приостановить это вмешательство. Таким образом, взаимоотношения между личностью, государством и обществом, являются как бы частными договорами между людьми для совместного совершения каких то определенных действий. Эти договоры должны потерять свою силу, как только одна из сторон выскажется за их расторжение, т. е. пожелает освободиться от данных ею обязательств.

Руссо полагал, что в основу образования государства лег именно такой свободный договор между людьми, а потому государство должно было бы собой представлять нечто подобное свободному кооперативу или товариществу, из которого каждый член имеет право выйти, как только перестанет в нем нуждаться. И только злая воля отдельных единиц, стремившихся использовать этот свободный союз

для своих корыстных целей и власти, превратила государство в систему принуждения.

Привлекательная сторона такого учения заключается в поощрении каждого человека чувствовать себя вполне самостоятельным, самодовлеющим, свободным и независимым, а, главное, ничем не обязанным по отношению к другим людям.

Однако, жизненная слабость и неустойчивость изолированной личности слишком очевидна. Даже небольшая группа, объединившаяся для общей цели и общего действия, настолько сильна, что обособленный человек перед нею совершенно беспомощен.

Идеи Руссо дали наставление общественной и политической мысли последующих за ним поколений в лице представителей либерализма, заботившихся, по мере возможности, „об освобождении личности от пут государства и общества“. С этой точки зрения, парламентарно-демократическое государство было признано наиболее отвечающим типу „договорного государства“. Однако, дальнейшее историческое развитие вскрыло ложность подобного взгляда. „Договорное государство“ (парламентарно-демократическое), прежде всего, — фикция само по себе. Государства, считавшиеся таковыми, на самом деле, если и заключали в себе элементы договора, то лишь об условиях дальнейшего сожительства граждан. Совокупность же этих граждан и государственные рамки их заключающие к моменту договора уже существовали и создались вовсе не „общественными договорами“, а иными путями.

Далее, такое государство лишь в весьма незначительной степени отвечает и тяготениям обособленной личности: власть осуществляется по желанию большинства граждан. Таким образом, для данной личности совсем не обеспечена возможность устраивать свою жизнь по собственному способу, ибо, как только она окажется в „меньшинстве“, воля „большинства“ ей будет просто-напросто навязана. Но даже, если личность окажется в большинстве, то и тогда персональные вожеления ее будут в значительной степени ущемлены, так как и для создания большинства необходимы какие то личные жертвы отдельных его членов. Что же касается „необязанности“ по отношению к себе подобным, то она *заменяется* в таких случаях весьма ощутительными обязанностями и зависимостью по отношению к государству „большинства“, большинства создавшегося часто случайно и даже, по существу, фиктивного (мнимого).

Далеко не осуществляя, таким образом, претензию личности на полную независимость, „договорное государство“ в действительности не отвечает и тому заданию, для которого оно, по существу, и выдуманно, — именно защите договорившихся от опасности извне. Если это задание все же

успешно выполняется и „договоренным государством“, то совсем не в силу какого-либо „договора“, а в силу сознания гражданами *своей общей национальности*; реже, — в силу иной общей идеи, захватившей данную страну и воспламенившей энтузиазмом население. Нужно ли говорить, что и в государствах недоговорных, граждане защищаются с не меньшей, если не с большей готовностью, и с самопожертвованием. В силу же одного только „договора“, всегда более или менее устаревшего, *проливайть свою кровь пожалуй никто не согласится*.

Но несмотря на свою несостоятельность, обнаруженную логическим и опытным путем, индивидуалистический взгляд на общественную жизнь держался очень долго и упорно, держится и сейчас еще в сознании людей. Тем, что индивидуалистическому взгляду удалось удержаться и по сию пору, он обязан, главным образом (помимо причин изложенных выше), появлению противоположного ему и несостоятельного во всех отношениях мировоззрения — марксизма. Марксистский коллективизм, противопоставивший себя индивидуализму, своим представлениям о механизированном обществе, в котором коллектив совершенно подавляет личность, исключая вообще свободу, индивидуальное творчество и инициативу личности, — вызвал реакцию, заставив людей сторониться и самого понятия коллектива-общества.

Между тем, обнаружение ложности представления о предмете не может служить доказательством того, что этот предмет не существует вовсе, в ином виде. И как ложность утверждение индивидуализма о полной самостоятельности личности и независимости ее от общества не опровергает существование личности, как чего то в известных рамках цельного и самостоятельного, — так и лживость марксистского учения о пролетариате, как единственно положительном коллективе, не опровергает реальности существования общества вообще.

Для того, чтобы придти к правильному представлению об обществе, нельзя бросаться из одной крайности в другую, и от одного искажения истины к исканию ее в противоположностях. Надо лишь, оставив отвлеченные рассуждения, обратиться к реальной жизни и беспристрастному исследованию ее проявлений. Тогда реальность общественного элемента в жизни явится для нас во всей своей неопровержимости, так же, как выяснятся и наши возможности творческого действия в деле усовершенствования того общества, членами которого мы являемся.

Развитие понятий о личности и обществе.

Вопрос взаимоотношений личности и общества занимал человеческие умы с древних времен. В своих философских

речах и трудах касались этого вопроса и Сократ, и Платон, и Аристотель. Но, при рассмотрении роли личности и общества, философия очень долго не охватывала во всей полноте эти понятия. Личность и общество рассматривались только в каком либо одном своем выражении: человек — как гражданин, общество — как государство (Платон), или даже как отвлеченное „человечество“ (Стоики); человек — как часть или одно из проявлений „космоса“ (Гераклит) и т. п.

К понятию личности, во всей ее разносторонности и полноте, во всей сумме ее качеств, способностей и стремлений, мысль человеческая пришла сравнительно недавно. Еще позже возник соответствующий взгляд на общество.

Наряду с философией наука также занималась изучением личности и общества. Личность, как более конкретный и реальный предмет научного исследования, прежде чем общество обратил на себя внимание ученых. Уже в самые древние времена зародилась наука, изучавшая строение человеческого тела — анатомия. Причем, на известной степени своего развития, она включила в предмет своего изучения (вернее догадок) и человеческую душу, как орган материальный, отличавшийся лишь более тонкими веществом и строением. Позже душа человеческая перестала быть объектом научного исследования и стала достоянием философских изысканий, пока, наконец, с развитием естественных наук, биология не охватила всю физическую жизнь и развитие человеческого тела, а для изучения душевной его жизни выделилась особая наука — психология.

Что же касается общества, то его изучением, как вопроса эволюции и развития общественной жизни, занялась история.

Долгое время, однако, история ограничивалась лишь последовательной *записью* и *описанием* событий из жизни, общества (государства), не пытаясь установить закономерность развития общества (народов) вообще. Позже это перестало удовлетворять историков, и они занялись еще и определением сущности описываемых событий, выискивая между ними причинную зависимость и группируя их в известного рода исторические *явления*. Далее начались попытки выяснения даже *законов* исторического развития, главным образом, в области политической.

Однако, такой подход к вопросу оказался невозможным в рамках только истории, т. к. требовал в значительной степени обособления и схематизации исторических явлений, приводимых к правилам закономерности. Учение об исторических закономерностях принуждено было, поэтому, выделиться в „философию истории“.

Между тем, никакая закономерность не могла быть выведена лишь из прослеженной последовательности истори-

ческих событий, ибо, хотя причинную зависимость между историческими событиями нередко и удавалось установить, но несомненным оставался и тот факт, что на первый взгляд совершенно однородные причины вызывали совсем не одинаковые следствия.

Даже роль *случая* (о нем речь впереди) в ходе исторических событий не объясняет такого разнообразия причинно-следственных комбинаций. Пришлось придти к заключению, что источник этого разнообразия лежит в психологии „актеров исторической сцены“, народов и наций. И тогда обнаружился пробел, без преодоления которого дальнейшая работа в этом направлении должна была остаться бесплодной. Пробел этот — отсутствие данных о *психологии*, но уже не *отдельных лиц, а общества*, т. к. психология индивидуальная могла объяснить лишь поведение отдельных участников исторических событий, пусть даже и самых выдающихся, — в то время, как поведение народов в целом, их рефлексy на события и на действия руководящих ими личностей, оставались необъяснимыми.

Даже не изучая специально психологическую атмосферу исторических событий, а занятый лишь философской темой о психологии, Гербарт (1776—1841) сделал такое тонкое наблюдение: *„Психология будет всегда оставаться наукой односторонней, пока будет рассматривать человека особняком“*. Не менее определенно в этом смысле выражался и Кант, положивший начало науке об общественном развитии — социологии (1798—1857): *„Психическое взаимодействие между личностями и национальностями должно связать личность и общество, должно вызвать к жизни, наряду с психологией индивидуальной, психологию общественную — социальную“*. Однако, влияние индивидуалистического либерализма в прошлом веке было так сильно, что эти мысли не получили сразу достаточного развития. Такие, например, выдающиеся историки, как Тен или Гизо, совершенно игнорировали элемент социальной психологии, не видя между государством (организацией) и личностью (психологической единицей) никаких общественно-психологических связей.

Социология и социальная жизнь.

Социология — наука новая, еще совсем недавно отставившая свое право на законное место в ряду других наук. Но независимо от возможных разногласий по этому вопросу, нужно бесспорным признать существование, во всяком случае, *„социографии“*: вполне научного *описания жизни общества*, подкрепленного при том совершенно доказательным и объективно использованным материалом. Она существует и отрицать ее научность — невозможно. Более того: наука об обществе сумела выделить общие явления социального.

развития, присущие во всяком случае многим обществам, и получила, таким образом, право считаться наукой, описывающей явления *общественного (социального) развития*.

Между тем, социология, еще с первых своих шагов, поставила себе задачу определения *законов развития общества*. В этом она претерпела не мало нападков, и в самой среде социологов выросла целая система непрекращающихся разногласий. Выяснение законов развития человеческих обществ (если такие законы или закономерность и существуют), разумеется, задача не легкая. Поэтому среди социологов и социологических школ ведутся непрерывные споры, как о ценности отдельных социологических законов, так и, в особенности, о сущности самого общества.

— Следует ли отнести человеческое общество к разряду явлений случайных, или искусственно созданных, или органических, или каких либо иных, не имеющих себе подобных среди всех остальных явлений?

По мнению одних (Спенсер), общество есть организм, *подобный* по своему строению организму живых существ. Другие (Лильенфельд) утверждали полное тождество между организмом живых существ и социальным, являющимся как бы повторением, в высшей форме, биологической жизни индивида. Иные настаивали на метарилалистической (физико-химической) сущности общества (Оствальд, Соловьев, Воронов и др.). Наконец, психологическая школа (Тард, Сквилаче, Лебон), признает элемент психический — основным, или даже единственным для общественных объединений; причем некоторыми из психологов отрицается уже и самая органичность общества (Тард, Кареев).

Естественно, что в зависимости от взгляда на сущность общества меняется и окраска социологических законов.

— Но существуют ли вообще социологические законы?

Они во всяком случае настолько трудно уловимы и определяемы, допускают столько исключений, что сами социологи часто считают более удобным говорить лишь о „*ритмах*“ *социального развития*, часто повторяющихся во многих обществах, разделенных между собой и временем и пространством. Эту повторность явлений социального развития они признают нужным считать не результатом внушения или подражания, а следствием свойств — органических тенденций, заложенных в самой сущности человека и человеческого общества.

Основные проявления социальной жизни.

Выразителями присущих человеку общественных (социальных) свойств и стремлений являются: язык, религия (и мифология), обычай, право, этика, искусство и пр.

Если невозможно установить наличие определенных законов развития каждого из этих социальных явлений, то зато совершенно очевидна их *всеобщность* для человечества. Развиваясь по разному и достигая неодинакового уровня своего развития у разных обществ (в зависимости от степени культуры и др. условий), — эти явления обнаруживают себя соответственно, все же, *во всяком* человеческом обществе. Также несомненно и то, что все они выражают социальные-общественные свойства и стремления человека и немыслимы в человеке — одиночке, даже если бы он и существовал когда либо как таковой.

Язык.

Язык — средство общения людей между собой, который многими социологами считается отличием человека от животного, — безусловно мог явиться только в *обществе* людей. При этом совершенно несущественно для нас, хотя может быть и очень любопытно, знать — были-ли когда-либо люди бессловесными и возник ли язык позже, в процессе совместной работы, совместных игр и т. п., или человек был уже создан со способностью речи? И в том и в другом случае, остается верным, что человек создан со способностью общения и стремлением к постоянной общительности, и язык является главным средством ее осуществления и выражения.

Религия.

Социальность *религии* может показаться менее очевидной, ибо отвлеченно (абстрактно) можно себе представить человека-одиночку, носящего в душе своей поклонение какому то Богу. Она, помимо того, не имеет, с точки зрения объективной разумности, характера такой необходимости для общества и общения, как язык.

Всеобщность же религиозного проявления для человечества может доказывать лишь то, что потребность религиозного служения высшим силам, — в поисках ли защиты, совета и иного общения с ними, — заложено в каждом человеке. И потому эту потребность можно было бы отнести и только к индивидуальной, а не социальной психологии.

Однако, нельзя отрицать, что все известные религии никогда не обращались к единичному человеку. Все они требовали объединения людей для осуществления служения божеству. И, как высшая религия — христианская оставила нам слова: „Где двое или трое соберутся во Имя Мое там и Я между ними“, — так и самая примитивная религия непременно требует общего служения. Если какая либо религия и выдвигалась одним человеком, то предназначалась она всегда для общества людей.

Наконец, религии развиваются и, в особенности, распространяются прежде всего в среде с общим психологическим характером. Если же какой либо из религий и удастся схватить очень большую и разнообразную по психологическому характеру среду, — религия эта неизбежно разламывается на несколько более или менее обособленных очагов. Этого не избежало и христианство, несмотря на свою общечеловеческую сущность и на относительную однородность населения Европы, небольшой и по пространству.

Таким образом, группируясь по площадям общей социальной психики, религии отражают социальную жизнь людей.

Обычай и право.

К несомненным выразителям социальной жизни относятся *обычай и право*. Недаром они возбуждали самую лютую ненависть индивидуалистов, — будь то рационалисты, романтики или анархисты. Обычай и право имеют самое широкое поле влияния в жизни человека. Они пронизывают собой не только организацию человеческих обществ, для которых, главным образом, и создаются правовые нормы, — но также и религию, и мораль, и даже, временами, язык и искусства.

Правовое сознание человека вытекает из его понимания этических норм и справедливости. В виде примера к этому, проф. Петражицкий приводит наблюдения над развитием правового ощущения у детей. Далее он указывает на возможность существования правовых норм и не только в общении людей между собой: так, например, человек — хозяин чувствует известные обязательства в отношении к своим животным. Наконец, некоторое подобие правового взаимоотношения может существовать даже между человеком и неодушевленными предметами.

Все это, однако, не есть указание на то, что правосознание является элементом исключительно индивидуальной психологии. Сама сущность правосознания указывает на социальность права, как фактора регулирующего отношения в обществе. Поэтому нет основания считать правовые нормы как и обычаи, существовавшими *ранее обществ*, или возникшие вне общества. *Обычаи и правовые нормы не нужны человеку и немыслимы вне обществ*. Также нельзя отнести их к разряду достижений, сознательно „выдуманных“ людьми уже после осуществления какой то высшей формы организации.

Обычай и право являются оформлением различных стадий одного и того же социально — психологического проявления. В переходном периоде от обычаев к праву, при нормальном и самостоятельном развитии общества, нельзя установить резко очерченной разницы между этими двумя понятиями.

Среди общественных формаций, регулируемых обычаями и правом, особое место следует *семье и браку*. В то время, как организации, охватывающие общества в целом (род, племя, национальность и т. д.), имеют тенденцию поглощать и растворять в себе предшествующие им формы, из которых они вырастают, — брак не поглощается и не растворяется эволюцией общественных организаций, а наоборот, все более оформляется, выкристаллизовывается во все более совершенную форму.

К развитию правовых норм брака, до некоторой степени, приближается и развитие понятия о собственности, которое тоже оформляется постепенно, в смысле все большего соответствия индивидуальным правоустремлениям. Однако, чрезмерное развитие индивидуалистического понятия о собственности (римское „священное право собственности“, либералистическое ограждение собственности от всякого контроля государства) неуклонно ведет к „расползанию“ индивидов от общественного ядра. Поэтому в наше время все более оформляется принцип *общественно-функционального* значения частной собственности, при котором она находит себе оправдание в обязательстве служить не только личным интересам собственника, но и обществу, содействуя общему улучшению экономической жизни.

Этика. Вопрос о сущности и значении этики разбирается в другом месте (см. конспект: „Идеализм и материализм“). Здесь достаточно будет лишь указать на присутствие этического элемента на всех, доступных нашему исследованию, ступенях общественного развития. Впрочем, социальность этики не требует доказательства: вне общества все действия, побуждаемые этическим пониманием, были бы просто невозможны. Этим, конечно, не умаляется значение морального элемента для индивидуальной ценности личности. Нравственный облик человека остается главным выразителем личного достоинства. Однако, и самая оценка личности с этой стороны была бы невозможна в отношении изолированных индивидов.

Искусство. Рассмотрим здесь еще одну сторону человеческой деятельности, которую с особенной яркостью отводили индивидуалисты в исключительную пользу личности, именно — искусство. Мы далеки от мысли умалять значение индивидуального таланта, как и защищать стеснение свободы творчества. Мы категорически утверждаем и ценность одного, и значение другого, и не только в искусстве, но и во всех областях человеческой деятельности.

Однако, не может быть обойдено молчанием и то явление, что искусство всегда носит оттенок той культуры и той национальности, в которой оно выявляется. Не будем даже настаивать на „*общении художника с толпой*“, о котором

так картинно говорит П. Сорокин в своей „Социальной аналитике“: *„Хороший пианист или музыкант представляет собою магического моншера, который, сидя за роялем, мгновенно связывает себя звуковыми проводниками со всеми слушателями и, играя на клавишах инструмента, по существу играет на человеческих душах...“*.

Подобное явление можно было бы отнести к „случайным контактам индивида и коллектива“. Гораздо показательней иной факт: к началу нашего века, когда интернационализм и космополитизм достигли наибольшего властвования умами, обнаружилось в искусстве, в частности в музыке, сильнейшее стремление расчленения по национальностям. Большие нации, между которыми раньше распределялись музыкальные очаги, перестали поглощать в себя музыку малых национальностей. Конечно, народная музыка всегда делилась на множество национальных, областных очагов, но музыка *компилированная специалистами* вдруг создала небывало многочисленные секции по национальностям, что приводит в тупик некоторых музыкальных критиков.

Но дело обстоит не так сложно. Уравнение (унификация) европейского искусства обязана своим осуществлением тем общим идеям, которые долгое время объединяли европейские народы между собой. Самой мощной из этих идей было христианство. С утратой им на Западе своего прежнего влияния, народы, и прежде всего самое чуткое в них — искусство, стали расползаться по своим естественным психическим очагам.

Приведенного выше перечня проявлений социальной жизни достаточно для того, чтобы уяснить себе, какую огромную часть своей деятельности человек уделяет социальной стороне жизни. Что останется от личности, если у нее отнять язык, религию, правовые и этические понятия?

Пусть семья и искусство остаются под некоторым сомнением, в смысле своей социальности, и будут представлены исключительно индивидуальной стороне жизни. Но, если принять во внимание, что черпает искусство в языке, религии, этике, — несомненным станет, во всяком случае, теснейшая связь этой области человеческой деятельности с социальными факторами. Семья же лишенная общественных гарантий и поддержки, едва ли сможет сохранить свой смысл и даже форму.

Все упомянутые стороны социальной жизни не развиваются хаотически. Они безусловно имеют какую то логику своего развития, хотя эта логика может и не быть всюду одинаковой, а порой и вообще ускользает от наблюдения. Попытки социологов свести социальное развитие к определенным законам или *ришмам*, если и обрисовали в значи-

тельной степени общую картину этого развития, не увенчались все же, до сего времени, таким успехом, чтобы на эти законы или ритмы можно было уверенно опереться в целях практической деятельности. Однако, результаты социологических исследований ценны уже потому, что они неоспоримо утверждали лишь те основные явления социального развития, которые отличались наглядной достоверностью. Они помогут, кроме того, убедиться и в полной реальности общества и общественного элемента в психике человека.

Как основание всего общественного *бытия* и *развития*, — необходимо признать заложенный в человеке, неотторжимый от него *элемент общесственности*. Многие, даже самые на первый взгляд индивидуальные, самые лично-особенные качества и стремления, способности и деятельность, немыслимы в человеке вне его взаимоотношений с себе подобными. С другой стороны, все человеческие взаимоотношения немыслимы без взаимного влияния между отдельными личностями и между личностью и обществом. Не только противодействие, но даже лишь полное неучастие общества делают невозможной какую бы то ни было культурную деятельность человека. Сколько нибудь значительная деятельность, в любом направлении невозможна далее без преемственности, без передачи своего дела наследникам, впрочем и без того, что допускало бы совместное участие многих лиц. — Совершенно необходимо и наличие *общей психологии*, во всяком случае *чего то общего* в психологии, как совместно действующих, так и передающих и приемствующих. *Вот это то общее в психологии* или общая всем психология и есть *социальная психология*, а ее выражение называется „социальным сознанием“, „социальным разумом“ или даже „душою расы“ (Лебон).

Если на первых ступенях развития эта общая психология и была как то обусловлена анатомическими особенностями данной расы, как это утверждают биологи, то при дальнейшем развитии после многократного смещения племен и рас, психологические особенности данного общественного соединения (племя, народ, нация) обрисовывались с меньшей очевидностью, чем у этнографически чистых группаций. Это дает нам право утверждать несомненность самостоятельного психологического оформления человеческих обществ, уже вне зависимости от анатомических факторов.

В связи с этим, логически определяется и сущность общества вообще. Оно не может быть ничем иным, как „психо-организмом“. Однако, этот термин нельзя принимать в его дословном и узком значении. Уместен он будет лишь с некоторыми оговорками и обусловленностью его смысла „Психо-организм“, — это значит, что связующим „веществом“ социального объединения является психика. Организмом

же общество является лишь постольку, поскольку его образование естественно осуществляется в силу присущего человеку стремления к социальной жизни.

Аналогия между организмом биологическим и обществом на этом и должна кончаться. Между тем, школа „органистов“ представляла себе общество, как какое то сверхживотное, наделенное сознательными качествами. Учение их о подобии строения общества и биологического организма, или даже тождественности организмов биологического и социального, — несмотря на всю свою привлекательность не приемлемо ни с точки зрения желательности.

Со стороны научной оно не точно: в обществе нет механического взаимодействия частей, как в организме, а психологически личность тоже не „привязана“ к определенному обществу. Последняя лишь создана для общественной жизни, и уход из *данного* общества еще не лишает ее жизнеспособности. Организм и его границы всегда физически определены, всякое же общество, начиная от случайного — толпа и кончая высшей формой — нация, не может быть определены и ограничено физически, а только психологически.

Со стороны же *желательности* полного отождествления общества и биологического организма, нужно признать, что оно было бы в ущерб личности, если бы ее уподобить (насиловственно) органу человеческого тела. В этом случае, вся функция личности сводилась бы к работе на общество, к полному самоотрицанию в индивидуальном отношении, а общество, сделавшись самоцелью, потеряло бы весь свой смысл, который заключается именно в удовлетворении социальных потребностей личности. В таком случае нужно согласиться со Спенсером, когда он говорит: „Следует всегда помнить, что как бы не были велики усилия направленные к благополучию политического агрегата, все притязания этого политического агрегата суть *ничто*, и что они становятся *чем то* лишь в той мере, в какой они воплощают в себе притязания, составляющих этот агрегат единиц“.

Таким образом, если можно выразить пожелание, чтобы общество приоблизились к организму в *смысле стройности и совершенства внутреннего взаимодействия*, то лишь с напоминанием, чтобы эта стройность была бы в согласии с двоякой сущностью общества (личностей его составляющих и групповых соединений этих личностей) и не ущемляли бы одной стороны в пользу другой, чем нарушилось бы равновесие, которое как раз и должно быть идеалом общественного устройства.

Общественное сознание (Социальный „разум“).

Не менее жестоким, чем борьба „органистов“ и „психологов“, был спор „номиналистов“ и „реалистов“ о значе-

нии термина „общественное (социальное) сознание“ или „социальная психология“. Первые утверждали, что „социальное сознание“ (или „разум“) есть только отвлеченное понятие, не обозначающее ничего реального, т. к. оно есть ничто иное, как сумма сознаний индивидуальных. Вторые, наоборот, стремились доказать существование какого то реального „социального сознания“, существующего независимо и, как бы, вне индивидуальных сознаний. Некоторые склонны были ему приписывать даже сущность, подобную сущности метафизического Гегелевского „всемирного духа“ (или марксистской „диалектики материи“ и „экономических сил“).

Мы не имеем возможности, ни надобности вдаваться здесь в метафизические рассуждения. Для нас достаточно утвердить ту неоспоримую *реальность* общественного сознания — „разума“, которая одна только имеет практическое значение, именно: *реальность социального сознания* („разума“ и даже „души“), как *фактора* вызывающего определенные изменения в ходе развития общества, как и в общем ходе истории; и как *фактора*, определяющего поведение социальных объединений (в особенности национальностей).

Под разумом вообще понимается сознательная часть индивидуальной душевной деятельности человека, которая черпает материал для обработки, как из внешних впечатлений, так и из глубин подсознания.

„Социальный разум“, также как и общество, фактически существует и было бы бессмысленно отрицать его существование. Но приписывать ему те или иные качества, только на основании сделанного сравнения с организмами живых существ и их разумом, — было бы крайне несерьезно. Следует, наоборот, стараться изучать непосредственно явления социальные вообще, а „социального разума“ в частности.

В понятие „социального разума“ входит, прежде всего, „социальная память“, передающая нам под видом разного рода традиций, опыт и знание прошлых поколений. В социологии значение слова „традиция“ очень широко. Прежде всего, это традиции экономические, юридические и политические; затем этические и религиозные и, наконец, метафизические и научные.

Весь опыт и знания, вошедшие в состав этих традиций, накапливались, главным образом, индивидуально. Одни — выдающиеся ученые, государственные деятели, полководцы, великие писатели и т. д., — внесли много в эту общую сокровищницу; другие — ничего или очень мало. Но ничего из этого не могло бы вообще существовать, если бы не было общества и, во вторых, если бы в результате общения, не развилось бы взаимного понимания, при котором мысли и чувства одного человека могут сделаться предметом мыслей других людей.

Сумма опыта даже одного поколения колоссальна. Но, как традиция передается только то, что более ярко поразило или более глубоко затронуло чувства или интересы общества.

Уже из этого видим, что объем „социального разума“ весьма широк и недоступен для разума индивидуального. Социальный разум не ограничивается, однако, созданием традиций. Он реагирует и на текущие события, создавая о них более или менее определенное мнение и готовность к определенным действиям.

Неверно, однако, утверждение, что традиции настолько влияют и на рядовых членов общества и на их вожakov, что их поступки только неминуемое следствие традиций. Оно неверно уже потому, что традиции не вечны и что в их изменении передовую роль играет деятельность наиболее активных, на разных поприщах, членов общества — „великих людей“, сильных личностей и общественной элиты (см. конспект „Значение идей и сильных личностей“).

Вожаки *организуют* общественное мнение и тем создают новые традиции. В их взаимодействии с „социальным разумом“ общества и состоит, в значительной мере, история человечества. Эту историю вожаки („сильные личности“) не могут творить совершенно произвольно, как нельзя построить дом, не считаясь с качествами грунта, потребностями и вкусами жильцов, особенностями окружающей местности, качеством матерьялов и т. д. Но это вовсе не значит, что архитектор не может проявить своего творческого дарования. Так и „общественному архитектору“ приходится знать и считаться с обстановкой, органическими тенденциями (естественными стремлениями общественного „организма“ — например, тенденция к увеличению населения), психологическими тенденциями и воззрениями народа на свою роль в истории.

Состав и устройство общества.

Разберем теперь одно явление, которое хотя и не дает больших возможностей предугадывания хода общественного развития, однако сильно облегчает понимание социальной жизни в ее сложных формах; именно — явление „агрегации“.

Агрегация заключается в замене мелких социальных объединений более крупными, путем поглощения одним объединением других, или путем параллельных социальных объединений.

Явление агрегации сопровождается процессом *ассимиляции*, которое заключается в том, что столкнувшиеся в порядке войны или колонизации группы людей начинают перенимать друг у друга навыки и традиции. При этом, острые различия между ними постепенно стираются и они сливаются в одно целое.

Но ассимиляция никогда не бывает полной. Человеческое общество рождено из физических и психических столкновений отдельных лиц и групп, постоянно снова сталкивающихся друг с другом и с силами природы. Это приводит к тому, что отдельные группы и лица имеют разную жизненность, способность, характер, социальную природу. Эти вторичные „столкновения“ обыденной жизни кладут начало процесса *дифференциации* (разделения).

Дифференциация представляет собою внутреннее расчленение агрегата, — образование в нем все большего количества различающихся между собою групп и отслоений, уже не в силу кровных особенностей, как у первичных родов и племен, а в силу все более сложной и разнообразной деятельности (активности) общества, вызывающей, например, все более разграненное разделение труда (сословия, профессии), неодинаковость интеллектуального развития и т. д.

Оба эти явления вполне естественны и в значительной мере, необходимы: стремление социальных объединений к расширению дает большие возможности развития, а специализация позволяет совершенствование отдельных граней развития. Однако, и то и другое имеет свои пределы полезности: поглощение нацией (ассимиляция) элементов слишком разнородных и культурно-духовно устойчивых, и неспособных к тесному духовному объединению с основным ядром, — грозит распадением целому. Дифференциация разрывающая необходимую связь отдельных частей-слоев населения, убивающая сознание принадлежности к общему целому, — чревата теми же последствиями.

Обыкновенно процессы ассимиляции и дифференциации действуют одновременно и в своей совокупности не представляют опасности для жизни общества. Только, когда „здоровье“ общественного организма чем либо нарушено, дифференциация может повести к крупным столкновениям, (революция, бунты) и та или иная группа общества может и вовсе распасться и перестать существовать. Так, например, распалась Римская Империя. То же может случиться и с нашей Родиной, если *сознание* нашего поколения не будет на достаточной высоте, чтобы самоотверженно и творчески реагировать на факты сегодняшнего печального бытия нашей Родины.

В процессе общественного развития появляются общественные группы (образования) разных рангов, входящие одни в другие. Между ними следует различать:

1. Группы, которые в отдельности настолько совершенны, что могут в течение некоторого времени вести и независимую жизнь — как, например, семья, племя, народ. Ими определяется *общественный состав*.

2. Группы, возникшие, „преднамеренно“, главным образом, в порядке разделения труда и зависящие друг от друга. Это группы *общественного устройства*. Таковы кооперативы, общины, земства и т. д.,

Высшей и объединяющей формой общественного состава является нация, а общественного устройства — государство*).

Государство управляет общественным составом на определенной территории, сочетает (координирует) деятельность более мелких „преднамеренных“ ассоциаций (организации общественного устройства) и имеет поэтому, в известной мере, всеобъемлющий характер.

Частные преднамеренные общественные группы бывают четырех родов:

1. Политические организации. Они объединяют людей одинаковых политических взглядов, преследующих одни и те же политические цели.

2. Экономические организации. Паевые и акционерные общества, кооперации.

3. Профессиональные и отраслевые организации, имеющие своей целью защиту интересов членов своей профессиональной группы или отрасли. Таковы, например, рабочие синдикаты.

4. Культурные организации. Религиозные общества, научные и воспитательные организации, благотворительные общества, клубы.

Не редки и организации, соединяющие элементы указанных типов.

Эти организации (особенно политические и культурные, но иногда и профессиональные, и даже экономические) могут возникнуть на основе обще-признанных идей, но могут появиться и в процессе творческого оформления новой или воскресшей идеи. Тогда мы имеем дело с „движением“. Наш Союз является движением — политической организацией, оформляющей и проводящей в жизнь идею воскресающего Российского Национализма.

Следует обратить внимание и на то, что государство и частные общества дублируют функции друг друга (т. е. часто стремятся к одинаковым целям) и, в особых случаях, даже могут заменить друг друга, что часто спасает нацию от гибели. Так, например, Минин и Пожарский по своему

*) Это не надо понимать в том смысле, что государство является продуктом сознательного и преднамеренного творчества в значительно большей мере, чем племя или нация.

частному почину взяли на себя функции государства. Другой пример — добровольчество.

Если бы государство взяло на себя все общественные функции (*этатизм*), то оно превратилось бы в неповоротливую бюрократическую машину. С другой стороны, частные организации не могут заменить государство, т. к. они стали бы мешать друг другу и наступила бы анархия. *Искусство управления государством состоит поэтому в значительной мере в умении поддерживать равновесие между государственной и частной общественной инициативой.*

Классы.

В процессе дифференциации и разделения труда, как уже было сказано выше, образуются разные группы общества. Поэтому можно по разному делить членов общества на классы. Например, если делить их по влиянию на жизнь общества, то мы получим классы политические (правители, выборщики, рабы и т. д.), если подходить с точки зрения социальной — социальные классы (класс социальный, несоциальный, антисоциальный), далее экономические классы — капиталисты, рабочие и т. д.

Все эти классификации одинаково не обнимают всех существенных особенностей отдельных групп и, в этом смысле, одинаково искусственны. Примером такой искусственной классификации является деление на классы Карла Маркса. По его мнению, в истории фигурируют четыре класса:

1. Феодалная аристократия (помещики);
2. Мелкая буржуазия (городские ремесленники и мелкие торговцы);
3. Крупная буржуазия (капиталисты);
4. Пролетариат.

Власть постепенно переходит, по мнению Маркса, от первого класса к последующим, пока, в конечном счете, не окажется у пролетариата, при этом все классы, кроме пролетариата, должны исчезнуть. В этой схеме нет места ни для крестьянства, которое марксисты беспомощно стараются причислить к городской мелкой буржуазии, ни для свободных профессий и трудовой интеллигенции. Эти последние две группы они относят к „непроизводительным профессиям“, считая их как бы ненужными для общества. Ясна партийная недобросовестность такого деления людей.

Сословия.

Это слово в русском языке употребляется в двояком смысле:

1. Группа, наследственно передающая свои права и обязанности по отношению к государству (например, бывшее дворянство).

2. Группа, исполняющая особые функции в обществе (например, адвокатское сословие, духовное сословие и т. д.).

Трудовые группы.

Этот термин введен НТСНП. Мы не делим труд на производительный и непроизводительный. Ночной сторож на фабрике не менее нужен, чем рабочий, толкающий вагонетки. Доктор, преподаватель, инженер, хотя не производят хозяйственных благ непосредственно, но косвенно они тоже участвуют в производстве. Без их труда стал бы непроизводительным труд чернорабочего. Достаточно указать на то, что только в результате деятельности кабинетных ученых физиков и химиков, открывающих новые законы этих наук, стал возможен технический процесс и невиданное доселе увеличение производительности труда в сотни и тысячи раз.

Для нас всякая группа лиц, имеющая особые функции в современной общественной жизни и принимающая активное участие в развитии экономики или культуры страны, — есть трудовая группа.

Общественный отбор.

Группы населения, играющие главную роль в управлении общественных и государственных организаций, называются „общественными отбором“.

В период истории, когда просвещение стояло очень низко, а государство делилось на почти самостоятельные княжества, такой отбор имел форму феодальной наследственной аристократии и духовенства имевших сословные привилегии. Проникнутые чувством долга и религиозными идеями, они пронесли через тьму средних веков культурные ценности христианства. Но, постепенно, как и всякое замкнутое общество, эта среда выродилась и круг культурного отбора стал пополняться свежим притоком новых сил. В России боярство пополнилось вначале старым дворянством (XV—XVI в.), затем новым петровским дворянством и, наконец, „разночинцами“ (XIX—XX в.).

Свежий приток сил в правящий слой общества — залог и культурного и экономического развития. Когда население перестает быть способным пополнить правящий слой новыми силами, возникает опасность вырождения общества. Искусственные препятствия для пополнения правящего отбора — величайшее преступление по отношению к своему народу. Вот почему в современных государствах установлено:

1. Отрицание сословных привилегий;
2. Отрицание сословий, как наследственных каст;
3. Равенство возможностей для всех граждан.

Единственное исключение делается иногда (Германия) для крестьянства в смысле его преимуществ на владение землей, дабы избежать его пролетаризации.

Власть.

Ни группы общественного состава, ни тем более общественного устройства, не могут существовать на началах анархии, т. е. безвластия. Для того, чтобы достичь своих целей ими выдвигаются (сознательно или нет — это другой вопрос) отдельные лица, повелевающие остальными или, как говорится, осуществляющие власть. Чрезвычайно важно отметить именно эту активную особенность власти: власть является таковой, только поскольку ее право приказывать может осуществляться и осуществляется.

Под властью понимается также самый аппарат ее, покоящийся на моральном авторитете и находящейся в его распоряжении физической силе, своей или чужой. Наиболее полна и всеобъемлюща власть государства. Соответственно потому и аппарат ее наиболее развит.

Олицетворяя государство как целое, государственная власть может вступать в разнообразные отношения с отдельными гражданами. Если государство участвует в этих отношениях как частное лицо, то эти отношения частно-правовые и подлежат регулированию правилами *частного права*. Если же отношения эти принимают характер публичной власти, то получают публично-правовой характер и определяются правилами *административного порядка*, которые имеют принудительный характер.

Вопрос устройства центральной и местной власти столь обширен и серьезен, что выделен в отдельный конспект (см. III часть курса). Здесь же мы остановим наше внимание лишь на формах правления и соотношения их с реальным внутренним содержанием государственного устройства.

Вопрос о классификации форм правления имеет свою историю.

Еще *Аристотель* различал:

а) *правильные* (положительные) и *неправильные* (отрицательные) *формы правления*, по различию цели руководящей деятельностью власти. Если правители, кто бы они не были, имеют в виду не свое частное, а общее благо — это правильная форма. Если, напротив, деятельностью правителей руководит стремление к своему личному благу, которому они подчиняют благо общее, то получается неправильная, искаженная форма правления.

б) на ряду с этим различием по цели, Аристотель различает формы правления по различию состава правительства, смотря по тому, — правит ли государством один, меньшинство или большинство.

Получается, таким образом, в сочетании этих двух принципов, шесть различных форм правления:

1. Если правит государством один и, при том, руководится требованиями общего блага — это будет *монархия*.
2. Если, напротив, единоличный правитель имеет в виду осуществление своего личного блага — *тирания*.
3. Правление меньшинства в интересах общего блага образует *аристократию*.
4. Правление меньшинства в интересах его частного блага — *олигархию*.
5. Правильная форма господства большинства — *полиция*.
6. Неправильная, когда большинство стремится к своим жорыстным целям — *демократия*.

С появлением либеральных идей различные формы правления ставятся в зависимость от различия способов осуществления власти.

Кант, с этой точки зрения, делит все государства на *республики* и *монархии*. По Канту, республика вовсе не то же, что демократия. Республиканизм заключается лишь в отделении исполнительной власти от законодательной. Республиканское устройство предполагает свободу всех граждан, подчинение их всех общему законодательству и равенство. Деспотия (монархия), напротив, предполагает соединение исполнительной власти с законодательной, приводящее к несвободе граждан. По учению Канта, и монархия может быть республикой, если законодательная власть будет в ней отделена от исполнительной и тем обеспечена свобода граждан.

Лоренц Штейн видит различие форм правления в противоположении государства и общества. Идея монархии для него не в том, чтобы правил один, а в том, чтобы власть была независима от общества. Государство и общество — две существенно различные формы человеческого общения. В основании общества лежит человеческое неравенство, зависимость неимущих от имущих, следовательно, начало несвободы. В основе государства, наоборот, нравственное начало свободы.

Между государством и обществом, поэтому, существует неизбежный антагонизм. Государство, стремясь к осуществлению свободы, естественно охраняет слабого: общество стремится его подчинить владеющему. Осуществить свое признание государство может, если в нем имеется наследственная, независимая, то есть самостоятельная власть. Такое государство — *монархия*. Если же государственная власть несамостоятельна, а подчинена господствующему общественному классу, — это *республика*.

Итак, классификации форм правления представляются весьма разнообразными в самых своих основаниях. Одни кла-

дут в основу различия в организации правительства, другие — отношение государственной власти к отдельным личностям, третьи — отношение государства к обществу.

Но в чем коренится основа этого различия?

— В числе правящих лиц? — Нетрудно показать несостоятельность такого основания. В Спарте имелось два царя. Наша история знает пример совместного правления Петра и Иоанна, однако, Россия не сделалась на это время республикой, а осталась, как и была, монархией.

— В наследственности власти? — Но в древнем Риме царь (rex) выбирался пожизненно; со смертью его назначались новые выборы.

По выдвинутому Штейном различию государств по их отношению к обществу, можно только основывать группировку последовательно меняющихся исторических типов государственного быта, могущих принимать формы и монархии и республики.

При всей спорности теоретического обоснования различия монархии и республики, практически различие их не вызывает сомнений. Монархия немыслима без монарха. Поэтому, относительно любого из существующих государств можно с полной уверенностью сказать монархия это или республика.

Монархии разделяются на *абсолютные* и *конституционные*.

Если монарх сосредотачивает в своих руках всю полноту, все функции государственной власти, получается монархия неограниченная или абсолютная. Власть монарха не ограничивается тут никакою другою властью. Все функции государственной власти осуществляются или самим монархом, или по его полномочию.

Монархии абсолютной противопоставляется *конституционная*, т. е. такая, где власть монарха ограничивается другою, независимой от него властью, — властью, принадлежащей народу.

Республики делятся на *парламентарные* и *президентские*.

В *парламентарных республиках* (пример Франция) народ поручает осуществление верховной власти национальному собранию, состоящему из двух палат: сената и палаты депутатов (законодательная власть). Палата и сенат, по правилу, заседают и функционируют отдельно. Соединенные заседания образуются только для выбора президента и для обсуждения предполагаемых изменений конституционных законов. Правительство ответственно перед парламентом и, в случае высказанного недоверия большинством, подает в отставку.

В *президентских республиках* (пример, САСШ) народ поручает осуществление верховной власти президенту, который избирается всенародным голосованием.

Итак, мы можем сделать определенный вывод. Классификация форм правления на монархии и республики не связана с внутренним содержанием государственного устройства, а сводится, главным образом, к наличию коронованного монарха. Это особенно ясно обозначилось после великих потрясений, вызванных Мировой войной. Так, Гитлеровская Германия официально называется республикой, но все построение государства абсолютно не отвечает представлению об этой форме.

Расхождение формы со своим внутренним содержанием наблюдалось и раньше, только не так резко. Не даром Кант пришел в своей классификации к тому, что говорит о „республиканских монархиях“ и „деспотических демократиях“. Возьмем другой пример — Англию: „Король царствует, но не управляет“. По своему внутреннему содержанию Англия может скорее служить классическим образцом того, что принято называть республиканско-демократическим устройством государства.

Вот почему уже и раньше была тенденция квалифицировать государства согласно их внутреннему устройству, деля существующие тогда государства на два типа: 1) *правовое государство* и 2) *полицейское государство*.

Правовое государство.

Родоначальником теории *правового государства* является Монтескье. Он впервые в разделении властей усматривает необходимое условие — гарантию политической свободы.

Под политической свободой гражданина он понимает спокойствие его духа, проистекающее из уверенности в собственной безопасности, в неприкосновенности своих прав. С резкой категоричностью указывает Монтескье на опасность, грозящую политической свободе от соединения законодательной, исполнительной и судебной власти в одних и тех же руках.

Почему же разделение и взаимное сдерживание органов власти обеспечивает свободу? Потому, говорит Монтескье, что каждый имеющий власть склонен ею злоупотреблять. Для того же, чтобы нельзя было злоупотреблять властью, надо чтобы власть сдерживала власть.

Государства, в которых был проведен принцип разделение властей, с того времени стали именоваться „*правовыми государствами*“. Остальные, в которых этот принцип проведен не был, получили презрительное название „*полицейских государств*“.

В действительности нет государства, где бы законодательство, суд и исполнение были строго обособлены друг от друга. И в тех государствах, где конституции провозглашают безусловное разделение властей, на деле оно не смогло полностью осуществиться. Зато возведение права в „священное и неприкосновенное“, где возможно не только употребление, но и злоупотребление своим правом — было проведено в жизнь полностью.

Однако, постепенно стала нарастать реакция против одностороннего преклонения перед одними *правами* и полным пренебрежением *обязанностями* граждан. Кроме того, уже Молль указал, что раздробленный государственный организм превращает единство в раздробленность и практически ведет к анархии и разрушению.

Общественное развитие (социальная эволюция).

Жизнь общества проходит в постоянном накоплении и трате энергии. Количественно больше всего тратится энергии на самозащиту (войска), на поддержание жизни и на увеличение народонаселения. В результате увеличения количества членов общества происходит целый ряд других важных процессов, т. к., как отдельным людям, так и всему обществу, приходится приспосабливаться к новым условиям жизни. Одним из таких процессов является дифференциация по профессиям, о которой была речь выше.

Другими важными последствиями увеличения населения является колонизация и переселения. Группы разного происхождения сталкиваются между собой и образуют смешанные общества (путем слияния или завоевания). Настоящие общества возникли из соединения разнородных элементов (или из позднейших наслоений): так образовались все нации Европы.

Здоровая физически и духовно нация, в своем стремлении продолжить себя, имеет тенденцию к дальнейшему увеличению населения. Эту тенденцию некоторые социологи считают главным и единственным мотором прогресса и усовершенствования. В действительности же, двигателем к усовершенствованию нации и движению вперед по пути культуры и цивилизации является не нажим вновь рожденных членов нации, а ее здоровое стремление, как к физическому, так и к духовному укреплению и усовершенствованию. Увеличение населения есть только признак этого стремления. Цивилизация, облегчая физическую сторону жизни человека, увеличивает для него возможности этого физического и духовного совершенствования.

Всегда в жизни нации существуют две возможности: или население не способно усовершенствовать свою жизнь (тогда начинается застой и вырождение), или же население

способно творчески реагировать на новые условия (тогда оно способно и к дальнейшему физическому росту). Из истории мы знаем примеры, как одного, так и другого рода. Это относится и к отдельным личностям: бытие определяет сознание у слабых и безвольных, для сильных же и стойких применимо выражение Пушкина:

„Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат“.

Процесс социальной эволюции можно рассматривать не только исследуя зарождение, развитие и угасание отдельных общественных (государственных или национальных) объединений, но и пытаюсь уяснить себе эту эволюцию в ее общем смысле. — Не заключается ли в социальном развитии всего человечества некоторая непрерывность и преемственность?

Такой подход к вопросу представляет глубокий интерес потому, что он может дать указание на общий смысл человеческого существования на земле.

Следует ли рассматривать многовековое чередование поколений как улучшение, как самого человечества, так и условий его существования?

В этом отношении, в поле зрения социологии входит понятие *прогресса*, столько занимавшее человеческую мысль, давшую о нем несколько разноречивых теорий.

В античном мире, например, преобладала очень долго пессимистическая точка зрения относительно прогресса: смена веков, — золотого, серебряного, медного и т. д. низводит человечество на все низшие ступени благополучия. Однако, по мнению позднейших греческих философов, — мифологическая смена веков — вымысел, и золотого века никогда не было.

Начиная, главным образом, с Платона, стала утверждаться теория круговорота: нет ни общего улучшения, ни общего ухудшения, — есть лишь бесконечное чередование состояний, идущее то по восходящей, то по нисходящей линии. Позже, к подобной точке зрения приблизился Маккиавелли.

Настоящий оптимизм в отношении прогресса появился в XVIII веке (Кондорсэ), но в ином смысле. Весьма категорически утверждал наличие прогресса еще Бл. Августин, который учил, что мировая история состоит в постепенном и неуклонном осуществлении человечеством евангельских заповедей.

Не меньшим разнообразием отличаются и мнения о самом содержании прогресса. Прогресс может обозначать улучшение условий человеческого существования, как моральных, так и материальных. Под ним можно подразумевать также

совершенствование самого человека. Развитие техники тоже рассматривалось в свое время как осуществление прогресса, между тем как современная нео-романтика (Шпенглер) видит в нем как раз ярко выраженный регресс (движение назад) и упадочность.

Но во всех теориях прогресса неизбежно присутствует элемент *счастья*, которое должно осуществиться то нравственным совершенствованием самого человечества (Бл. Августин), то его умственным развитием и образованием (Кондорсэ, энциклопедисты), то представлением ему материальных благ, то облегчением его труда при помощи все более совершенных машин.

Однако, для социологии, как объективной науки, такой подход к вопросу не может быть предметом исследования, как вследствие чрезвычайной относительности понятия о счастье вообще, так и в силу того, что социология изучает явления социальные, а индивидуальное счастье далеко не всегда согласуется с благополучием общества. Поэтому, с точки зрения социологической, прогресс может быть определен лишь, как осуществление все большей гармонии взаимодействия общества и личностей, обеспечивающее обществу крепость и устойчивость, личностям — возможности, защиту и поддержку общества,

Не пытаясь здесь разбирать весьма спорный вопрос о фактическом существовании прогресса, мы можем все же утверждать настойчивое присутствие этого понятия в человеческой мысли и неугасимую надежду в его осуществление в жизни. В частности, чаяние *все более совершенной социальной правды* завоевывает себе первенствующее место в человеческом мировоззрении, совершенно независимо от результатов социологических исследований.

Как видно из предыдущего, социальная жизнь отличается необыкновенной сложностью. Для полезного служения обществу, а особенно на руководящих ролях, необходимо много знаний, нужна способность тонкого психологического наблюдения и, в особенности, рационально — неуловимое ощущение полной психической принадлежности к данному обществу, неразрывное духовное родство со своим народом.

Обилие иностранцев, главным образом, немцев, на российской государственной и общественной службе в XVIII и XIX-м веке принесло значительную техническую пользу, благодаря их большой культурности. Но это было так же одной из причин и значительного социального разлада, т. к. иностранцы никогда не понимали России и не могли учитывать особенностей российской психологии, а вместе с тем,

не могли и переделать Россию на свой лад, ибо в нашей нации заложено слишком крепкое и устойчивое духовное своеобразие.

Наши утверждения.

Значение духовного начала.

Положив в основании нашей идеологии принцип *примата духа* над материей, мы во всех направлениях нашей активности сообразуем наши действия с этой верой в духовную силу человека. Во всех областях изучаемой нами жизни мы стремимся, прежде всего, найти этой вере оправдание, — и находим его.

Общество (нация), если оно не хочет умереть, должно быть духовно крепким, и высота его „духовного идеала“ должна соответствовать ступени духовного прогресса современного ему человечества.

Между тем, уровень духовного развития общества, как и человека, пропорционально зависит от степени возвышения его духа над материальной стороной жизни.

Принцип примата духа над материей, с точки зрения социологической, приобретает новую силу и убедительность. Он уже не только удовлетворяет тяготения наших душ, — он является *самым мощным фактором и необходимым условием для создания, сохранения или возрождения национального величия.*

Социальная идея.

Разумный человек не может действовать, не имея представления о смысле и цели своих действий. Во всех своих предпринятых начинаниях он, прежде всего, создает себе, более или менее точное и полное, представление о вещах, с которыми ему придется иметь дело, а также и о характере самых действий, и имеет в виду определенную конечную цель.

В деятельности более широкой и, тем более, не ограничивающейся его личной целью и не вмещающейся в рамки его краткой жизни, человеку необходима общая, оправдывающая усилия и жертвы, — *идея.*

В стремлениях и деятельности общества необходимость идеи еще ощутительнее, ибо каждый член общества работает здесь не только для себя (иногда для себя меньше всего) и, часто, даже не только для общества в его настоящем составе, но и для будущих поколений данной общественной организации. В такой деятельности идея должна быть прежде всего *общей* не только для участвующих, но и для всего общества, включая сюда и его будущий состав,

каким он в данный момент может предполагаться. Если — же данная деятельность имеет специальной целью осуществление более совершенного внутреннего устройства общества, то идея, вдохновляющая такую деятельность, будет *социальной* (в широком смысле слова).

Взаимодействие личности и общества.

В непосредственной связи с верою в духовную силу человека находится и вера в свободу личной воли, без которой всякое устремление, а, тем более, всякая деятельность, теряет свой смысл.

Но личность духовно (идейно) изолированная, несмотря ни на какие способности и силу воли заложенные в ней, принуждена пребывать в бездействии, будучи лишенной источника, из которого могла бы черпать *жизненные* идеи, вызывающие ее на действия, а также и возможности приложения своей воли и способностей для идейного воздействия на общество. Иными словами, — идейно изолированная личность лишена как возбудителя, так и реальной силы для своего действия.

Таким образом, огромное значение личности в процессе социального действия не только не являются противоречием *реальности общества*, а, наоборот, делает это значение еще более очевидным и неоспоримым. Это же и устраняет ложную несовместимость коллективизма и индивидуализма, наглядно представляя сосуществование личности и общества, их взаимодействие и их неразделимость.

Личность, изолированная от общества себе подобных, утратила бы поле действия для стольких своих способностей и стремлений, что ее по справедливости можно было бы назвать „обрубком“ человека. Коллектив, удушающий индивидуальное развитие своих членов, лишает себя живых источников своего собственного существования и развития; умертвив их, он умер бы и сам.

Как и всякое свойство человека, социальное сознание в нем способно временами терять свою ясность. Влияние увлекательных идей бывает особенно ощутимо в этом отношении. Ведущие слои западно-европейских государств в прошлом веке, под влиянием либерало-индивидуализма, выбросили из своего обихода понятие о социальной жизни. *Но отрицанием данного элемента (социального) мы не уничтожаем его*, а лишь выпускаем из своих рук. Пока г. г. Тьер и Гизо строили свои политические планы на индивидах и их „искусственном“ объединении — государстве, — заброшенный ими социальный элемент был подхвачен сначала фантазерами, вроде Леру или Фурье, а затем и великим фальсификатором мысли — Марксом. Пораженные либералы очутились перед мощным и разрушительным искажением

того, что могло бы быть стимулом творческого развития, если бы ему своевременно было отведено надлежащее внимание и место в политическом строительстве.

Заботой всякого правительства должно являться поддержание социального чувства в народе. Долг всякого гражданина — не угадать в себе социального сознания, ибо отказ от участия в социальной работе граничит с *бесчестностью*; это *нейлайтеж* должного обществу, от которого мы всегда получаем полагающееся нам.

Осуществимость социальных целей.

Общая закономерность общественного развития еще и до сих пор служит предметом бесконечных споров. Признание того или другого социологического закона за основание практической деятельности, по крайней мере, — преждевременно. Мы не верим в существование таких законов, которые осуждали бы данное общество на то или иное *неошвратимое* состояние.

Единственным неоспоримым законом социального развития мы считаем *закон причинности*, действительный для всякого развития вообще. Причины же, однако, создаются в значительной степени людьми, ими же могут и устраняться. Всецело отрицая всякое предопределение, как в историческом, так и в социальном развитии, мы глубоко убеждены, что судьбы общества, в значительной мере, находятся в его собственных руках.

В людях, несомненно, заложены известные способности и свойства. До известной степени определены для них и границы возможного. Но и над способностями и свойствами человека — возвышается его свободная воля для выбора направления и способностей и свойств своих. А для конкретно взятого отдельного общества нет предопределенной границы развития и осуществления социальных задач. Это развитие может остановиться и дальше, и ближе к предельной границе, которая к тому же никому точно неизвестна.

Случайности могут прерывать сознательную деятельность общества. Постороннее вмешательство может ее задерживать. Но угаснуть она может лишь по вине самого общества.

Возможно, что (как утверждает Лебон) есть народы, неспособные к развитию дальше известного очень низкого уровня. Но для нас это утверждение не имеет практического значения: достаточно восстановить в памяти ряд славных российских имен, чтобы убедиться, что нет нации, которая бы могла утверждать свое превосходство над нами, в смысле талантливости и способности к развитию и богатству духовных сил.

Мы твердо верим в осуществимость социальных целей, во всяком случае, для Российской Нации.

Нация — как высшее реальное социальное объединение.

Принимая реальность социальной психологии за основание общественных образований, мы считаем эту психологию вполне жизненной, определенно выраженной и действенной, не только в отношении внутри-общественного развития, но и в отношении обще исторических процессов.

Мы отрицаем полноту марксистской классовой психологии, не только потому, что классов в марксистском понимании не существует, но и потому, что существующие „классы“ (по нашему: „слои“) не имеют строго разграниченных психологий. В них перекрещиваются психологические черты общие какому-то высшему объединению, в котором осуществляется всевозможная полнота общественной психологии.

Найвысшее реальное общественное объединение есть — нация.

Это она объединяет в себе все стороны человеческой деятельности, все общественные состояния и всю эволюцию общества, как по широте и полноте, (схватывая психологические черты всех групп и слоев населения), так и по глубине ее (накопляя в себе результаты стремлений и деяний многих поколений).

Классовая марксистская психология столкнулась в жизни с национальным фактором такой силы, что от прямой борьбы с ним пришлось отказаться и обратиться к бесплодным, в конечном результате, обходным, точнее обманным — действиям.

Роль государства.

В порядке внешнего определения, государство состоит из власти, населения и территории. Принимая нацию, как объединение людей, можно было бы, на первый взгляд, отнести ее лишь к одному элементу государственности, именно к населению. (См. конспект „Национализм“).

— Что же такое нация для государства, и что такое государство для нации?

Принципиально, нация является самой высшей и самой желательной формой одного из элементов государства — населения. Население, сплоченное в нацию, представляет собой самый устойчивый надежный оплот государства, — однако, при условии солидарности между населением и властью. Если же власть чужда населению — нации и держится главным образом силой (организацией государствен-

ного принудительного аппарата), тогда ей выгодней иметь расчлененное население, — неспособное оказывать единое сопротивление.

С другой стороны, государство (власть) может быть и врагом для нации, препятствием для ее свободного и нормального развития, душителем национального духа и творчества, если силой исторических событий, государственная власть не национальна. Зато государство национальное, власть национальная, не только по имени, но и по всей внутренней сущности, глубоко чувствующая *свою* нацию, — есть насущная потребность для нации, обеспечение и защита ее развития, необходимый организационный аппарат для солидного проведения в жизнь национальных стремлений и творчества.

Точное определение взаимоотношения нации и государства можно дать так: *нация есть высшее социальное объединение, национальное государство — необходимая организация для осуществления нормальной полной и творческой жизни нации.*

Понятно, что данное определение достаточно лишь в рамках освещения вопроса с точки зрения *социологической*. В нее далеко не вмещается вся полнота понятия о нации и национальном государстве. (См. конспект „Национализм“).

Заключение.

Подводя итоги всему сказанному здесь о социальной жизни и характере ее элементов, выразим кратко те положения, которые мы принимаем как истинные и руководящие в нашей деятельности.

1. Присутствие элемента общественного сознания („общественности“) в человеке и невозможность личного развития вне и без помощи общества.

2. Вполне реальное существование общественной психологии — „сознание“, или „разума“, определенного и действительного двигателя социальной жизни.

3. Неразрывное сосуществование и взаимодействие общества и личности, которые могут быть моментами противопоставлены, но не по природе своей, а в силу неудачной организации их взаимоотношений, неправильно понятых взаимных прав и обязанностей или под влиянием ложной, соблазнительной для одной из стороны идеи.

4. Необходимость равновесия между обществом и личностью, обеспечивающее и той другой стороне максимум возможностей развития.

5. Достижимость социальной гармонии силой и творчеством самого общества в целом и всех членов его, каждого в отдельности.

6. Духовно-этический принцип взаимоотношений личности и общества, как основной и единственно — действительный для осуществления крепкого объединения и гармоничного взаимодействия.

7. Нация, как высшее и самое полное реальное общественное объединение, и национальное государство, обеспечивающее нации максимум возможностей самовыражения и развития.

В. Национализм.

1. Чем победим.

(Значение национализма в настоящее время).

20-ый век, — без сомнения, век торжества национализма. Если прежде играли первенствующую роль религиозные союзы, группы народов объединенные династиями, территориальные союзы, племена и пр., то теперь главнейшей основной государственных образований являются нации. И если интернационалистический социализм и пытается выдвинуть на первый план классовые группы (главным образом по социально-экономической признаку), — то это ему не удастся.

В периоды глубоких национальных потрясений и великих опасностей, грозящих их существованию, во многих народах пробуждается острое ощущение всей ценности и значения своего национальной самобытности.

За весь период нашей истории теперешнее страдание нашего народа, его страшное национальное унижение и позор являются одними из самых значительных, если не самыми значительными. Могучий организм тяжело переживает опасную болезнь.

Мы часто любим говорить о величии России, о величии русского народа. Но когда задумываешься над этими двумя десятками лет унижительной, жалкой и какой то беспросветной жизни нашей страны, нашего народа, то начинаешь сомневаться: — да неужели великий народ может допустить такой страшный позор, уж не выдумка ли простая — предсловное „величие русского народа“?

Жили в душе нашего народа вечные ценности, не умерли в нем они как будто и сейчас. Жило всегда в русской „душе“ стремление к правде, к справедливости; сколько проявлял он самопожертвования; сколько большого мужества и верности долгу являл он! Мы ощущаем и всю ценность русской культуры. Создали русские и великое государство на $\frac{1}{6}$ части суши. Знаем мы, что много ценных вкладов сделано Россией в сокровищницу мировой культуры...

И как то трудно нам сейчас совместить это великое и высокое прошлое с позорным и низким настоящим. Можно порой, ощутив весь ужас совершающегося на Родине, пасть духом и потерять веру в Россию, в народ, посчитать положение безвыходным. Мы знаем, ведь, из истории, что погибали великие нации, сходили на нет или исчезали с лица земли (Вавилон, Египет, Китай, Греция).

Россия в большой ойасности. Над нами нависла угроза потери духовного, культурного, государственного и политического единства. Мы это знаем и сознаем. И все же верим в Россию, но не в какую-то отвлеченную, абстрактную, чужую, постороннюю нам Россию, а в Россию *закрывающуюся в нас*. Мы верим в Россию потому, *что носим в себе йойребносшь и волю к „русской“ жизни*. Верим потому, что страстно хотим *„осущесъивить Россию“*.

Все, что заставляет снимать ответственность с себя и перекладывать на кого-то другого, противно нашему национальному самосознанию. Хорошо отмечает В. Синеоков, в своем труде „О любви к отечеству, и народной гордости“, вредное психологическое значение „варяжской теории“...“ проповедывать ее теперь, говорит он, когда надо внушить русскому человеку веру в *его силы* и способность (иначе, дать испытать... Илье Муромцу чашу в полтора ведра), — это значит в зародыше убивать всякое поползновение освободить родину от третьего Интернационала. Ибо она, — *эта теория*, как кислота, разлагает всякую силу, всякую веру в самих себя, всякое поползновение к самосознанию и себяуважению, т. е. к любви к отечеству и народной гордости...“.

Несмотря на все падение и унижение России, мы чувствуем, что ценности России побеждают в нас ничтожное, жалкое и позорное. Мы, сыны России, это сознаем, чувствуем, мы имеем волю к жизни, к жизни России, — а это значит, что будет Россия. Не может не быть, покамест мы осуществляем Ее сознание, Ее бытие.

II. Учение о нации.

1. Нация.

Слово „нация“ в настоящее время понимается несколько иначе, чем напр. в XIX веке. Но и теперь в обыденной речи оно употребляется в самых различных значениях. Так, часто употребляется, как равнозначущие понятия: нация, народ, национальность, народность, раса, племя, государство. Нужно постараться, как можно яснее представить себе содержание этих понятий и их разницу между собой, для того, чтобы

избежать неточностей в терминологии, рождающих путаницу и недоразумения в толковании.

Народ. Это слово употребляется в нескольких смыслах:

1. *Народ по отношению этнографическое* — совокупность людей, объединенных обычаями, языком, общим „народным“ характером, а зачастую и кровным сродством.

2. *Народ по отношению политическое*, т. е. население страны, государства — т. н. политический народ (тут кровное сродство и обычаи не принимаются во внимание).

3. *Народ по отношению социальное* — низшие слои населения, противопоставленные правящим и ведущим слоям; в наше время уже почти что никогда неупотребляемое.

Национальность и народность — почти однозначные понятия и означают то же, что и народ в первом смысле. Понятие народности употребляется также часто и при желании показать, что данная группа людей является самобытной частью народа (или нации), но не превратилась в отдельный народ или слишком малочисленна. Например: русский народ — белорусская народность.

Раса (употребляемая в двух смыслах).

1. Группа людей, имеющая общие анатомические, физиологические (и связанные с ними психические) свойства. Физический тип — определяемый по крови, росту, форме и величине черепа, цвету глаз, волос, кожи и т. д. — *по отношению антропологическое*.

В Европе, по мнению некоторых ученых, существуют три расы: 1) южная раса — „средиземноморская“, 2) северная — скандинавская — (культ германцев), 3) средняя — алпийская.

Расы можно делить на первичные и вторичные (более позднего образования). Разделение это вносит некоторую путаницу при пользовании словом раса.

2. В другом смысле понятие раса употребляется, как историческая и культурная группа человечества, связанная общими основаниями языка и культуры (*по отношению лингвистическое*). Общность языков еще не доказывает общность происхождения (напр. арийская языковая группа).

Племя — также употребляется в двух смыслах:

1. Соединение родов. Оно, как и род, основывается на общности происхождения.

2. Группа близких, родственных в кровном и языковом отношении друг другу народов: славяне, германцы, романцы (понятие близкое к расе).

Государство, — есть соединение людей данной властью на данной территории. Государство может строиться на чисто религиозной основе, династической и национальной. Эти основы могут быть и смешаны.

Государство может быть рассматриваемо, как высшее проявление социально-общественного творчества нации. Государство есть оформленная нация. Без своего государства нация не может жить достаточно полной жизнью.

Н а ц и я.

Нации обыкновенно приписываются следующие признаки (элементы): 1) Общность языка, 2) быта, внешнего уклада жизни, 3) общность происхождения, 4) религии, 5) территории, 6) подданства, 7) общий сознательный руководящий слой, 8) общность духовных идеалов и культуры (литература, искусство, философия), и, наконец, 9) общность национальных убеждений, т. е. национального самосознания.

1. *Язык.* В целом ряде случаев, внутри самой нации наблюдаются, по крайней мере, столь же большие языковые различия, как между языком данной и другой нации. Например, простолюдин из Нормандии и житель Прованса принадлежат оба, и совершенно бесспорно, к французской нации, но не могут объясняться друг с другом, если не прибегнут к французскому литературному языку, который ни для того, ни для другого не является ни родным, ни разговорным. Подобные же языковые отношения мы наблюдаем между сицилианцем и венецианцем, жителем южной Баварии и Гамбурга, и еще во многих других случаях.

Поэтому, значение языкового фактора для нации может заключаться только в общности языка руководящего слоя (в большинстве случаев интеллигенции). Но и это не всегда имеет место (Швейцария). Наконец, совершенно не нужно, чтобы каждая новая нация имела свой национальный язык. Американцы, Англичане, Австралийцы и Либерийские негры говорят на том же английском языке, но все же бесспорно представляют собою четыре различные народа.

2. *Внешний уклад жизни.* Также не может быть решающим признаком для определения нации внешний уклад жизни, хотя бы потому, что на территории одной и той же крупной нации можно наблюдать большие различия в укладе жизни, не только в разных слоях населения, но и в том же слое в разных местностях. Различие во внешнем укладе жизни немецких крестьян в прусских землях на востоке от Эльбы, чешских крестьян, польских крестьян в Познани, вендских крестьян, т. е. между представителями четырех разных национальностей гораздо незначительнее, чем разница в укладе жизни тех же немецких крестьян в местностях восточнее Эльбы и крестьян — виноградарей южного Бадена; при всем том обе эти группы принадлежат к той же немецкой нации.

3. *Происхождение,* — точно также не может быть признано решающим для определения нации. Наука о расах, т. н.

расоведение, учит, что большинство не только наций, но и народов, в особенности крупные, является конгломератом самых различных рас. К таким смешанным национальностям относятся и русский народ, а тем более российская нация.

4. *Религия*. Вероисповедание иногда играет роль отличительного признака некоторых наций, но как раз наиболее крупные из наций, например немцы, англичане, китайцы, исповедуют целый ряд самых разнообразных религий, причем, ни одна из них не может считаться преобладающей. Вследствии этого, нельзя вводить вероисповедание как признак для определения нации.

5. *Территория*. Общность территории, конечно, не может являться признаком нации, ибо на одной и той же территории, находящейся в ведении одной власти, может вмещаться несколько наций.

6. *Подданство*. Введение подданства, т. е. государственной принадлежности, в определение нации еще не везде изжито. Это может быть объяснено, главным образом, империалистическими стремлениями отдельных наций, принудительно старающихся включить в себя другие нации, и народы. В действительности, подданство является лишь формальной (паспортной) принадлежностью к определенному государству и, как признак, ничего общего с нацией не имеет. Доказательством этому служит хотя бы факт существования национальных меньшинств в пределах государства с иной господствующей нацией, которые остро ощущают чуждость того государства, к которому они принадлежат, и стремятся более или менее откровенно к собственной государственности.

7. *Общий сознательный руководящий слой* есть, несомненно, одно из самых важных условий существования наций, как таковой. Части нации, порой принудительно разъединенные, могут иметь каждая свой сознательный руководящий слой, в котором, однако, живет национальное сознание и стремление к общности.

8. *Общность духовных идеалов и культуры* составляют „душу“ нации, ее „социальную память“ и традиции. Эти духовные идеалы не одинаково сознаются всеми членами нации, так же как и культурное развитие его членов весьма различно. Тем не менее, эти духовные идеалы и культурные ценности вполне реально живут в нации, особенно в среде сознательного руководящего слоя.

9. *„Национальные убеждения“*. Сущность национальных убеждений сводится к более или менее ясному сознанию, что люди, принадлежащие к той же нации, представляют собою в своей совокупности некое единое целое. В менее сознательных людях, принадлежащих к данной нации, эти *национальные убеждения* очень слабы и иногда совершенно отсутствуют. В более сознательных, наоборот, достигают

полной ясности и сильной яркости и выливаются в стремление к собственной национальной государственности. Это автономное стремление сознательного руководящего слоя является самым ярким выражением национальных убеждений и самым характерным признаком в определении понятия „нации“.

Таким образом, мы видим, что одного какого либо признака в отдельности еще недостаточно для определения понятия нации, что таковое определяется совокупностью признаков; притом есть признаки первостепенные и второстепенные. То или другое сочетание признаков необходимо, что бы была на лицо нация.

Что же именно при этом необходимо? Каждый признак — язык, территория, религия и т. д. необходим тогда и постольку, когда он становится *средством общения между людьми или результатом их длительного взаимодействия*. Понятие „взаимодействие“ есть основное психологическое понятие, лежащее в основе социологии. Отсюда наш ближайший вывод: *нация есть явление социально психологическое*. Будучи продуктом живого общения и совместной деятельности данной группы людей, она существует *лишь пока продолжается или ощущается общение*. Она выявляется, когда общение достигает известной длительности и напряженности. Нация, следовательно, существует только в динамическом процессе. Она постоянно изменяется: развивается, развертывается, может и разложиться.

Образование нации. Нации *создается* в порядке длительного эволюционного процесса и *осознается* в результате процесса самоопределения (автономизма).

Эволюционный процесс создания нации складывается, как взаимодействие факторов механических (биологических — кровное родство, геополитических, а также и экономических) и психологических. Последние (т. е. факторы психологические) играют преимущественную роль в образовании известных *национальных отличий* и являются продуктом общения людей, их взаимодействий и подражания (традиции, воспитание).

„Общество или нация“, говорит по этому поводу Ж. Тард, „*могут быть определены, как собрание существ, в среде которых происходит процесс взаимного подражания*“. Тард отметил также параллель между подражанием и наследственностью: „*Всякое социальное сходство происходит от подражания, как всякое, или почти всякое, жизненное сходство имеет своей причиной наследственность*“. Насколько общение людей важнее кровного родства в деле создания нации, мы видим на примере той же Швейцарии, которая создала свою нацию из трех разноплеменных элементов.

Осознание нации происходит также в порядке длительного процесса. Корни его можно видеть в сознании своего несходства с другими, с чужими. Но это еще не есть национальное самосознание. О зарождении национального самосознания можно говорить лишь тогда, когда появляется, национальная *память* (сравни: „социальная память“ в главе „Элементы общественной жизни“), в виде традиций, преданий, народного эпоса — былины и баллады о национальных героях и т. д.

Сущность понятия Нации.

Разобрав ряд понятий, часто употребляемых в смысле понятия — „нация“, элементы их составляющие и, наконец, создание, развитие и осознание нации, дадим ее определение

Нация есть объединение людей в неразрывное целое в силу общности духовных и культурных ценностей, государственных и экономических интересов, исторического прошлого и единства усстремления в будущее.

Итак, в современном понимании, нация есть духовное объединение, фактор социально-психологический. Чем больше людей, объединенных в нации, сознательно воспринимая эту союз, тем нация крепче.

Нация есть понятие социальное (и автономистическое). Люди являются в полном смысле членами нации тогда, когда они равноправны, и сознают и ценят свою принадлежность к нации. Современная нация — союз равноправных, равных перед законом — хозяев и служащих в одно и то же время. Когда только часть союза — нации сознательна и находится в привилегированном положении, а другие в положении париев, — нации в полном и современном смысле слова еще нет. Есть нации — но не подлинные — не полноценные. При крепостном праве нации в России, в подлинном смысле, еще не могло быть. Современное понятие нации требует еще большего; это должен быть союз *личностей*, по своему сознанию принадлежащих к данной нации.

Нация есть понятие динамическое. Нация не есть что-то стоячее; нация — жизнь, нация — творческое развитие традиции. Она есть прошлое, настоящее и будущее, но ни в коем случае только прошлое. Нация живет, видоизменяется, развивается.

Нация стремится оформить себя в государственный союз. Достойное существование нации предполагает наличие творимой ею национальной государственности. Национальная же государственность тесно связана с суверенной никому другому не подвластной территорией.

Нация — есть коллективный организм, больше того нация есть коллективная личность; именно личность, а не только безличный коллектив.

Выдвигая это положение, мы высказываем свое убеждение в том, что в объединении, каковым является нация, кроме органического есть еще элемент сверхорганический — стремление к духовному единству.

2. Историческое развитие национальной идеи.

XIX-ый век является эпохой выявления и оформления национальной идеи. Она выявляется после великой французской революции. Тогда впервые были осознаны и выдвинуты интересы нации в целом, в противовес интересам привилегированных сословий и династий, которые часто заставляли нацию служить своим сословным или династическим интересам.

До последнего времени национальная идея тесно была связана с идеей народного суверенитета (народовластия) и с политическим либерализмом. Во всех странах Европы, где французская революция пробудила национальную идею (Италия, Бельгия, Польша, Чехия, Венгрия и др.) вожди национального движения были в то же время апостолами идей французской революции.

До XIX-го века национальная идея, как сознание духовных связей людей, объединенных общностью веры, культуры, языка, общим прошлым и общими государственными и экономическими интересами, конечно, жила в сознании многих народов. Но она уступала место, по своему значению и влиянию, другим идеям, которые в то время находили большой отклик в сердцах людей, а именно идея религиозной солидарности и идея служения своим законным государям и князьям.

В эпоху предшествовавшую французской революции, каждый монарх исповедывал, в большей или меньшей степени убеждения, формулу Людовика XIV „L'état c'est moi“ — „Государство это я“. Это была пора, когда интересы государства обобщались с династическими интересами монархов. Это был пережиток феодальных воззрений, когда каждый владетельный князь, считал государством своим поместьем („вотчиной“) и стремился его расширить и укрепить, чтобы увеличить богатства и силу своего дома.

Эпоха просвещенного абсолютизма, сменившая феодальную эпоху и предшествовавшая XIX-му веку, постепенно изменила взгляд правителей на свои обязанности в отношении к государству и подданным. Наиболее яркие представители этой эпохи: Петр Великий, Фридрих Великий, Иосиф II считали себя *первыми служителями своего народа*. Могущество государства и благосостояние подданных в эту эпоху считалось самодавляющим благом, которому Государя

должны были отдать свои силы, тогда как в феодальную эпоху это было только средством для увеличения богатства и влияния Государя.

Но понятие Нации, как духовного целого с ее зарождением и развитием в историческом процессе, с ее традициями, языком и культурой, вне зависимости от случайных государственных границ, которыми многие нации были разделены между разными государствами, — хотя и должно было жить в сознании людей, но на ход событий не оказывала дальнейшего влияния.

Монархи эпохи просвещенного абсолютизма смотрели на себя, как на пастырей, призванных пасти народы, вверенные их попечению Высшим Промыслом, и совершенно не интересовались вопросом *об объединении Нации в одно целое*. Словом, национальные интересы, как таковые, ими не ощущались.

Интересную запись в своем дневнике сделал д'Аржансон 26-VI-1754 года „Национальные идеи получают преобладание и могут повести далеко. Можно отметить, что никогда так часто не повторялись имена „Нация“ и „Государство“, как теперь. При Людовике XIV эти два слова никогда не произносились, об них не имели никакого представления. Никогда мы не были так осведомлены как теперь, о *правах нации* и свободы. Я сам, постоянно думавший и собиравший материалы по этим вопросам имел совершенно иные убеждения, чем теперь“.

Но даже после французской революции, в начале XIX века правители Европы, воспитанные на идеях просвещенного абсолютизма, совершенно не считались с национальной идеей. Характерным примером этого может служить равнодушное отношение Императора Александра I на Венском Конгрессе к вопросу присоединения к России Галиции и Подкарпатской России. При настойчивом требовании России это было в тот исторический момент вполне осуществимо.

„Священный Союз“ Императоров, защищая суверенные права монархов от революционной крамолы, боролся в тоже время с идеей национального самоопределения народов, усматривая в ней посягательство на легитимные права государей. Вот почему, отчасти, национальная идея в первой половине XIX века шла рука об руку и была почти синонимом либеральной идеи, борьбы с абсолютизмом и реакцией.

На протяжении всего XIX века и начала XX века, вплоть до конца Великой войны, идея самоопределения наций пробивала себе дорогу и, наконец, окончательно восторжествовала на Версальском Конгрессе, который поставил этот принцип во главу угла нового порядка вещей. Правда, он далеко не вполне удачно справился со всей задачей.

В первой половине XIX века, как указано было выше, носителями национальной идеи были передовые революционные элементы.

Во второй же половине XIX века, с развитием либерального строя, с одной стороны, и с появлением на сцену марксизма, как его отрицания, с другой стороны, — роль национальной идеи в жизни европейских народов совершенно изменяется. Поборниками национальной идеи становятся консервативные элементы, а ее противниками делаются „передовые“ — революционные элементы — социалисты интернационалисты, отрицающие национальную идею, как вредный „биологический“ пережиток.

В этот период истории социализм и интернационализм сделали огромные успехи, не только в рядах фабричного пролетариата, но и в широких кругах интеллигенции и представителей свободных профессий. Только среди народов, находившихся еще под чужеземным игом (славянские народы Австрии, Польша, Финляндия и др.), национальная идея продолжала гореть ярким пламенем и объединять все слои населения.

В социалистически-интернационалистических кругах о „зоологическом национализме“ не принято было отзываться иначе, как с насмешкой и презрением, ибо он почитался симптомом отсталости и реакции. По марксистскому учению, национальная идея, подобно религиозным учениям, была только средством эксплуатирующих классов для удержания пролетариата в своей власти, дабы заставить его служить целям этих привилегированных классов.

Социальная идея в лице социализма столкнулась с национальной и, не желая совмещать социальность с национализмом, обрушилась на последний.

Подводя итоги вышесказанному, мы видим:

1. Национальная идея, как сознание духовного единства нации, впервые выявилась и оформилась в период французской революции.

2. В первой своей стадии она явилась одним из элементов новой формы либерального государства и служила революционным лозунгом в борьбе с абсолютизмом.

3. Во второй половине XIX-го века, с того момента, когда на историческую арену выступил марксизм, национальная идея получает характер консервативный. К концу XIX-го и началу нынешнего века, как общее правило, все защитники либерального демократического строя в своих официальных программах проповедывают национализм, а противники этого строя — социалисты являются интернационалистами. И только, в виде исключения, в либерально-демократических кругах России национализм не был в большом почете.

Послевоенный национализм. После Великой войны, в ряде государств Европы национализм возродился в новых формах, которые сильно изменили его сущность и значение. Национализм становится вновь передовым революционным движением.

Новый национализм *вмещает в себе и солидарность*. Таким образом, он примиряет и синтезирует два основных фактора современной общественной жизни: любовь к своей нации и стремление к социальной справедливости.

Новый национализм динамичен. Для него нация есть живой организм, развивающийся на основах прошлого, но *живущий* не прошлым, а настоящим и будущим. Нация, для него, не есть нечто созданное раз и навсегда и потому законченное. Она находится в непрерывном процессе творческого роста. В этот процесс творчества должен быть вовлечен весь народ со всеми своими силами.

Послевоенный национализм тоталитарен. Он входит во все области жизни, он требует от каждого всех сил. Он требует, чтобы каждый член нации весь отдался своей нации, а не частично, не „постольку поскольку“. Тут он зачастую претендует на полное подчинение себе даже личной жизни, т. е. доходит до полного этатизма.

Послевоенный национализм у многих наций, заходит настолько далеко, что почти что обожествляет нацию, делает из нации кумир.

Новый национализм *бескомпромисен к своим врагам*.

На основах этого нового национализма построены: Италия, Германия, Турция, Португалия, Испания, Греция, отчасти Польша. Но в той или иной мере, идеи нового социал-национализма влияют почти на все государства. У всех перечисленных государств есть общее в их национализме. Но наряду с этим общим, у каждого национализма есть свои особенности. И это совершенно естественно, ибо каждая нация индивидуальна.

Культура человечества в сильной степени зависит от двух факторов подражания и творчества. Человек подражает человеку, группа людей группе людей, народ народу. Подражанием и усваиванием уже созданного, готового, избегается затрата времени на создание уже однажды созданного. Кроме того, здесь учитывается и опыт.

Но также, как нельзя себе представить культуру без подражания и усвоения уже готового, также нельзя себе ее представить и без творчества. Да и подражание может быть полезно только в том случае, когда оно отвечает органиче-

ским потребностям. Но, несомненно, бесцельно и вредно просто слепое копирование на основании только того, что определенные вещи дают хорошие результаты в другой стране.

Итак, критерием подражания может быть лишь „собственная органическая потребность“. Рабиндранат Тагор в своей книге „Национализм“ говорит „...Нельзя жить подражанием, нельзя долго симулировать силу, *ибо простое подражание* губит даже силу, которая имеется на лицо. Оно как бы сковывает нашу истинную природу и повсюду стесняет нас. Мы словно натягиваем на наши кости кожу другого человека и, таким образом, вовлекаем их обоих в вечную борьбу между собой...“.

Мы здесь приведем два понимания национализма: фашистское и национал-социалистическое (которые указывают — насколько расходятся в своих предпосылках два, казалось бы столь близких, движения).

„...Народ не есть то, что рождает государство, напротив, *нацию создает государство*, которое дает народу, сознающему свое моральное единство, — одну волю, и поэтому одно реальное положение...“. „*Без государства нет Нации*...“ говорит Муссолини.

А вот, что говорит Хитлер: „...Государство есть базис, на котором должна стоять культура нации, а вовсе не источник культуры, как предполагается некоторыми...“.

„...В мире может быть сотни образцовых государств, но если заглохнет источник арийской культуры, то самые передовые нации падут вниз. Отсюда вывод — нужно заботиться не о благе государства, но о качестве расы“.

Один из идеологов национал-социализма, доктор Конти определяет нацию следующим образом:

„...Мы понимаем нацию, как объединение в одно целое людей родственных по расе, связанных общностью истории, культуры и общим языком и, кроме того, объединенных ясным сознанием принадлежности к одному основному расовому ядру...“.

Нужно здесь, однако, отметить, что и итальянский фашизм в последнее время воспринял расистскую теорию.

3. Космополитизм и Интернационализм.

Космополи́тизм. Космополитизм — гражданство всего мира. Один из русских революционеров Ткачев в своем журнале „Набат“ так объяснял сущность космополитизма:

„Между образованными людьми, между людьми психически развитыми, нет и не может быть ни „эллинов, ни иудеев“, — есть только люди... Интеллектуальный процесс стремится уничтожить... наци-

ональные особенности, которые именно и слагаются из бессознательных чувств, привычек, традиционных идей и унаследованных предрасположений... Государство, наука, торговля, промышленность, все они стремятся... смешать людей в одну общую и одноформенную массу, обще-человеческий тип... Социалист глубоко убежден, что с повсеместным торжеством принципов социальной революции... всякие племенные и национальные различия между людьми должны исчезнуть... Принцип национальности несовместим с принципом социальной революции, и он должен быть принесен в жертву последнему. Это одно из элементарных требований социальной программы, и им определяется отношение социалиста к существующим национальностям“.

Так думают космополиты... Но нет ни одного человека совершенно похожего на другого, нет шаблона человека. Нет безличного человека, есть люди с более или менее ярко выраженной личностью. Подобно отдельным людям — и группы людей, — являются как бы коллективными организациями, имеющими свои особенности, обусловленные наследственностью, общением, взаимодействием, влиянием природы и прочим. Национальность, народ, нация — не выдуманы, они реально существуют, они природны, иби созданы долгой исторической жизнью.

Космополитизм никогда не охватывал большого числа последователей. Более всего космополитизм был свойственен в свое время русским интеллигентам.

Интернационализм. Вот характерный для интернационалиста взгляд, высказанный социалистом-революционером Лавровым в XIX веке:

Различие национальностей никаких определенных обязанностей на социалиста не налагает...

Национальность — не враг социализма, как современное государство. Это не более, как случайное пособие или случайная помеха деятельности социализма. Национальная разделенность есть лишь внешняя особенность, играющая совершенно второстепенную роль в социалистической борьбе... Социальная революция настолько, повидимому, надвигается ближе и ближе, что образование новых политических целых (т. е. объединение новых национальностей) — вопрос, несомненно, важный в прошлом, — едва ли может сделаться столь же существенной предварительной задачей для социалиста, как вопрос об изменении политического и юридического строя нынешних государств“.

Интернационализм не отвергает национальных признаков, но стремится объединить народы во всемирную федерацию. Признавая национальность, интернационализм не усваивает, отвергает сущность нации — ее „душу“... И потому, не понимая сущности нации, он стремится „смазать“, стереть перегородки и, в конечном счете, превратить федерацию народов во всечеловеческое общество с общей культурой. Он не видит индивидуальных ценностей нации; для него национальная разделенность есть лишь *внешняя особенность*.

Всечеловечность. Не следует смешивать космополитизм с идеей всечеловечности. Космополитизм отрицает нацию, не видит ее. Всечеловечность ценит нацию, ценит как коллективную личность, создавшую всечеловеческие ценности, служащую всему человечеству. Всечеловечность, в противовес „эгоистическому национализму“, видит в национализме средство служить высшим идеалам, а не только самоцель. Такой взгляд на нацию можно назвать также „сверхнационализмом“.

Ксеномания — пристрастие ко всему иноземному. Ксеномания не отказывается от нации вообще, но недоценивает национальную самобытность и чрезмерно обольщается чужими достижениями. Ксеномания признак поверхностности, отсутствия глубины национального воспитания.

4. Национализм.

Ни космополитизм, ни интернационализм не поняли сущности нации. К существованию нации, „ее сердцу“ — подошел национализм. Национализм имеет разные оттенки.

Мы знаем понятия: патриотизм, народолюбие — народничество, расизм, шовинизм, ксенофобия, и, наконец, подлинный национализм.

Патриотизм (Патрия — отечество). Патриотизм — чувство любви к своему отечеству, к своей стране, к своему государству, зачастую проявляющееся также в виде верности династии или властям, управляющим данным государством, и сопряженное с желанием их защищать. Объектом патриотизма, таким образом, может являться: 1) страна — местность, 2) государство — государственный аппарат, 3) династия. Проявляется он, главным образом, в минуты, угрожающие целостности и невредимости объекта. Патриотизм зачастую может быть равнодушен к народу — к людям, составляющим этот народ.

Народолюбие — *народничество* есть исповедание любви к народу, к людям — составляющим данный народ, вернее, даже к простонародию, независимо от государства, а зачастую соединенное с враждебностью к нему. Понятие русское.

Расизм — есть сознание принадлежности к своей расе, желание сохранить чистоту расы и стремление содействовать

развитию и усилению расы и достижению ею главенствующего положения.

Согласно теории расизма, основой всех национальных особенностей является непосредственно анатомия и физиология, — естественно историческая „раса“. Такую теорию развивали защитники превосходства „белой“ расы, отождествленной с „германской“. Уже граф Гобино, придя к заключению, что существуют сильные и слабые расы, занялся исследованием генеологии „сильных рас“ и, в конце концов, убедился, что

„все, что имеется великого, благородного и плодотворного на земле в области человеческого творчества, науки, искусства, цивилизации, — все это произошло от одного и того же зерна, — от единственной семьи, отрасли которой царили во всех культурных странах вселенной“.

Это зерно и есть длинноголовая, белокурая, высокорослая раса.

Сторонники преобладания германской культуры усвоили себе этот взгляд и довели его до крайних последствий.

„Северная раса“, говорит Людвиг Вальтман, наиболее яркий выразитель этого течения, — „это природная носительница мировой цивилизации. Смешением с другими расами она их физиологически подняла на более высокий уровень, — как средиземные народы, так и монголов и негров... Доказано, что повсюду в руководящих государствах и сословиях преобладает германская кровь в чистом и несмешанном виде. Отсюда можно вывести антропологическое доказательство, что вся европейская цивилизация, также в славянских, как и в романских странах, есть продукт германской расы. Индусы, персы, греки, римляне были первоначально настоящими сынами белокурой светлой расы. Папство, эпоха Возрождения, французская революция и мировое господство Наполеона — были великими деяниями германского духа. В древнейшие периоды толпы белокурых северян проникали до Китая, Вавилонии и Египта и могли принести этим расам, как культурные элементы, так и культурные способности“.

Превосходством „вышей расы“ оправдывается всякое угнетение „низших рас“, как и насильственная ассимиляция поработенных национальностей „господствующими“.

Расизм распространен, главным образом, среди евреев и немцев. Еврею лорду Биконсфильду — Дизраели приписывается следующая фраза: „раса — все, нет другой истины; и всякая раса, которая беззаботно отдает свою кровь для смешения, должна погибнуть“.

— Но нет совершенно чистых рас, как совершенно чистых народов и нации (чистота крови лучше всего соблюдена у евреев). Французский народ состоит из нескольких частей — народностей и нескольких рас. Немецкий также, что доказывается различием языковым и антропологическим. Отождествление нации с расой не соответствует действительности, а потому и национализм, основанный на расизме содержит в себе нездоровое начало — известную жизненную неправду.

Большевики расценивают людей по классовому происхождению, расисты по расовому: непролетарское происхождение мешает быть хорошим большевиком; непринадлежность к главенствующей, преобладающей расе мешает быть хорошим „нацистом“.

Нельзя, конечно, отрицать значение чувства расовой — кровной общности в национализме, но тем более нельзя пренебрегать „духовным“ фактором (социально-психологическим). С нашей российской точки зрения, расизм уже национализма — он есть лишь элемент национализма, да и то не всякого. Он может иметь значение лишь в том случае, когда нация более или менее однородна.

Шовинизм — чрезмерная любовь ко всему своему, только потому, что оно является „своим“. Это нездоровое, уродливое проявление национализма, доходящие до идолопоклонства перед собственными качествами. Шовинизм вреден — он тормозит развитие государства, ибо зачастую преклоняется перед тем, что уже стало исторической ветошью.

Ксенофобия — ненависть ко всему чужому. Такое же уродливое проявление национализма, как и шовинизм. Обычно эти два явления связаны между собой.

Ксенофобия — противоположность ксеномании. Будучи слепой ненавистью, ксенофобия является признаком некультурности.

Национализм. Национализм больше и выше чем расизм. Он шире и глубже и народолюбия и патриотизма. Шире потому, что содержит в себе и народолюбие и патриотизм. Глубже потому, что включает в себя осознание сущности своей нации и ее исторических задач, а, осознав, развивает и углубляет всесторонне вечные ценности нации.

Национализм можно определить, как *осознанное естественное ощущение принадлежности к данной нации и потребность творчески ей служить*.

Таким образом, как мы уже говорили выше, основным элементом национализма является чувство — ощущение принадлежности к данной нации. Чувство это может обуславливаться кровным родством и общими социально-духовными связями, культурной общностью, воспитанием. Наличие кров-

ного родства не является обязательным для того, чтобы образовалась нация. Но наличие социальной общности — необходимо.

Осознанность является одним из признаков национализма.

„Национальное самознание есть сознание самого себя, как части своей нации... Это то же, что чувство собственного достоинства у отдельного человека. Весьма важно, чтобы это сознание было связано с сознанием личного участия в строении культурного уклада родины на благо этой родины...

Такии образом, громадная разница лежит между *национальным чувством* и *национальным сознанием*. Национальное чувство есть принадлежность к *физической* и *душевной* организации; оно инстинктивно и, как таковое, обязательно. Национальное сознание — акт мышления и вытекает из национального бытия нации. Сплошь и рядом национальное сознание зиждится на почве национального чувства, но оно не самобытно и является сознательным последствием первого“. (Проф. П. Ковалевский).

Проф. И. Ильин, в своей брошюре „Основы борьбы за национальную Россию“, говорит так:

„Итак, национальное чувство есть *любовь* к историческому облику и к творческому акту своего народа.

Национализм есть *вера* в его духовную и инстинктивную силу; вера в его духовное призвание.

Национализм есть *воля* к творческому расцвету моего народа — в земных делах и небесных свершениях.

Национализм есть *созерцание* своего народа перед лицом Божьим, созерцание его истории, его души, его талантов, его недостатков, его духовной проблематики, его опасностей, его соблазнов и его достижений.

Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви и веры, из этой воли и этого созерцания.

Вот почему истинный национализм можно описать как духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ — к духовному расцвету. Это есть восторг от созерцания своего народа, в плане Божьем, в дарах Его Благодати“.

Итак, основой национализма является чувство — ощущение принадлежности к нации и любовь к ней. Это первостепенно, остальное уже только из этого вытекает.

Любовь-естественно вызывает потребность проявлять себя. Отсюда является стремление послужить, послужить во имя любви на благо нации.

Служение нации — момент волевой, действенный. Стремление послужить реализуется, дает результат, только при наличии воли, т. е. способности осуществить задуманное и желаемое.

В чем же состоит служение нации? Оно заключает в себе:

1. Охранение вечных основных ценностей нации — незыблемых основ.

2. *Историческую приемственность*, которая заключается в связи с прошлым („Настоящее есть сын прошлого и отец будущего“), в развитии ценностей прошлого. Полный разрыв с прошлым есть движение назад, потому что прошлое много дало нам и для настоящего. Если мы все из нее отбросим, то принуждены будем все начинать сначала. Историческая приемственность есть развитие творчески ценного в прошлом и могущим быть ценным в настоящем. Однако, нужно ясно учитывать, что не все прошлое может быть творческим и полезным в настоящем.

3. Создание новых ценностей. Нация не есть что-то стоящее, незыблемое, спящее, — нация во времени и она есть постоянное движение — понятие динамическое, а не понятие статическое.

4. Постоянство в творчестве, постоянное систематическое участие в развитии нации, а не только в особые моменты (как патриотизм).

5. *Социальность*. Подлинный национализм может быть только социальным. Полинный национализм — стремится к тому, чтобы все члены нации любили свою нацию, служили ей и были обслуживаемы ею, чтобы любовно и сознательно относились к своей нации, друг к другу. А это без наличия социальной справедливости невозможно.

Нет подлинного национализма там, где нет социальной справедливости, где одна часть нации — рабы, а другая хозяева. Нет подлинного национализма и подлинной нации там, где один народ насилует другие. Подлинная нация создается из личностей любящих, сознательных и верных. Нет истинного национализма там, где люди организованы страхом: страхом ничего истинного и подлинно здорового не может быть создано, а тем более не может страх создать нацию.

Проф. П. Ковалевский, вспоминая о крепостном праве в своей книге: „Национализм и Нац. воспитание“, говорит:

„Да и то, правда, крестьяне зачастую теряли образ человеческий. Это были существа, очень похожие на человеческие, мелкие, худые, бледные, с

косматой головой и с такой же бородой... крестьяне были не только бессильны, но и бесправны“.

...„Можно ли было от жалких полуживотных полулюдей (питекантропов) ожидать национализма“...

Впрочем, дальше П. Ковалевский, сравнивает простонародье с безнациональной просвещенной частью русского народа, признает, что хотя национализм простонародья был в слабой степени развит, но все же не меньше, чем у этих просвещенных людей.

Гитлер в своей книге „Моя борьба“ говорит:

„Когда мне было 15 лет, я уже понимал разницу между династическим патриотизмом и народным национализмом“... и далее... „Для того, чтобы „национализировать“ народ, нужно, прежде всего, создать здоровые социальные условия и дать этому народу просвещение. Только путем воспитания и образования каждый человек будет проникнут внутренней национальной гордостью“.

6. *Национальная государственность*. Каждая нация стремится себя оформить в государство. Ибо только государство может обусловить достойную жизнь нации. В государстве разворачивается и проявляется вся сущность и полнота нации.

Элементами же национального государства являются нация, территория и власть. Без своей территории и своей власти нация не может принять форму национального государства. Вот почему СССР не является государством национальным. В настоящее время при наличии своей территории — Российская нация имеет чуждую власть, т. е. власть не отвечающую сущности и задачам нации, а чужую психически и исторически. Таким образом, для сознательного националиста ком. власть также „иноземна“, какой бы была власть эксплуатирующих иностранцев.

...„Для проявления национального самосознания требуется, говорит проф. П. Ковалевский, прежде всего сознание своего личного собственного достоинства, сознание человеческого достоинства. Нужно, чтобы человек прежде сознал, что он человек, и признал в другом человеке такого же человека“.

Проф. Г. Масарик говорит:

„Народ не может быть вне или рядом с человечеством и поэтому все, что мы делаем для народа (хорошее или злое), — делаем тем самым и для человечества. Для самого человечества вообще мы ничего не можем сделать, потому, что оно не находится вне, против или над народом. Народ это часть человечества; мы все — это человечество“. ...„Гума-

нитаризм последовательно требует действительной любви не только к чужим, но и к своим. Он требует ее, прежде всего, по отношению к своим, потому что идеал человечности можно практически и основательно осуществить, прежде всего, у себя дома. Лишь пустой фантазер и сумасшедший могли бы желать, что бы Чех для этого стремился в Германию или Францию. Работа прежде всего дома — вот категорический императив гуманитаризма“.

5. Оправдание национализма.

Национализм такая же реальность, как народ и нация. Но нужен ли он и нельзя ли без него обойтись? Может он только „искусственно“ поддерживается некоторыми людьми для своих корыстных целей? И, наконец, морален ли национализм? Не является ли национализм явлением антиморальным и антикультурным?

Многие видят в национализме вред для человечества и культуры. Так назыв. „зоологический национализм“, якобы, разрушает культуру и создает ненависть.

Раб. Тагор так говорит в своей книге „Национализм“:

...„И вот именно идея нации является одним из лучших наркотических средств придуманных человеком. Под влиянием национального угара целый народ способен провести в жизнь систематическую программу самого беззастенчивого эгоизма, совершенно не сознавая всей своей нравственной испорченности, и мало того, он даже глубоко возмущается, если ктонибудь обращает на это его внимание... Мы видели в повседневной жизни, как даже небольшие деловые и профессиональные организации превращают людей, не злых от природы, в совершенно бесчувственных, и мы можем легко представить себе, какой громадный ущерб наносится нравственному миру, когда целые народы в безумном усердии организуются в целях завоевания власти и богатства. Национализм — это очень серьезная опасность. В течении многих лет он является причиной всех страданий Индии“.

По мнению Тагора, следовательно, национализм создает, порождает и развивает эгоизм, жестокость и злобу, ненависть, бездушие, оправдывая все это „благом нации“. А оправдывая все это, он разлагает, развращает и разрушает человечество, культуру и организованность.

Действительно, с национализмом часто связаны: ненависть к врагам своей нации, допустимость всех средств в от-

отношении к врагу, стремление его уничтожить. Это может у некоторых народов незаметно перейти в личную вседозволенность и индивидуально развратить человека. Закрывать на это глаза, конечно, нельзя. Но нельзя брать в явление только одну составную часть и при том в обязательно изуродованной форме. Для верной его оценки, необходимо брать все явления в целом.

Ненависть и злоба — тесно связаны с любовью и добротой. Это старая истина. Кто умеет крепко любить, тот и ненавидит сильно. Национализм несет с собой не только ненависть, не только злобу. Он несет с собой и любовь и служение. Национализм несет с собой самопожертвование, творчество, культуру. Национализм несет с собой и духовную красоту.

Зная и признавая в некоторых проявлениях национализма наличие злого начала, мы утверждаем, что в нем высокое торжествует над низким, ценное берет перевес. И потому мы исповедуем национализм.

Но национализм не только несет с собой ценное, он сам в основе служит высшему. Каждая нация стремится не только жить, существовать, но и создавать, творить.

„Истинный национализм открывает человеку глаза и на *национальное своеобразие других народов*: он учит не призирать другие народы, а чтить их духовные достижения и их национальное чувство, ибо и они причастны дарам Божиим, и они претворили их по своему, как могли. Он учит еще, что *интернационализм* есть духовная болезнь и источник соблазнов: и что *сверхнационализм* доступен только настоящему националисту: ибо создать нечто прекрасное для всех народов может только тот, кто утвердился в творческом лоне своего народа. Истинное величие всегда почвенное. Подлинный гений всегда национален.

...„Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которых все великое может быть сказано человеком или народом только по своему, все гениальное рождается в лоне национального опыта, уклада и духа. Денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни. Ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы, и мысли. Национальное обезличие есть великая беда и опасность: человек становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом, а народ превращается в исторический песок и мусор.

Всей своей историей и культурой, всем своим трудом, созерцанием и пением каждый народ служит Богу как умеет. И для этого служения каждый народ получает свыше дары Святого Духа и земную среду для жизни и борьбы. И каждый по своему приемлет эти дары и по своему создает свою культуру в данной ему земной сфере". (Проф. И. Ильин).

Извечно мучается человек вопросом что делать, зачем жить, кому и чему служить. И разные находят ответы...

Но, кому бы не решил служить человек, служить можно только конкретному объекту, работать для реального и до конца понимаемого, „сродственного“. Не может человек работать один, без среды, без понимания и созвучия. Ему необходима точка приложения своих сил, своих стремлений, как ни велика была бы сила его. Очевидно, что есть сверхорганическая связь человека с жизнью своего народа. Не только связь психически-физиологическая, но и связь духовного служения.

Мы видим, что каждый народ, во-первых, обладает известными особенностями, отличающими его от других; а во вторых, ставит себе опеределенные задачи, разрешение которых составляет смысл его существования. „Польша от моря и до моря“, „Британия царствующая над морями“, „Америка — американцам“, „Италия — наследница Рима“, и прочее и прочее. И вот, чтобы осуществить идею интернационализма нужно, во первых, лишить народы всех их особенностей, так сказать, подстричь их под одну гребенку, а во вторых заставить их отказаться от поставленных ими задач.

Выполнимо ли это?

Неотъемлемое свойство каждой нации есть творчество: духовно-культурное, государственно-социальное и правовое. С другой стороны, — каждое творчество национально, ибо носит национальную окраску: развалины римских сооружений, покрывающие весь юг Европы, имеют, не смотря на все свое разнообразие, нечто общее, заставляющее нас объединять их всех в одно понятие римской архитектуры. Точно также мы знаем о существовании фламандской школы живописи, греческой в скульптуре, итальянской, немецкой, русской в музыке и т. д.

Творчество каждого человека окрашивается обще-национальными признаками, составляя частицу того, что называется душой нации, — частицу его культуры.

История жизни мира, история культуры человечества складывается из историй жизни отдельных наций. История наций является нам как бы отдельным целым кирпичем, камнем в большом, огромном здании истории человечества. Сложилось это так, очевидно, не случайно.

Мы знаем примеры Вавилона, Египта, Греции, Рима, Византии, Испании и т. д., мы знаем и ощущаем место и значение России. Каждая нация имеет свое место, каждая дает свое, ей лишь присущее.

Каждый человек из миллиардов живущих, живших и еще не родившихся имеет свое место, свою точку в космосе. Она — в жизни своей нации. Так, лишенный своей естественной среды — нации, человек не может жить. Ему остается существовать: есть, пить и спать, или... примкнуть к рядам чужой нации.

Достойное существование нации предполагает наличие творимой ею национальной государственности. Она рождена и проведена жизнью. Посему с жизнью не расходится, ее не коверкает. Национальная государственность направляет и улучшает целое, тем творя благо и для каждого отдельного члена нации. Она отвечает глубинным потребностям человека послужить, давая реальную, близкую и родную среду жизни и труда его, естественную среду бытия, дающую гарантию максимального расцвета и выявления его творческих дарований, т. е. того, что дает миру каждый человек.

Национальная государственность есть единственная возможность и гарантия выполнения нацией того задания, которое предопределено ей выполнить. Она непристрастная, родная и близкая каждому из членов Нации, она только сможет понять и праведно разрешить сложнейшие „узлы“ жизни. И, наконец, национальная государственность есть осязаемая и существующая реальность; не фикция, не выдумка человеческой фантазии. Она естественна, как природна сама жизнь.

Здесь появляется неизбежное возражение. Ибо существует один соблазн — диктатура государства, жестокий „этатизм“, убивающий свободу, а тем и личность. Этатизм есть поглощение государством всех сторон общественной и хозяйственной жизни страны. В таких случаях, появляется противопоставление свободы — национальной государственности. Это противопоставление является, по нашему глубокому убеждению, следствием переживаемого „обнищания духа“. Ибо спорящие понимают свободу как своеволие, а национальную государственность, как безидейное насилие коллектива.

Надо выяснить эти понятия:

Р. Тагор сказал устами одного из своих героев, что свобода в государстве измеряется количеством испытывающих страх. Свобода царит там, где страх испытывают только лишь преступники. Свобода же не есть своеволие, а понимание и внутреннее принятие человеком своего права выбора, и признание границы поступков, оберегаемой стра-

хом. Такая свобода — неперемненное условие творчества и созидания. Сила и власть государства не в грубом насилии, а в его авторитете, во внутреннем признании его прав. Авторитет страха не рождает и потому не может ущемить свободу. Посему *свобода и истинно национальная государственность взаимно сопряжены по своему существу.*

Голый же и насильственный этатизм и ничем не оправдываемое своеволие отдельного индивидуума, как 'порождения духовной нищеты, подражания не заслуживают и при построении национальной государственности в расчет итти не могут.

Каждая нация живет потому, что имеет *волю к жизни* и осуществляет эту волю. Внешние силы и факторы могут или помочь или помешать, но жизнь нации обуславливается в основном своими внутренними силами.

Каждая нация делает свое дело, творит свои ценности и вместе с тем творит и общечеловеческие. Подлинный национализм обоснован не на том, что ненавидит чужое, а на том, что любит, ценит и развивает *свое*. Следовательно, сущность национализма не в ненависти, что не обязательно, а в любви — что обязательно. Всякая великая нация имеет и живет идеями имеющими обще-человеческое значение. Великий народ тем то и велик, что он *дает* миру, *что* вкладывает в общечеловеческую культуру.

Итак, подлинный национализм ищет себе обоснования в духовном мире, живет им, стремится проявить себя в общечеловеческом масштабе и прославляет себя не тем, что восхваляет, а тем делом, которое его само прославляет.

Подлинный национализм, по нашему пониманию, есть прежде всего понятие духовное. „Истина не может быть национальной, истина всегда универсальна, но разные национальности могут быть призваны к раскрытию отдельных сторон истины“. — Проф. Н. Бердяев.

Нация, однако, взятая сама по себе без ее служения, не есть самое высшее и всеобъемлющее. А потому нельзя ее самую считать абсолютной ценностью, что будет уже идолопоклонством.

Подлинный национализм происходит не из обожествления государства или народа, а из стремления к служению извечным высшим ценностям — совокупности духовных, политических и социальных идей, нацией несомых, ею осуществляемых и от нее неотделимых.

Для нас — это идея Божьей и социальной правды, идея Национально-Трудовой России.

III. Российский Национализм.

1. История развития русского национального самосознания.

Русский народ, как и всякий другой, зарождался в начале стихийно. Сознательный процесс его оформления происходит значительно позже, уже на почве этого первоначального, в грубых чертах установившегося единства, путем перенесения сверху вниз известных идей и символов, становящихся с этого момента — национальными.

Периодом, когда совершилось, на границе леса и степи, окончательное выделение *русской* группы (с ее позднейшими разновидностями) из славянской, — надо считать, повидимому, VI—XI столетие после Р. Х., т. е. значительно позднее, чем началось зарождение других национальных групп Европы.

За эти столетия, во первых, вырисовываются основные черты будущей национальной территории. Они выясняются путем фактического общения и взаимодействия групп населения первоначально различных этнически. Отсутствие географических препятствий и границ, единство строения восточной Равнины Европы оказались могущественными объединительными факторами. Постепенно двигаясь вверх по рекам к водоразделам, а потом переходя и в другие бассейны, русские колонисты постепенно расселялись среди чужих племен, передавали им свой язык, усваивали отчасти их внешнее обличие. Так, путем медленной ассимиляции, готовилась почва для создания русской народности.

Первыми носителями зачатков русского национального самосознания была дружина князя и монастыри. Это самосознание в них проявлялось, как исповедание русского *единства*, сначала политического и культурного, а потом и национального. Весьма важным моментом в его развитии являлась Куликовская битва (1380 г.), на которую Дмитрия Донского благословил Св. Сергей Радонежский.

Первое идеологическое обоснование русскому национальному самосознанию было дано несколько позже — в конце XV и начале XVI века. В это время, появляются на Руси первые представители „интеллигенции“ — образованные люди, воспитанные в духе византийской культурной и политической традиции. В своем огромном большинстве они принадлежали духовенству, а, в значительной части, были выходцами из поработанных турками славянских земель и Греции.

В их среде и зародилась мысль о создании в Москве центра славянско-византийской православной миссии. Москва была объявлена наследницей Византии и русский великий князь ими впервые стал титуловаться Царем и Самодержцем. Постепенно идеология православного миссианства Моск-

вы стала проникать и в народные толщи. Эта идеология приняла формы идеи „Москвы—Третьего Рима“.

XVII век ознаменовался новыми веяниями. После смутного времени, через Польшу и Южно-русские области стали проникать влияния западной культуры и мысли. Появился тип первых московских „европейцев“, как бояре Матвеев, Ордын-Нащекин, позднее князь Голицын и др. Эти новые явления вошли в столкновение с, уже к тому времени, укоренившимся взглядом на исключительную свободу Московской Руси с ее традициями и идеями, заимствованными у Византии. Началась ожесточеннейшая борьба между новаторами и консерваторами, принявшая наиболее острые формы в церковном расколе. Однако, было бы неверно представлять эту борьбу, как столкновение самобытности с подражательным европеизмом. Вернее сказать, что происходила борьба между двумя заимствованиями — восточным и западным.

Для того, чтобы русская самобытность проникла в область национально творческой идеологии, еще не было в то время достаточных условий. Почти отсутствовал „орган сознательной памяти“, т. е. образованный руководящий слой — интеллигенция. А это грозило возможностью денационализации русского народа, пленения его стихией слепого заимствования, то чего опасался знаменитый славянский писатель и мыслитель хорват Юрий Крижанич в своих письмах к Царю Алексею Михайловичу из Сибирской ссылки. Перед Крижаничем был пример денационализации западных славянских племен, попавших в орбиту германской, а отчасти венгерской и турецкой культуры.

Поэтому, национальной необходимостью России было создание нового руководящего слоя — интеллигенции, и этот вопрос не терпел отлагательства. С этой точки зрения, не только сущность, но и поспешность в методах проведения реформ Петра Великого, получают полное историческое оправдание. То, что впоследствии было истолковано, как разрыв между интеллигенцией и народом, был разрыв между старым и новым руководящими слоями.

Старый руководящий слой в бытовом отношении стоял ближе к народным массам, но он не был идейно-творческим. Новый руководящий слой сразу же приступил к строительству Российской Империи и создал из нее первую в мире силу. Несмотря на внешнее заимствование у Запада и подверженность увлечениям западными идеями, русская интеллигенция создала величайшую русскую культуру, бывшую одновременно и национально-самобытной и европейской. Европеизм и самобытность шли рука об руку в деле создания Российских национальных ценностей, внешне часто вступая в конфликт, в сущности дополняя друг друга.

Символом подобного взаимодействия на культурном поле является Пушкин. В области политической оно сохранило русскую национальную мысль от шовинизма, бывшего характерным для Московской Руси, и направило ее по руслу *имперскости* и *всечеловечности*.

Проф. П. Милюков отмечает следующие основные этапы развития национальной мысли после Петра Великого:

1. Бытовой или этнографический национализм и европеизм: ступень перешедшая в XVIII-й век из XVII-го, и особенно отличающая ближайшее к петровской реформе время его первых преемниц на престоле.

2. Политический европеизм и политический же национализм (приблизительно от 1770 г. до 1825 г.).

3. Религиозно-философский национализм, „славянофильство“, окрасившее соответственно и современный европеизм радикального типа „западничество“, еще не дифференцированное от социализма (приблизительно 1825—1850 г.).

4. Социальный национализм и европеизм (1850—1870 г.).

5. Научный национализм (неославянофильство) и европеизм („эволюционный либерализм“), с конца XIX века до революции 1917 года.

В первый период продолжается борьба бытового национализма XVII-го века против иноземного подражания. Такая же борьба, как при Петре, только отличающаяся большей мягкостью приемов.

Вторая стадия знаменуется более глубоким и сознательным проникновением руководящего слоя западно европейской мыслью и культурой. Период этот начинается с усвоения новых политических идей самими представителями власти: Екатериной II и Александром I, в первые годы их правления. Интеллигенция — же воспринимает национализм, главным образом, так, как его поставила эпоха французской революции (декабристы).

В этот период ярко ставит национальный вопрос историк Государства Российского Карамзин. Он пишет трактат: „О любви к отечеству и народной гордости“, в котором доказывает, что истинный космополит есть существо метафизическое и производит славян не от рабов (Sclavi), а от славы.

Приводим выдержку из письма Карамзина к Александру I, показывающую нам национальные убеждения Карамзина:

„...как христианин любите своих личных врагов, но Бог дал вам царство и вместе с тем обязанности исключительно заниматься благом оного... Если мы захотим быть христианами-политиками, то впадаем в противоречие, в несообразности. Меня ударят в ланиту, я, как христианин, должен подставить другую; неприятель сожжет наш город; впустим ли его мирно

в другой, чтобы он также обратил его в пепел. *Любите людей, но еще больше любите Россиян, ибо они люди и ваши подданные, дети вашего сердца*".

Третий период ознаменовался расцветом оригинальной русской религиозно-философской мысли, получившей наименование славянофильства. В то время как западники стремились к возрождению России по образцу опередившей ее, как им казалось, Западной Европы, славянофилы (братья Аксаковы, Кириевский, Хомяков) усматривали в западной культуре упадок и даже гниение. Конституционализму западников они противопоставили учение о том, что русский народ — не государственный, что он ищет не внешнюю правду, а внутреннюю, что сохраняя за собой свободу мнения, он всецело передает свободу власти царю, единение с которым затрудняется лишь чиновничьим средостением. Социальным идеям западников они противопоставляли русскую сельскую общину, как самобытное и безболезненное разрешение социального вопроса. Русский народ они считали призванным не только к возглавлению славянства, но и к спасению всего человечества ибо это народ-богоносец.

Эти мысли славянофилов были углублены Достоевским. От русского народа с его глубокой религиозностью и широкою восприимчивостью он ожидал спасения Европы, утратившей живую веру и расшатавшей свои социальные связи. Он видел всечеловеческое призвание России в том, чтобы содействовать собиранию всех народов в единое человечество, одушевленное христианскими идеалами.

Четвертая эпоха — преобладания социального национализма и европеизма. Тот и другой в эту эпоху очень близко сходятся и господствуют над умами. Характерное название этих перекрещивающихся течений есть название — „народничества“. В этот период русская культура уже перестает быть специфически дворянской и национальное сознание находит себе путь в гораздо более широкие круги социальных низов. Период „народничества“ ознаменовывается (60 и 70 гг.) первым серьезным и действительным изучением русского народа, его быта, его чаяний, проявлений народной души.

Период „научного подхода“. В этом периоде есть одно общее, которое объединяет самые разнообразные течения: это условие научной доказательности.

Одним из выдающихся обоснователей национализма может считаться И. Данилевский, написавший книгу „Россия и Европа“, считавшуюся у нас „Евангелием“ русского национализма.

Истоками национализма Данилевского является славянофильство, но уже принявшее форму утилитаризма. Он отрицал обще-человеческую культуру, противопоставлял ей

многообразие замкнутых культурно исторических типов и, в этом смысле, противопоставлял Россию и славянство Германо-романскому миру. Если славянство не сохранит и не разовьет своей самобытности, оно станет удобрением, этнографическим материалом для процветания романо-германского мира. Европа не только чужда, но и враждебна России. Россия же должна без ненависти, но и без любви, оставаясь равнодушной и к красным и к белым Европы, делать свое собственное культурное дело.

Владимир Соловьев иначе рассматривал национальный вопрос, чем Данилевский. Для него необходим нравственный элемент. (Несомненно, что такой подход характерен вообще и для русского сознательного национализма).

„Что касается до нашего отечества, в ком доселе воплотился всего ярче и сильнее русский народный дух, как не в том царе, который властной рукою навсегда разбил нашу национальную исключительность, и не в том ли поэте, который обладал особым даром „перевоплощаться“ во все чужие гении, оставаясь всецело русским. (Известно указание Достоевского, который и сам был всеобъемлющ в лучшую минуту своего творчества). Петр Великий и Пушкин — достаточно этих двух имен, чтобы признать, что наш национальный дух осуществляет свое достоинство лишь в открытом общении со всем человечеством, а не в отчуждении“.

Видным мыслителем русского национализма является и К. Леонтьев. Национализм его носит традиционалистско-консервативную окраску.

Однако, национализм не захватывал широких кругов русской общественности. Либерализм, интернационализм и марксизм, имевшие столь большой успех, мало содействовали развитию у нас национализма.

После революции 1905 года в среде интеллигенции образовалась группа отошедшая от „интеллигентской“ доктрины и воспринявшая национализм и иррационализм. Эта группа самостоятельно мыслящей части общества выявила себя, отчасти, в сборнике „Вехи“.

В период после образования Государственной Думы национализм в России начинает приобретать социальную окраску и приближаться к современному национализму. (Большой ошибкой, правда, является его „русскость“, т. е. выделение русского народа из всех остальных входящих в состав России, с целью подчеркнуть его первенство и необходимость привилегий по отношению к другим, что озлобляло остальные народности и развивало у них сепаратизм).

Вот, что пишет профессор П. Ковалевский в своей книге „Национализм и национальное воспитание“ (издана в 1912 году).

...„Теперь, когда Верховная власть 17-го октября 1905 года признала сама сознание русского народа настолко установившимся, что призвала граждан к принятию участия в устройстве и управлении государством, сознательный русский национализм должен вспыхнуть в той мере, в какой он может вспыхнуть в народной массе, начинающей жить сознательной национальной жизнью. Теперь, действительно, настало время его мощного господства и влияния в течении государственной жизни.

...В настоящий момент мы вступаем в младенческий период национального самосознания и сознательного русского национализма.

...Понятна и наша слабость в момент возникновения национализма. Многие из нас современники, а другие дети рабов или рабовладельцев; а потому у нас нет еще той силы духа, той духовной мощи, *той национальной храбрости*, какова у настоящих, споконно развивающихся граждан. Отстаивать свою национальность далеко не легко (Ковалевский понимает, под „своей национальностью“, не всю совокупность народов России, а только русский народ). Современный русский национализм еще слишком юн. Он не в детском, а в младенческом возрасте. Ему три, четыре года. Но даже ныне он является мощным и требовательным. *Является он сильным не пошому, что интеллигентная национальная партия была бы сильна. Нет, она слаба даже слишком слаба и ничтожна.* Силен он потому, что ныне сам русский народ просыпается и заявляет о своих правах (к сожалению, Ковалевский переоценил силу еще только нарождавшегося народного национализма). А если доселе русский народ был сильным и мощным, находясь в положении спящего Ильи Муромца, то что можно подумать о мощи, силе и величии России *при пробуждении и сознании всего православного народа*“.

В момент войны национализм ярко вспыхнул, но скоро был приглушен военными неудачами и кризисом верховной власти.

Слабость русского национализма ярко проявилась в революции: власть интеллигенции, разрушившей старый режим со всеми его недостатками, не сумела сделать революцию национальной.

Большевизм разделил русский народ на две части: на большую народную массу со слабыми остатками интеллигенции и малую — заграничную интеллигенцию и полуинтеллигенцию. Заграницей почти у большинства эмиграции, в

той или иной степени, произошло обострение национального самосознания. Много было осознанно и продуманно за эти годы.

В СССР российский национализм был до последнего времени гоним. Молодежь воспитывалась в духе марксизма и интернационализма. Таким образом, национализм у подсоветских граждан проявляется скорее как неосознанное чувство. Только в последнее время большевики испугавшись надвигающейся войны, неискренно пользуются идеей национализма для того, чтобы ее использовать как средство для защиты своего социалистического государства от внешнего врага.

Быть может это неискреннее вынужденное стремление использовать национализм окажет вредную услугу власти, пробуждая искренние чувства в народе. Во всяком случае в настоящее время кадр действительно сознательных националистов в СССР мал.

Задачей истории, стоящей перед сознательными российскими националистами в настоящее время, является его расширение и захватывание в орбиту своего влияния всего русского народа, всех россиян, *где бы они не находились*, с тем чтобы, сбросив ненавистную коммунистическую власть, создать справедливое, национальное и истинно социальное российское государство.

2. Российская нация.

(Народы России).

Население России состоит из 150-ти народов, принадлежащих к нескольким расам и нескольким религиям. Все эти народы находились и находятся на разной степени своего национального самосознания и культуры. В разное время вошли они в состав Российской Империи. Все эти данные сильно усложняют взаимоотношения народов России, мешают созданию единства и монолитности.

Россия является единственной в своем роде „империей без колоний“. Россия до революции все время росла, увеличивая население и территорию. Но духовный, культурный, политический, социальный рост и развитие шли значительно медленнее.

Два особо важных вопроса, стояло перед Российской нацией: вопрос социальный и вопрос национальностей. Предстояло разрешить: земельный вопрос, рабочий вопрос, украинский, польский кавказский и т. д. Вопросы были только поставлены. Они не были разрешены. Революция над всеми этими более мелкими вопросами поставила самый большой вопрос из стоявших до сих пор, — вопрос бытия Российской Нации.

Старые вопросы не исчезли, они только слились в один громадный вопрос, поставленный перед Россией. Сумеет ли Россия — Российская нация его разрешить? За это ответственно теперь будет наше поколение.

Зрелость нации обуславливается осознанием „гражданственности“ всеми членами нации, наличием идейно сильной элиты (ведущего слоя), равенством граждан перед законом и равенством возможностей, отсутствием сословных, классовых и прочих привилегий.

Зрелость нации определяется и сознанием единства. У нас и это в полной мере не было осуществленно. Доказательство тому — всевозможные самостийные движения.

Было бы несправедливо упрекнуть российское государство — российскую власть, что она только притесняла народности России. Нет, Россия много дала своим народам и в культурном и в экономическом отношениях. Россия никогда не делила своих граждан (по признаку принадлежности к народам): на граждан 1-го и 2-го сорта. Теперь особенно ясно, что политика российской власти была во многом гуманнее и больших и малых государств мира.

Но ошибки были, притом, чрезвычайно крупные. Национальная политика двух последних царствований была ошибочна. Она стремилась заменить российский национализм — русским. Конечно, в построении Российского государства главную культурно политическую роль сыграл русский народ в целом и Православие. Но Россия это не только русские славяне, это не только православные; нет — Россия это и татары, и армяне, и грузины, и калмыки; Россия — это и мусульмане и буддисты. Так сложилась исторически Россия. Хорошим россиянином может быть не только русский и не только православный. Сыны всех народов России могут быть хорошими россиянами, не отрекаясь от своего народа и от своей веры.

Следя за историей развития нашего национального самосознания, мы обращаем внимание на тот факт, что огромное большинство идеологий, пытавшихся разрешить национальную проблему России, были проявлениями „русского“, а не „российского“ национализма. Произошло это вовсе не потому, что русский народ стремился угнетать, денационализировать, насильственно ассимилировать другие народы, входящие в состав Государства Российского. Вся тысячелетняя наша история указывает на то, что подобные тенденции, если в отдельных случаях и имели место, то отнюдь не характерны для общей картины исторического развития России. В общем и целом, политика Российского Правительства носило *имперский*, а не империалистический характер.

Надо точно уяснить себе разницу между этими двумя понятиями.

Империализм — это ничем неоправдываемое стремление государства расширить свою территорию путем захвата чужих земель, и навязать покоренным областям „железом и кровью“ свою культуру и свою государственность.

Империалистической была политика средневековой Испании в отношении покоренных ею южно-американских народов. Империалистической была Австро-Венгрия в отношении покоренных славян.

Имперская же политика, или имперскость, есть творческое объединение различных племен и народов в одно целое, в одну единую империю, при сохранении за каждой народностью ее культурно-бытовых особенностей. Государство проводящее такую политику, является *Империей* в подлинном смысле этого слова.

Империей был Рим. Империей является современная Франция с ее колониями. *Империей, но без колоний, была и Россия.*

Известен исторический анекдот. На балу в Зимнем Дворце Император Николай Павлович, последний из русских Государей, последовательно проводивший имперскую политику, дал наглядное объяснение одному дипломату значения слова „Россия“: — „Вот здесь стоит немец, там грузин, там татарин, там русский: а все вместе, — это Россия“.

Империя объединяет силой влияния и притяжения своей национальной государственности, культуры и духа, ею носимого и в ней заключаемого. Проникновение государства за границы этого влияния и притяжения — рождает зло и противостоит ему. Основной порок империализма заключается в том, что силу государственной культуры он заменяет силой оружия и голым насилием.

Чем-же объяснить тот факт, что „русское“ национальное, вернее народное самосознание, получило серьезно-философское обоснование, в то время как „российское“ самосознание его почти не имело? — Вернее всего здесь предположить, что представители национальной мысли брали основы для своих утверждений из иностранных источников. В однородных государствах Западной Европы термины „народный“ и „национальный“ обозначают почти одно и то же. Для России здесь происходит путаница понятий.

По существу же, житейское национальное самосознание было российским, не делавши разницу между народами и племенами. Надо, признать, что различаемые нами термины „российскость“ (обозначающая принадлежность к Российской Нации) и „русскость“, (обозначающая принадлежность к русскому народу) не достаточно были уяснены в общежитийской речи. Термин „русский“ имел более широкое распространение и, кроме своего точного значения, часто упо-

требуется в значении „русского“ и даже „великоросского“.

Все это лишь указывает на то, что Российская Нация была уже фактически создана, но не была окончательно осознана и первой задачей российских националистов является ускорить и завершить процесс развития русского национального самосознания. Для выполнения этой задачи нужно предварительно разрешить все накопившиеся вопросы, как национальные, так и социальные. Без разрешения этих вопросов невозможно построить единую, здоровую и крепкую Нацию — Империю.

3. Русский народ.

Русский народ произошел от племен восточных славян, живших главной своей массой в Восточной Европе, а частично и в Средней — в нынешней Галиции, Карпатской и Пряшевской Руси. В дальнейшем своем историческом развитии и расселении, он в значительной степени смешивался с другими народами, главным образом, финской, тюркской и монгольской расы, а так же и с западными соседями — с другими славянами, в первую голову поляками, и еще с литовцами, немцами и т. д.

В результате сложных и многообразных исторических процессов и событий, сложилось настоящее лицо русского народа, состоящего из четырех индивидуальных ветвей: великорусской, малорусской, белорусской и карпаторусской.

Добросовестное и объективное изучение истории русского народа, взаимоотношений трех его ветвей, на протяжении веков, приводит к следующим выводам:

1. Все ветви происходят из единого корня. Утверждения обратного характера, как напр. о том, что малороссы-украинцы происходят от некоего неизвестного племени „укров“, явно вымышлены и прямо противоположны утверждениям науки.

2. В первые периоды истории русского народа, а затем на протяжении многих веков, единство русского народа не вызывало никаких сомнений. Все „сепаратистические“ стремления относятся к более позднему времени — к периоду новейшей истории.

3. Русский литературный язык, язык руководящего слоя русского народа, сложился соответственно историческому развитию России. В основу его лег московский говор, так как Москва оказалась объединяющим центром, но в его создании участвовали все части русского народа, в особенности было сильно южно-русское влияние.

Если мы указали на то, что развитие самосознания Российской нации еще не закончено, то то-же можно сказать, хотя и в значительно смягченной степени, про развитие самосознания русского народа. На это указывает существование „украинского“ и белорусского (а в самое последнее время и „казацкого“) сепаратизмов. Появление сепаратистических движений повлекло за собой ожесточенную политическую и идеологическую борьбу между ними и большинством русского народа, сохранившим обще-русское самосознание.

Если на момент оставить в стороне эту политическую борьбу, которая сама по себе является чрезвычайно важным фактом, требующим к себе самого внимательного отношения, то картина взаимоотношений заметно упрощается. Нельзя отрицать возможности, что в течение истории, части одного народа могут приобрести очень высокую степень самобытности и народной индивидуальности. Какое, в таком случае, надо к ним применять название: ветви, племени или даже народа, — есть спор о терминологии. А, как мы уже видели, вполне точная терминология в национальном вопросе еще не установлена.

Если часть малороссов (историческое понятие) или украинцев (географическое понятие) хотят называть себя народом, то оставаясь верными сынами Российской Нации, они не приносят ей ущерба. Они, даже считая себя народом, исторически остаются частью русского народа, как и великороссы. Положение усложняется тем, что великороссы не имеют своего „великоросского“ сознания, отождествляя великоросскость с русскостью. Таким образом, как бы нарушается равновесие. Малороссы — украинцы имеют три степени самосознания: украинско-малороссийское, более широкое — русское и самое широкое — российское. То-же самое можно отнести и к белоруссам. Великороссы же имеют только не две степени: русскую и российскую, но и их соединяют воедино.

Само собою разумеется, что подобное положение вещей может усложнить русский национальный вопрос, но отнюдь не быть причиной полной политической непримиримости, вплоть до взаимоистребления (вспомним Талерхоф, петлюровщину, последние события на Карпатской Руси). Причины непримиримости между т. н. „украинцами“ и русской ориентацией лежат в стремлении первых оторваться от Российской Нации и создать свою новую „украинскую“ нацию.

Но, как мы установили в первой части этой главы, для создания нации нужны очень многие предпосылки, а многих из них они пока еще не имеют. Самые важные из этих предпосылок — это отсутствие широких кадров руководя-

щего слоя и отсутствие своей государственной традиции и „социальной памяти“. Правда, в последнее время в спешном порядке их пытаются создавать, в чем имеется большая помощь со стороны иностранцев, а также и в известной мере советской власти. Но такие искусственно созданные элементы являются ничтожными по сравнению с Российской исторической государственностью и культурой.

Будущее покажет, как разрешится эта борьба. Ее решение находится в значительной степени, в руках самих украинцев-малороссов. Мы же имеем все основания верить, что она окончится победой Российской Национальной Традиции. В противном случае, Украина сделается объектом для иностранной экспансии.

4. Российский Трудовой Национализм.

Учитывая все особенности России, ее исторические и органические потребности, мы утверждаем наш национализм на следующих основах:

1. *„Российскость“* — гармоническое сочетание всех равноправных народов Российской Империи в единое целое. Россия должна быть матерью всех своих народов.

2. *Социальность* — как все народы равноправны, так и все социальные слои и трудовые группы равны перед законом и перед лицом нации.

3. *Гармоническое сочетание личности и общества*. Мертвящий коллективизм также неприемлем для нас, как и анархическая антисоциальная личность. Здоровая нация может быть создана только свободными личностями, ограниченными (но не поработоченными) обязанностями по отношению к обществу и государству. Интересы отдельного гражданина и государства должны быть гармонически сопряжены.

4. *Российский национально-трудовой солидаризм*. Все эти три основных положения сливаются в понятие: российский национально-трудовой солидаризм. Это есть и российскость, и социальность, и свобода, и гармония личности и общества.

IV. Национальное воспитание.

Мы знаем, что Российская нация еще не окончательно самоопределилась и что Россия может быть сильной только тогда когда закончится созревание нации.

Нация же создается автономным процессом идейно-творческого самораскрытия. Путь к нему лежит через национальное воспитание.

Самовоспитание руководящего слоя.

Ведет и олицетворяет нацию руководящий слой. Можно сказать, каков руководящий слой — такова нация.

В настоящее время ядром руководящего слоя нации является ее интеллигенция. Она должна ясно осознавать духовные, культурные и политические задачи нации. Эти задачи она должна претворить в форму национальной творческой идеи, которая должна руководить государственной и общественной жизнью и строительством нации. Глубина и степень осознанности национально-творческой идеи являются условиями прогресса и внутренней силы, а через них внешней мощи нации.

Поэтому на интеллигенции лежит особенная ответственность, которую она сможет оправдать перед нацией лишь путем напряженного идейного самовоспитания. Но идеи могут оставаться и впредь неосуществленными в жизни, если люди, которым надлежит претворять их в действие, окажутся неспособными к этому. Следовательно, помимо идейного самовоспитания, также необходимо воспитание в себе волевых качеств и способности применяться к жизненным условиям, в основном оставаясь всегда верными установленным идеям и методам.

Являясь органом „социальной памяти“ нации, интеллигенция, или лучше сказать элита — руководящий слой, должны строго блюсти историческую преемственность поколений, избегая острых разрывов между прошлым и настоящим, охраняя национальную традицию. Вместе с тем, необходим строгий учет недостатков и ошибок прошлого, стремление, по мере возможности, их не повторять, как и не делать из традиций ненужной обузы, замедляющей нарастающее продвижение вперед. Традиция не должна становиться удобным прикрытием для безыдейного обывателя. Наоборот, она должна быть оружием в руках творческой элиты нации, направляющим их силы на благо нации по примеру „славных отцов и дедов“.

Элита нации, являясь тем слоем, в котором осуществляется „связь поколений“, где на основании опыта и творений прошлого, разрешаются вопросы настоящего и устанавливаются целеустремления для будущего, — может вполне выполнить это свое назначение лишь при ясной оценке внутренних свойств и качеств своей нации, как и понимании ее духовного, культурного и политического назначения среди других наций и народов. Указания на это почерпываются из внимательного изучения национальной истории, культуры, в проявлениях народной души, народном творчестве и т. д.

Но задача национальной элиты не ограничивается только изучением этих элементов. В этом лишь одно из условий

успешного и правильного пути в деле национального самораскрытия и самоопределения. Главное же назначение руководящего слоя, в дальнейшем развитии национальных ценностей и качеств, — в их углублении и передаче последующим поколениям.

Исключительно осторожным и бдительным должно быть отношение ко всякого рода заимствованиям. Особенно это касается заимствований идеологического характера, через которые в организм нации часто вносятся совершенно чуждые элементы, не соответствующие, даже противоречащие, ее индивидуальным свойствам и мировой миссии, вызывающие болезнь и разложение нации. Потому, в задачу руководящего слоя входит также и охрана души нации от всевозможных идейных зараз, путем ясного учета среди заимствований — того, что может обогатить сокровищницу национальных ценностей, и того, что является чуждым, ненужным и вредным.

Руководящий слой России, в периоды предшествующие революции и во время самой революции, далеко не был на должной высоте, что и послужило основной и главной причиной Российской катастрофы. Отвечай он своему назначению, не только, что не была бы возможна победа большевиков, но и не было бы самой революции, т. к. все вопросы, которые ее вызвали, были бы своевременно разрешены.

Наученные горьким опытом, первейшей своей задачей российские националисты должны поставить: работу на создание нового руководящего слоя, новой элиты, новой интеллигенции, которые бы всецело отвечали своему назначению и были бы выражением духовной и идейно-творческой сущности Российской нации.

В этом направлении должно быть направлено духовное, морально-этическое, культурное и политическое самовоспитание нового руководящего слоя.

Воспитание масс.

Второй задачей руководящего слоя, наряду с самовоспитанием, является национальное воспитание масс. Являясь сам по себе элитой нации, осуществляя связь между правящей группой и возглавлением нации и народными массами, — руководящий слой имеет более широкие возможности для того, чтобы способствовать пробуждению национального самосознания и правильному пониманию национализма в среде малосознательных „обывателей“ и еще не сознательных, малопросвещенных общественных низах.

Воспитание масс не может ограничиваться современными способами и средствами психологического воздействия и внушения. Конечно, значение последних ни в коей мере не

следует недооценивать. Эти средства массовой агитации и пропаганды находятся обыкновенно в руках правящей группы, и ею всецело и применяются. Но успех в деле воспитания можно считать действительным лишь тогда, когда широкие круги национальной элиты в своем ежедневном общении с массами, с которыми они непосредственно связаны и в бытовом отношении и общественным положением, будут приобщать эти массы к своей идейно-творческой устремленности.

В нашей литературе уже указывалось на то, что к *руководящему слою можешь принадлежать и интеллигент, и рабочий, и крестьянин*. В настоящее время *принадлежность к руководящему слою не связана с положением человека на общественной лестнице и определяется исключительно его идейно-творческой сознательностью*. Цель национального воспитания в том и заключается, чтобы приобщить к руководящему слою, как можно более широкие круги и слои, вырвать их из состояния аморфной массы, и обывателя превратить в сознательного участника национального строительства.

Для этого, в национальном государстве имеется широкое поле деятельности. Воспитание бойца в армии, молодежи в учебных заведениях и спортивных организациях, крестьянина в кооперации, рабочего в профессиональных и других трудовых организациях и т. д. — должно стремиться к единой цели — развитию индивидуальности, повышению духовного, культурного и национально-политического уровня и, вообще, ко всему, что подымает от состояния „обывателя“ и приобщает его к творческой элите. Поэтому, в первую голову, надо заботиться о том, чтобы люди, в руках которых находится дело воспитания, как то: военные начальники, преподаватели, деятели общественных организаций, сами бы по своей духовной и идейной сущности безусловно относились к этой элите.

Поэтому построение такого строя, в котором бы осуществлялось широкое приобщение представителей из всех слоев населения к руководящему слою, может гораздо больше дать в деле национального воспитания, чем массовая пропаганда и агитация по самым усовершенствованным способам современности. Неотъемлемым условием для приближения к такому строю есть предоставление *равенства возможностей* для всех граждан страны. Лишь при полном соблюдении этого условия можно говорить об отборе „лучших и способнейших“ для руководящих положений в жизни нации.

V. Наша историческая задача.

Ни перед одним поколением России не стояло такой ответственной задачи, как перед нашим.

Опасности, угрожающие России велики и многочисленны:

1. Нация растлевается духовно 3-м интернационалом.
2. Физическое и биологическое ослабление народа.
3. Наличие сепаратистических стремлений.
4. Внешняя опасность—угроза территориальных потерь.

Для того, чтобы решить основную задачу, спасти Российскую нацию и создать новую Россию, нам нужно прежде всего: пробудить у Русского народа *веру в свои силы*, создать руководящий слой отвечающий всем своим назначениям и, наконец, воспитать в массах основы национализма.

Только по выполнению этих условий, Россия может снова вступить на исторический путь прогресса, величия и славы, и осуществлять свою миссию в истории мира.

VI. Новый век — новый человек.

I. Ход истории культур.

Жизнь не стоит на месте. Жизнь человечества не бессмысленная толчея, не цепь случайностей, не повторение пройденного.

Разочарованный скептик часто повторяет вслед за Екклезиастом: „Возвращается ветер на круги своя!“. Поверхностный наблюдатель обычно довольствуется формулой: „Нет ничего нового под луной!“. Даже историки и философы поддаются иногда гипнозу обобщений и начинают говорить о „циклах“ мировой истории, именно в таком понимании.

Нельзя отрицать, конечно, что в жизни отдельных людей много сходного. Юности свойственны мечты о возвышенном, идеализм, безрассудство; старости — осторожность и мудрость. Ежедневная жизнь человека во многом повторяет установившиеся формы и пользуется одни и те же приспособленные к выработанному житейскому обиходу предметы. И, однако, нет двух людей во всем схожих, и из окружающего мира предметов каждый пользуется их в своей комбинации.

Исторические циклы.

Жизнь народа во многом схожа с жизнью человека. Буйная юность, с мощным разливом сил и завоеваниями, сменяется эпохой зрелости, хозяйственного и государственного строительства, углубления культурных ценностей, созданных и взятых у других. За зрелостью часто следует упадок, похожий на дряхлость старости.

Могучие, творческого духа народы подчиняют своей силе и своему влиянию окружающие их народы, часто целый круг, мир, земель и народов. Таково было, например, владычество ассириян, Александра Македонского, римлян. Их власть и влияние создавали целую культурную эпоху. С их

расслаблением и гибелью наступала гибель и вырождение их культуры.

Обычно за таким расслаблением следовала полоса культурного упадка, ослабление социальных и государственных связей, некоторое одичание, хаос — своего рода „средневековье“. В сумерках его вырастает новая сила и начинает новую эпоху.

На памяти истории сменилось уже несколько таких эпох. Первой, нам известной, была эпоха Эгейской культуры, цивилизации морских торговых народов, центром которой был остров Крит. За катастрофой, уничтожившей могущество Крита, последовал период восточной культуры речных государств — Ассири-Вавилонии и Египта. Угасающему восточному миру на смену пришло господство народов так наз. классической древности — греков и римлян. Веку нашей европейской культуры предшествовал длительный период „средних веков“.

Единство человеческой культуры.

Таким образом, нет оснований отрицать смены исторических циклов, великих и длинных периодов в жизни человечества. Но нет оснований для утверждения того, что „возвращается ветер на круги своя“. Каждый из прожитых миром цикл не есть повторение предыдущего.

Центр мировой культуры и цивилизации перемещается с места на место, перемещается не без временных ослаблений и отходов назад. Но никогда не наблюдаем мы полного разрыва между эпохами, историческими циклами так, чтобы последующему пришлось начинать сначала. Рушатся империи, умирают народы, исчезают с ними вместе временные формы их жизни и организации. Но созданное их эпохой общечеловеческое, переживает создавших его и продолжает жить, действовать и развиваться. Идеи оказываются прочнее и устойчивее, чем плоть и кровь, чем металл и камень.

В каждом историческом цикле, в каждой эпохе можно выделить то, чем обязана она предшествовавшим. Каждая сторона человеческой культуры, установление, форма, идея носит на себе след своего долгого развития, историю которого можно проследить.

Религия современного человечества — наследие Востока. Там постепенно сложились формы мистического общения с Божеством, понятия о личной моральной ответственности, о грехе. Они вытеснили и заменили собою более холодные формальные представления арийцев.

Наша наука первыми своими наблюдениями и обобщениями обязана жрецам Египта и Вавилонии (зачатки медицины, астрономии). Дальнейшее развитие свое она получила

в Греции. Наша геометрия, например, ни чем не отличается от геометрии Евклида.

Основные вопросы философии, над которыми мы и теперь ломаем себе голову, поставлены впервые мудрецами Греции.

Разные стороны современного искусства складывались веками. Архитектуру и скульптуру создала античная Греция. Живопись нашла законы перспективы и свой канон в эпоху Возрождения. Музыка родилась в 17 веке. В литературе мы до сих пор повторяем формы, а часто и сюжеты, пришедшие из Греции. Стихотворные размеры до сих пор даже сохранили свои греческие имена (хорей, ямб...). Ими пользуются и наши поэты. „Старосветские помещики“ Гоголя — лишь новое претворение бессмертного сюжета „Филимона и Бавкиды“ Овидия.

В области правовых отношений — римское право до сих пор не утеряло своего значения и лежит в основе большинства законодательств.

Прогресс, наше его понимание.

Таким образом, не отрицая великих культурных циклов в жизни человечества, мы имеем все основания говорить о *прогрессе человечества*, о движении вперед, о совершенствовании, развитии, об улучшении жизни человека.

Утверждая понятие исторического прогресса, мы этим не собираемся доказывать и отстаивать наивного убеждения в том, что путь человеческой эволюции и прогресса бесконечен, безграничен, что возможности романтического будущего человечества светлы, радужны, неограничены, как в области материальной, так и духовной. Этот путь совершенствования, по нашему мнению, теоретически не беспределен. Пределы его ограничены: в области материального прогресса — свойствами и возможностями окружающей нас природы; в области духовного прогресса — свойствами и возможностями нашей духовной природы.

Напрасно представляют себе исторический процесс человечества, как некий закон истории, как геометрическую прогрессию с числом членов $n+1$. Человеческий прогресс есть только органическая логичность, внутренняя последовательность, возникающая из свойства вещей и природы человека. Мы не знаем точно его пределов в будущем, но он очевиден и неоспорим в прошлом человечества.

Понятие прогресса есть историческая категория, формула человеческого прошлого в истории.

Можно скептически относиться к мечтательному оптимизму, строящему воздушные замки будущего, но отрицать прогресса в прошлом нельзя даже из упрямства.

Возьмите на удачу первое, что придет вам на ум: средство передвижения (живая тяга, пар, электричество, самолет), житейские удобства (все более доступные массам), медицина (искусство хирургии гармонотерапия), чудеса техники с машинными усовершенствованиями, радио.

Прогресс духовный, нравственный.

По поводу материального прогресса никто не рискнет спорить. Зато относительно прогресса духовного существуют две прямопротивоположные точки зрения. Одни благодушно верят в свойства человеческой духовной природы и бесконечному совершенствованию. Другие пессимистически уверяют, что от времени пещерного человека до парижанина наших дней, инстинкты и страсти остаются господами человеческой души, что сдерживать их может лишь жестокий закон, что в этой области скорее нужно говорить о регрессе, о вырождении. И обращаются за доводами к доброму старому времени, к идеализму отцов и дедов, столь противоположному современному материализму и эгоизму.

Когда спор вступает на такую почву (а он на ней, главным образом, и ведется), то речь несомненно идет о прогрессе духовном, нравственном. Надо признать, что наше время дает много пищи для печальных размышлений. Кровавый кошмар войны и революции, черствое себялюбие современного цивилизованного человека, падение авторитета религии, шатание устоев, измененность вожелдений, плоскость идеалов — естественно ведут к мрачным заключениям.

Цикл духовного прогресса.

Но периоды упадка духовных устремлений также неправильно считать конечными звеньями нравственного развития человечества, как моменты общественного и социального распада на конце исторических циклов. Римлянину эпохи упадка и варварских нашествий и разгромов также казалось, что мир кончается вместе с угасающей Империей. А жизнь пробилась снова из-под пепла пожаров, над развалинами разорения. Старые мощные соки выгнали в высь — к небу и солнцу — новые побеги!

В духовной жизни человечества можно наметить такие же периоды упадка и циклы развития. Только все процессы в ней происходят глубже, а изменения менее заметны. Только тогда, когда мы возьмем большие отрезки времени, мы со всей ясностью и наглядностью увидим, как многое изменилось в человеческой душе, как расширился умственный кругозор, облагородились его нравственные взгляды.

Мы настаиваем на слове „облагородились“, несмотря на раздающиеся вокруг нас жалобы на нравственный упадок современности. Оглянемся назад. Разница духовных и нравственных свойств каннибала и среднего культурного человека настолько велика, что не стоит ее даже и доказывать.

Возьмем, для примера, историю законодательства, страшный закон — „око за око, зуб за зуб“ — был на протяжении веков мерою человеческих отношений. Самое суровое и нелиберальное современное законодательство так мало имеет уже общего с законами Хаммураби, Моисея, греческого Дриконта!

В течении долгого времени и на Востоке и в древней Греции приезжий из другого государства был чужаком, которого не защищал местный закон, за убийство которого на пути никто не отвечал. Жители города Содомы считали себя в полном праве потребовать у Лота его гостей на растление. Герой Апулеевского „Золотого Осла“ чувствует себя небезопасно в соседнем городе Греции, гражданином которого он не является. Потребовалось время на то, чтобы чужеземец не рассматривался как враг или легкая добыча.

А как изменился к нашему времени взгляд на женщину! Чтобы дойти до признания самостоятельности и права решать самой свою судьбу, она прошла через ступень рабыни, гаремной затворницы, безответственного несамостоятельного члена семьи. Лет семьдесят еще тому назад считалось, что образование ей не нужно и вредно (давно ли отошло в прошлое немецкое: „Kinder, Küche und Kirche“, как удел женщины?).

С большими усилиями, и совсем не так уж давно, отказалось человечество от рабства.

Разве нет разницы между нравственностью языческой и христианской? В христианстве человек впервые услышал о божественности своего духа, о своем сыновстве Богу, о высоком звании человека, о нравственных обязанностях перед Богом и собою, по отношению к ближнему, об этическом смысле жизни.

II. Духовная жизнь Европы.

Духовный прогресс человечества также имеет свои периоды, циклы. Только они не всегда совпадают с переменами внешних судеб человечества, представляя собой смену идей и идеалов. Эти периоды ясно выделяются и в истории духовной культуры Европы.

Эпоха древнего мира.

Понимание истории, как прогресса человечества, не было свойственно основателям культуры — грекам. При эллинском „статистическом“ понимании мира, философия

истории не могла возникнуть также, как и высшая математика, трактующая о переменных величинах. Некоторые греческие философы даже отрицали существование движения. От них до нашего времени сохранился ряд недоуменных парадоксов, неразрешимых в пределах эллинского сознания, как, например, общеизвестный порядок о том, что Ахилес не смог бы догнать черепаху. Греки воспринимали мир, как заверченный и гармонический „космос“, и потому не могли воспринять историю, как творческий процесс, создающий что-то новое и неповторимое.

Отсутствие исторического сознания связано в эллинской культуре с отсутствием сознания свободы, с античной покорностью року, судьбе, с преобладанием поклонения форме (правда, художественно идеальной), а не содержанию.

Языческий Рим также не внес в духовную жизнь человечества ничего нового (вся неглубокая философия его отображена в художественном образе Петрония „Quo vadis“? Г. Синкевича), а его добровольный уход из жизни, как акт безволия, символизирует смерть духовной культуры языческого Рима, уступающей место духовно сильнейшему — христианству.

Свет христианства.

Христианство впервые принесло в Европу сознание свершения, однократности и неповторяемости событий. В древнем мире такое понимание истории было установлено впервые персами, а развилось и в ветхозаветной истории еврейского народа. Однако, несмотря на ясное историческое сознание ветхозаветного еврейства с его ожиданием Мессии, еврейское понимание исторической судьбы имело коренной недостаток: это сознание не вмещало личность человека, его свободу духа и судьбу — назначение.

Также, как и социализм XIX и XX веков, древне-еврейское историческое сознание считало настоящее положение (бытие) средством для устройства счастья поколений будущих. Это сознание обладало типично коллективистическими чертами; в нем не было идеи личного бессмертия, а потому, поскольку шла речь о справедливости, то таковая должна была осуществляться здесь же на земле (книга Иова).

И этого было достаточно, чтобы еврейство не смогло воспринять христианского учения, несмотря на то, что христианство базировалось на библейских идеях исторического свершения. Отвергнув Христа, еврейство не потеряло своей идеи исторического свершения, но ожидание Мессии обратилось в ожидание, по существу, Лже-Мессии, т. е. в идею, которая пребывает в еврействе и по настоящее время, влияя на судьбу не только еврейского народа, но и всей мировой истории.

На взаимодействии-еврейского ветхозаветного понимания исторического движения и динамизма и арийской догматичности, созерцательного углубления и личного начала, — создалось христианское мировоззрение. Но в христианстве было начало неизвестное дотоле ни античному миру, ни ветхозаветному еврейству. Это начало, принесенное самим Христом, — есть начало духовной свободы. Христианство отвергло всякое принуждение и несвободное осуществление высшей Божьей воли и высшей Божьей правды. Оно отвергло и совершенствование человека, как результат процессов необходимости или принуждения. Великий Инквизитор („Братья Карамазовы“), не смогший вместить идеи духовной свободы, обращается к Христу со словами: „Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за Тобой, прельщенный и плененный Тобою“.

Избавляя личность человека от принуждения со стороны даже Высшего Начала, христианство освободило его и от духовного рабства перед природой. Человеку двадцатого века может показаться это малозначительным, но достаточно вспомнить тот мифический ужас, в котором древнее человечество находилось перед демонами и духами природы, олицетворявшими неумолимые стихии природы, — чтобы понять какое огромное внутреннее и психологическое значение имела перемена внесенная христианством в миропонимание тогдашнего человечества. Человек, переставший быть рабом природы, переставший себя считать только частью ее, — а овладение силами природы — грехом перед Высшим началом (миф о Прометее), — освобожденный человек был психологически подготовлен к овладению силами природы, которое и началось в эпоху великих открытий и изобретений.

Христианство, освобождая духовно человека от Рока, властного ранее и над внутренней праведностью его и греховностью (миф о Эдипе), — внесло идею личной ответственности и значение личной духовной судьбы каждого человека.

Неверно поэтому упрощенное толкование эпохи „Возрождения“, считающее, что только оно возвысило личность человека, ибо, как удачно замечено проф. Бердяевым, образ монаха и рыцаря предшествовал эпохе „Возрождения“. А без этих образов человеческая личность никогда не могла бы подняться на должную высоту.

Эпоха древнего мира была эпохой, по преимуществу, *автотомизма* (самопроизвольности) (см. конспект: „Значение идей и сильных личностей“) — человек был рабом стихии, рабом Высшего Начала, рабом своего земного благополучия. Христианство внесло в мир начало *автономизма* (самоутверждения). Но это начало не могло сразу покорить мир, минуя

развитие *авторитарных* (самовластных) начал, которое, по существу, есть автономизм для немногих: автономизм ограниченный, в котором еще много остается от автоматизма и у самых властителей и водителей, и тем более, у подвластных и ведомых.

Средневековье.

Эпоха средних веков была, по преимуществу, эпохой авторитаризма. На путях авторитаризма думало средневековое общество осуществить свободный идеал христианства. Христианство, как движение необычайной, свехъестественной силы, не могло не сообщить средневековью достаточно динамичности. Но, как мы только-что указали, в самом „смысле“ средневековья крылось внутреннее противоречие.

Идея средневековья, с необычайной ясностью вскрытая Достоевским в „Великом Инквизиторе“, была идеей принудительного осуществления Царства Божьего через теократию, через схоластическое мирозерцание, через отрыв от природы.

Средневековая аскетика укрепила человеческие духовные силы, сосредоточила и дисциплинировала их, но силы эти не были отпущены для испытания в свободном — автоматическом творчестве культуры.

Средневековое христианство связало „природного человека“, оно оковало человеческие силы, отвратило человека от природы в нем самом и от природы в окружающем мире.

Эпоха Возрождения.

Возрождение возвращает человека к природе и к связанной с природой античности (древнему миру). Разумеется, это не было возвращение к миропониманию древнего мира: христианство раз и навсегда освободило человека от преклонения перед природой. Человек эпохи Возрождения возвращался к природе уже как господин, в сознании собственной силы к ее овладению.

В начале Возрождение не было враждебно католичеству и сами римские папы были его первыми покровителями, особенно в искусстве. Основную закваску истории Возрождения и последовавшей за ней эпохи дал гуманизм.

Век гуманизма.

Гуманизм, по своему смыслу и наименованию, означает вознесение человека, постановку его в центре природы, его утверждение и раскрытие. Но уже в самом начале гуманизм крыл в себе новое противоречие, которое рано или поздно должно было привести к концу гуманистической

эпохи, также как и конец средневековой эпохи явился следствием ее внутреннего противоречия.

Внутреннее противоречие гуманизма заключалось в отрыве „природного“ человека от духовного. Человек постепенно отрывается от внутреннего смысла жизни, от Божественного начала, от глубины самой *природы человека*.

Так гуманизм, начав с возвышения и вознесения человека, рано или поздно должен был дойти до принижения его. Ибо самоутверждение человека в том виде, как это делал гуманизм, неминуемо вело к принижению, к ненужности его, к иссяканию его творческих сил и духовных возможностей. Процесс этот в „Новой истории“ совершался постепенно. Этапы его — Реформация, энциклопедисты, французская революция, социализм. На этих этапах постепенно истощалась энергия Возрождения и иссякал его творческий дух. Мы присутствуем уже при закате его.

На двух „фронтах“ показал свое банкротство гуманизм, наследие Возрождения, — на „фронте“ индивидуалистическом и на „фронте“ коллективистическом.

На „фронте“ индивидуалистическом его завершителем был Фридрих Ницше, последовательно выводивший из предпосылок гуманизма о человеческом самоутверждении — отрицание человека. Еще Заратустра изрекает, что „человек есть стыд и позор, он должен быть преодолен“. И это преодоление мыслится Ницше не в новом откровении любви и свободы, а в образе „сверхчеловека“ — изверга, которому все дозволено. Недаром Цезарь Борджия, — эта гнусная фигура эпохи кризиса папства, им идеализируется и возводится на сверхчеловеческий пьедестал.

Карл Маркс, коллективистический антипод Ницше, логически доводит гуманизм до абсурда в другом направлении, но, по существу, раскрывает все то же противоречие, лежащее в основе „Новой истории“. Его кумир — коллектив, пролетариат, на который переносятся им древне-еврейские мессианские черты. Во имя этого страшного, нечеловеческого и безличного коллектива, утверждение человека, от которого он исходит вслед за Фейербахом, обращается у него в отрицание человека.

Ядом разложения некогда великого движения — гуманизма заражены все движения современной европейской мысли и жизни. Слишком сильно и велико было это движение, питавшее на протяжении полутысячелетия науку, искусство и технику, ставшее религиозно необходимым, чтобы его легко можно было преодолеть и изжить. Мир еще болен его грехами.

III. Русская жизнь.

Предметом этой главы не является последовательное рассмотрение исторического пути развития России, как государства. Здесь, в духе настоящего конспекта, мы наше внимание останавливаем лишь на жизненных силах двигавших Россию по пути прогресса и, в их искажениях, к национальному несчастью. Пробелы исторической последовательности изложения восполнены конспектом „Историческое развитие России“ IV часть курса Национально-политической подготовки.

Дохристианская Русь.

Суровой была жизнь наших предков русских славян, протекавшая в напряженной борьбе с природой и с врагами-соседями за независимое существование. Суров был и быт их — с обычаем кровавой мести, равным по силе государственному закону, с рабовладением, с полной беззащитностью изгоев, с суровыми устоями семейной жизни.

Общественная и государственная жизнь зарождалась и развивалась постепенно и медленно из родового и племенного быта под влиянием, главным образом, внешней опасности и торговых интересов.

Развитию государственной жизни мешало „анархическое“ свободолобие наших предков. Однако, сознание необходимости создать прочное государство одерживает вверх и приводит к признанию варяжских князей.

Сама формула призвание Русью иноплеменников („пойдти княжить и владеть нами“), записанная летописцем по преданию, болезненно переживается многими русскими и поныне. Она ущемляет национальное самолюбие одних. Для других — „оборонцев“ — является средством политической спекуляции. Для третьих, сторонников иностранной интервенции ныне — обоснованием в историческом прошлом их пресмыкательства сейчас... К сожалению, и здесь дело идет о болезни нам знакомой и распространенной: спор о форме.

Между тем, факт призвания к управлению нарождающимся государством иноземцев, в приведенном летописцем виде, в действительности сразу же претерпел коренную поправку по содержанию. *Во-первых*, призванные „владеть“ князья с дружинами в первую же пору оказались в служебных отношениях к призвавшим. *Во-вторых*, что гораздо существеннее, акт призвания иностранцев не ставил и не поставил Русь ни в какую зависимость от страннопришельцев. И, наконец, *в-третьих*, сами пришельцы сразу же, раз и навсегда связали свою судьбу с русскими племенами и вскоре, в ближайших поколениях уже, не считали себя и не

почиталась призвавшими их, чужими. В последнем сказалась необычайная сила русской среды, не раз проявлявшая себя и впоследствии, стирать отличительные черты характера чужеземца, вошедшего в нее, придавая ему свои.

Итак, факт призвания варягов не должен печалить нашей „исторической гордости“.

Духовная жизнь до-христианской Руси целиком заполнялась и исчерпывалась религиозными верованиями русских славян — язычеством. Но и язычество наших предков не было стройной религией с четкой мифологией, как у древних греков и римлян. Культурной жизни не было и в зачатке.

Таким образом, христианство в русском славянине-язычнике нашло девственную душу и разум не отравленный, как у эллина — парадоксами отвлеченной философии и ограниченного восприятия мира как заверщенного космоса, и как у римлянина — плотской пресыщенностью и духовным безволием.

Православная Русь.

В то время как христианство не могло уже вызвать Элладу и Рим к новому творению ни в духовно-культурном, ни в общественно-государственном развитии, — для Руси оно обозначило пути новой жизни по всему ее фронту: от семейного быта до идеи княжеской власти. Оно несло с собой не только духовное содержание жизни, но часто и формы ее; восполнило новой моралью личную, общественную и государственную жизнь (дурное обращение с рабом стало почитаться „грехом“, княжеская власть направлялась „на казнь злым, а добрым на милование“).

Христианство на Руси, будучи воспринятым по существу, не оторвалось от жизни, но, напротив, как бы приземлившись, вошло во все ее области, внося свой свет. И само христианство через это вылилось у нас в замечательное по своей высоте и по жизненной силе — Русское Православие, ставшее не только прибежищем душ верующих, но и истоком и культурного и политического развития государства.

Идеи, проводимые Церковью, о власти данной Богом князю — „службе Божьему“, о социальном служении ее („воспрещать злым и казнить разбойников“), о равенстве перед Богом всех людей, и раба и господина, и признание в рабе, по-христиански — свободного человека; о справедливости, о помощи беззащитным — нашли пути к сознанию и отклик в народе и в княжеской власти. Так, например, в „Поучениях Владимира Мономаха князьям“ — наследникам внушается: „ни права, ни крива не убивайте“, „гордости не имейте“, „куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти

отрокам, ни своим, ни чужим, ни в селех, ни житех, да не кляти вас начьнуть“, „худаго смерда... не дал есмь сильным обидети“.

Игорь Святославович, увидев бесчисленные и непобедимые рати половцев, говорит князьям и боярам: „Еже побегнем, утечем сами, а черныя люди оставим, то от Бога ны будет грех сих выдавше: пойдем, но или умрем, или живи будем на едином месте“.

Несколько позже, в одном из характерных для психологии русского прошлого „Житий“, сказано о прислужниках: „Такие же люди, как и я. Хоть и в рабство нам их Бог поручил, но души их больше наших душ цветут“.

Уже при самом принятии христианства, Св. Князь Владимир почувствовал всю несообразность смертной казни с высоким учением, которым просветился, и тем доказал, что более проникся духом его, чем его учителя и наставники, софистическими доказательствами сумевшие устранить великодушные сомнения великого князя. „Русская Правда“ Ярослава Мудрого — первый судебный сборник русского законодательства — не знал смертной казни; также думал о ней и Владимир Мономах.

А в это же время Европа переживала эпоху средневекового варварства. Христианство там насаждалось огнем и мечом. „Святейшая инквизиция“ возвела в степень христианских принципов нетерпимость и насилие.

Просвещенные европейцы охотились за неграми и продавали их как товар, порой выбрасывая их за борт, как опасный балласт. Их „христианство“ привело к варфоломеевской ночи. Зато интересы „мира“ долгое время мешали освобождению христиан из-под власти турок.

Основные черты русского характера.

История Руси, позже России, знает, как и другие страны, случаи насилия и насильников, но никогда, вплоть до большевицкого режима, насилие не было принципиальным.

Человечность как природженная гуманность, является основной и руководящей чертой русского характера. И поэтому моменты самого сурового бытия России отличались большей терпимостью, гуманностью и внутренним отвращением к насилию, чем самые светлые дни Европы („не в силе Бог, а в правде“ — выражение глубокого внутреннего убеждения). В этом наша сила, но и наша слабость: ибо, когда эти черты переходят в непротивленчество, разгильдяйство и беспомощность, они становятся гибельнее всякого насилия (февраль 1917 года).

Однако, нет другого народа, который бы так тяготел к истинной свободе, к правде, к общественной справедливо-

сти, как народ русский. Даже Разин и Пугачев не были просто разбойниками. В их бунтовстве проступал мотив социального протеста, заглушенного, правда, невежеством, озлобленностью и анархичностью. Зато Ермак, Семен Дежнев, казачество в свободе находят формы служения государству; а последнее, казачество, еще и формы социального устройства быта по своему разумению правды и справедливости.

Как и все слагаемые русского народного мировоззрения, русское понимание свободы имело своим истоком Православие. Будучи неразрывно связанной с пониманием и внутренним исповеданием справедливости, милосердия, терпимости, — русская свобода на своих исконных путях развития никогда бы не породила и не оправдала, подобно западу, ни капиталиста-эксплоататора (порождение либерализма), ни человека-зверя Ницше, ни бездушного душителя личности — коллектива Маркса.

Русский народный характер предрекал другой путь. На первых этапах которого уже начал вырисовываться психологический тип русского трудового хозяина (столь ненавистного большевизму „кулака“), опирающегося на религиозно-моральные устои. Это в области личной жизни, которую дальше нужно было сочетать с общественной и государственной жизнью. Эта задача ложилась на ведущий слой.

Только в силу этих основных черт нашего национального характера, Русь могла перестроиться в Россию, русскость вырасти в российскость. И опять, — закрепить в сознании народном пройденный этап и наметить дальнейшие естественные пути национальной жизни — было задачей ведущего слоя. Но он возжелал свободы европейской, несшей нам великое разрушение государственности и рабство личности в коллективе.

Ведущий слой — образованное общество.

Выразителем жизненных стремлений народа является его ведущий слой. Мы говорим, разумеется, не о слое только административно-управляющем народной жизнью, а о том слое, который выявляет эти стремления, оформляет их в идеи, идеалы и образы, творит народную культуру, ищет и указывает пути осуществления идеалов в жизни, в политических и социальных формах.

В русской жизни таким слоем было русское образованное общество — интеллигенция.

Понятно, что этот слой, чтобы иметь силы и возможности выполнить свое назначение, корнями своими должен уходить в самые недра психики своего народа и не отрываться от нее ни духом, ни разумом.

В русской жизни не произошло отрыва духа ведущего слоя от души народной (ибо как бы иначе творилась русская культура?), но произошел отрыв разумом, как и разрыв двух миров — духовного и разумного — в самом ведущем слое.

Внутренний разлад ведущего слоя.

Мы настаиваем на этом диагнозе болезни русского образованного общества, ибо как иначе объяснить стихийные патриотически-волевые подъемы его в Отечественную войну, в войну за освобождение славян и, наконец, в начале Великой войны, в 1914 году? Как объяснить желание Петра Великого и Л. Толстого в последние часы их земной жизни, в предверии мира иного, примириться с Православной Церковью, одухотворяющей русскую душу и психику? Это проявление или мгновенного преобладания духовного дотоле пренебрегаемого (над сознательным), или здорового тяготения вернуть утраченную цельность внутреннего мира.

Русская же психика сама по себе, в своем существе, оставалась всегда неиссякаемым источником духовно-культурного делания и силой, создающей как свои ценности, так и преображающей в национально-самобытные формы заимствованные из обще-человеческих истоков культуры. Как христианство в русской душе преломилось в русское Православие, так и другие духовные ценности, почерпнутые из общих источников, преображены и вновь явлены миру в новом свете нашей национальной культуры, не потеряв при этом своего мирового значения...

Но только то, что входило в нашу жизнь через наше духовное, а не только разумное восприятие и преображение, переставало быть чуждым нам и не вносило разлада в наш внутренний мир.

Вот почему нас миновало мрачное средневековое Европы, а наш раскол в Церкви не зажег костров „святейшей инквизиции“. Зато одолела нас западно-европейская философия после эпохи Возрождения, *ибо вошла в нашу жизнь мимо нашей души*, обратившись только к разуму русского образованного общества, овладела им и раздвоила внутренний мир его.

Это начало истории, а вместе с тем и болезни, русской общественной мысли.

Естественную гуманность (человечность, человеколюбие), воспитанную в русском народном характере Православием, в идеологиях русской общественной мысли сменил западно-европейский гуманизм; исповедание духовной свободы личности заменен был в ней либерализмом; стремление к общественной справедливости — коллективизмом... Естественное

гармоничное развитие личности оборвалось. Личность была раздвоена. Самобытность русского философского мышления не была найдена.

Обстоятельная характеристика этого разлада дана в конспекте „История революционных и общественных движений до 1914 года“ (часть IV курса Н. П. П. стр. 45—56).

Приведем два ярких примера внутреннего разлада русского ведущего слоя.

В критическом очерке „Толстой, как художественный гений“ (1908) К. Чуковский вскрывает раздвоение личности Л. Толстого.

Толстой — художник в своих произведениях не только изображает жизнь (хотя бы и гениально) — он творит ее, стихийно, как сама природа. Его героев „как будто создал той же Творец, что создал и нас“.

Толстой — философ поносит и жизнь, творимую им, и людей. В его философии весь мир — „сильно убогий и сильный безумие“. „Мир — это какой-то дьявольский кошмар, какая-то бесовская оргия“.

— Но, Л. Толстой хоть и говорит, что „мир прогнал нас сквозь, — но не можешь оторвать от него своих очарованных глаз“. И даже его философско-тенденциозные вещи — лишь новый предлог, новая возможность еще раз, тайком, исподтишка, по секрету от самого себя, поглядеть — хоть уголком глаза — на проклинаемый и отвергаемый им мир“.

— Но, Л. Толстой хоть и проклинает жизнь, — но „много ли знаем мы глубоких шариков, которые бы так вивались, хватались, цеплялись в бегущую мимо жизнь, и вытаскивали бы в себя с такой жадностью столько красок, звуков, лиц, обстановок, мнений, событий, картин“ — одним словом — жизни, как Л. Н. Толстой.

Вот почему: „мы любим Толстого — художника и не любим Толстого — философа“.

Приведем другой пример — случай разочарования, как следствие понятого (но поздно) внутреннего разлада личности. Речь идет о Чернышевском — „властителе дум“ русского общества 60-х годов.

В критических очерках Р. И. Сементковского (1905 г.), рассказано, что „Чернышевский, как и Герцен, как и многие другие русские писатели, увлекавшиеся крайними политическими воззрениями и побывавшие в изгнании или ссылке, вынесли оттуда страшное желание уяснить себе русскую жизнь, но не ту, которую так предвзято изображают составители разных политических брошюр или публицистических статей, а ту, которая могучею волной врывается в сознание всякого не предубежденного политического деятеля или мыслителя“.

И потому, когда Чернышевского, по возвращении его из ссылки, спрашивали — почему он не продолжает публицистическую деятельность, он отвечал: „Как вы хотите, чтобы я занялся публицистикой? Вот у вас теперь на очереди вопрос о нападении на земство, на новые суды... Что я напишу о них? Во всю мою жизнь я не был ни разу в заседании гласного суда, ни разу в земском собрании“. — Другие тоже не были, но писали.

Над прежней своей деятельностью Чернышевский подсмеивается, даже стыдится ее, и характеризует аллегорическим рассказом, придуманным им в ссылке, о „баране“ вздумавшем „кричать по-козлинному“.

Саморазвенчанного кумира его поклонники, — у которых не хватило ни ума понять свои ошибки, ни добросовестности признать их, — объявили сумасшедшим. Разочарование Чернышевского сломило его волю. Он не мог уже внутренне перестроиться и пойти новым путем. Впрочем, было уже и поздно.

Пример подобного же, но только массового, разочарования и наступившего за ним безволия повторился в русском ведущем слое в послефевральском периоде 1917 года.

Противоречия жизни.

Разлад, вызванный в русском образованном обществе увлечением крайними философскими и политическими воззрениями Запада, не мог не отозваться и на административно-управляющем слое. Теоретические крайности первого, вызвали реакцию второго, — совсем не консервативного на практике.

Так, например, в постановлении Правительствующего Сената, изданном 31-X-1861 г., т. е. в самый разгар великих преобразований русской жизни, имеет место и такая фраза: „Обращает на себя внимание особенною дерзостью и важностью злоумышления... возбуждение *своиственных* *будтобы* России социальных стремлений“. Это противоречие самому существу проводимых реформ, отрицание их нужности, раз России „не свойственны“ стремления, удовлетворяемые этими реформами.

Так разлад в духовно ведущем слое сообщил всему развитию русской жизни характер противоречий между теорией и практикой жизни. Говорилось не то, что делалось; делалось не то, что говорилось; часто не понималось то, что говорилось и делалось.

Оторванность от жизни.

Ведущий слой, хотя и был выделен русской жизнью для ее духовного водительства, оторвался от сущности этой

жизни. Если и были попытки вновь вернуться к ней, то в них скорее работала механика реакции на чужеземное идейное засилие, чем осознание необходимости ненарушаемой духовной связи с истоками народной жизни.

Явлением такого порядка было славянофильство (подробнее о нем в конспекте XX, ч. IV курса Н. П. П.). Славянофилы справедливо указывали на ценности исконных русских начал, но делали это без учета эволюции народной жизни и сознания. Они просмотрели, что русскость переросла в российскость, патриотизм — в национализм, что социальные вопросы переросли компетенцию религиозной морали и стали основными вопросами внутренней государственной политики и основанием национальной крепости.

В славянофильстве были черты законченности и застоя; оно не нашло творческой идеи для своего времени.

Бюрократия.

Но жизнь не стояла. И в силу необходимости и *практически* функции административного управления русской жизнью и ее идеологического обслуживания (народное просвещение, армия) осуществляла бюрократия. К чести ее надо сказать, что делала она это лучше, чем от нее можно было бы требовать. И не ее вина в том, что „Россия *переросла* форму существующего строя“ (из доклада гр. Витте Государю) и стремилась к разрешению вопросов поставленных самим развитием жизни.

Бюрократия могла как-то удовлетворять непосильным, по существу, для нее требованиям, пока в жизни России не было творческой и самобытной российской идеи и ее кадров, способных принять на себя ответственность за судьбы своей страны. Она могла противостоять и шатаниям русской общественной мысли, раздвоившей личность члена своего общества и создавшей систему противоречий русской жизни, которые подготовили почву для захвата этой жизни любой, цельной и динамичной, идеей.

Но бюрократия не могла, конечно, бороться с такой идеей за душу и сознание народа. И, если быть просто справедливым (не партийно справедливым), то некому бросить камнем в нее, ибо она — бюрократия — только служащий, а не водитель народа — нации.

Через заблуждения — к преступлению.

В феврале 1917 г. бюрократия не самовольно передала свои функции сомнительным представителям народных чаяний, — они с нее были сняты сверху. И все же она боролась еще и с „октябрем“ без всяких уже, по существу, на то санкций или указаний сверху.

Не слепой и злой *Рок* приуготовил России цельную и динамичную идею — идею коммунизма. В течении двух последних веков ведущий слой России, ее образованное общество, ставил вопросы ее бытия, своевременные и несвоевременные, и искал их разрешения не в сущности русской жизни и психики, а в западно-европейской политической философии, одной из крайностей которой является коммунизм.

И коммунизм пришел, как „призванный варяг“. Пришел тем же путем, как и его предтечи с Запада, т. е. не через восприятие народной психикой, а через осознание разумом неудовлетворительности существующего порядка вещей. Заострив все накопленные русской жизнью вопросы в социально-политические формулы и дав на их лозунговые ответы, понятные широким массам, — коммунизм легко обманул эти массы своей целеустремленностью на фоне февральского разброда.

Так заблуждения ведущего слоя России, в своем естественном завершении через коммунизм, вылились в преступление перед Россией.

В предверии нового века.

Большевизмом *не начай* новый век России, *а завершена* эпоха великого духовно-культурного выявления русского естества, эпоха формирования великой нации и государства. Вместе с тем, окончена и эпоха великого внутреннего разлада мыслящего общества и болезни философско-политической мысли. Наконец, изжит период кризиса и вырождения социальных и политических форм бытия.

Новый век России придет не через эволюцию коммунизма (неспособного к эволюции в силу статичности конечных утверждений марксизма, неприемлемого для русской психики вообще), а через обретение цельности внутреннего мира личности, и рождения гармонии этого мира с формами национального бытия.

Последующая глава, отвечая замыслу этого конспекта, приводит признаки начала нового века и указывает черты его человека. В обще-мировом плане делает это и в отношении русской жизни. Здесь лишь отметим, что Россия стоит ближе к новому веку, чем Европа, ибо кризис западно-европейской философии в русском сознании созрел раньше, чем в самой Европе. В русской жизни изжиты два крайних проявления западно-европейской философии — либерализм (февраль—октябрь 1917 г.) и коммунизм, который держится еще лишь механическими средствами.

Мы верим в величие нового века России, —

— потому, что *здорова душа народа*, а болела лишь русская общественная мысль;

— потому, что не слепой *Рок*, а духовная устремленность и просветленное сознание ведут Россию к новому веку, и

— потому, что нет предела духовному устремлению нашего народа, проявляющему себя и вопреки внешним формам бытия.

IV. Новый век — новый человек.

Начало нового периода.

Идеи и идеалы, как вехи, определяют путь человечества. Каждая эпоха раскрывает свой идеал, живет своим мировоззрением. И когда раскрыта до конца его сущность, когда понято, что он не цель и менее всего успокоение, а лишь этап на пути, тогда начинается новый период исканий, сомнений и колебаний.

В такие моменты переживается часто упадок веры в себя, в правду, в достижимость цели! И эти же моменты разброда являются верным признаком того, что готовится и начинается новый период.

В мире идей эволюция происходит медленнее всего. Человек и общество легче воспринимают смену моды, технических условий жизни, чем смену взглядов и идей. Он быстрее осваивается с пользованием железной дороги, автомобилем, радио, аэропланом, чем с отказом от предрассудков, некоторых моральных и социальных взглядов.

Мы много пишем и говорим в наши дни о „новом человеке“. Это происходит не из фактопоклоннического признания обвалов революции, появления на поверхности жизни „комсомольского“ типа, отмеченного и для Европы гр. Кайзерлингом.

Даже там, где не было революционных катастроф, во всем мире вообще, созрели и вскрылись, самым очевидным и, прибавим, неожиданным образом, глубокие изменения социального порядка. Неожиданными они кажутся тем, кого отрывают от установившихся привычек и привязанностей жизни. Приближались же эти перемены давно и вызваны они неизбежной необходимостью согласования противоречий, выросших из основных принципов предшествующей эпохи.

Крушение старых исканий.

Эти противоречия выросли из одной основной идеи — освобождение человеческой личности. Эта задача поставлена была во всей своей полноте христианством. Для Бога свята всякая душа (см. ап. Павла). Христос пострадал для всех и за каждого. В евангельском утверждении сыновства каждого

человека Богу и братства всех людей, заключаются все последующие поиски и попытки.

Христианская идея ценности и значения человеческой личности прошла за предыдущие столетия свой путь исканий, искажений, отклонений. Для ее осуществления создавались временные формы. В них не вмещалась она во всей своей полноте, и потому сжигала их.

Она отвергла построения патриархальной государственности и католической церковности, стремившихся утвердить своего рода режим „великого инквизитора“, берущий на себя заботы о благе и счастье человеческого стада. Это понимание „стада“ шло в разрез с пробивающимся в жизнь идеалом.

Принципы французской революции — индивидуализма и либерализма — обнаружили свою односторонность в свете той же утверждающейся в жизни христианской идеи. Неизбежное искажение их должно было последовательно привести к торжеству сильной, хищной и безнравственной — без Бога в сердце — личности.

Контуры нового века.

На наших глазах — в Русской революции, в кризисе современного социализма, происходит крушение третьего отклонения с пути основной идеи, заданной первому человеку. Рушится попытка построить счастье человека, утвердить его равенство, его свободу, помощью и при посредстве механизации социальных форм, установлений социалистического строя.

Он выгнывает у нас на Родине, прибегая для продления своего существования к „передышкам“, давая отдушину то национальному чувству, то неугасающим хозяйственным инстинктам поработанного народа.

В Европе он явил свою несостоятельность, не удивившись у власти. Об этом свидетельствует отход от него масс. Успехи фашизма и национал-социализма, успехи О. Салазара, — созданы поддержкой широких масс.

Новая эпоха, действительно, начинается уже потому, что все — кто с горечью про себя, кто открыто и громко — признали прошлое умершим, отошедшим. Этим совсем не отбрасывается вопрос об идейной связи с прошлым, о почтении к национальной истории и славе.

Но даже и в приложении к так наз. „фашистскому“ строю и „фашистской“ государственности, рано еще говорить о новом строе и „Новом человеке“. Период партийной диктатуры и диктатуры вообще, по большей части, есть период ломки. Подлинные контуры *нового* выступают лишь тогда, когда новые тенденции получают возможность свободного проявления на расчищенном диктатурой месте.

Буржуа и интеллигент XX столетия очень много хлопотали и говорили о „демократии“. Если говорить о политической демократии, о правительстве крикунов, болтунов, адвокатов, профессоров, втиравших очки народу, чаровавших его — как пан Тыбурций с бочки из „Дурного Общества“ Короленко — невразумительно возвышенной абракодаброй, то век демократии умер вместе с Милюковым, Марковым II и Лениным. Ложь была в чистоплюе буржуйчике, отъединявшимся всякими перегородками от народа, от пахнущего потом крестьянина и рабочего. Такая же, пахнущая запекшейся кровью, ложь и в установлении пролетарской аристократии.

Новый человек.

Кайзерлинговский „шофер“ — герой послевоенного времени — совсем не предтеча „нового человека“. Его самоуверенность и комсомольская развязность есть лишь последнее искусственного внедрения чувства своего пролетарского избранчества. Факт выхода на сцену широких народных масс настолько очевиден, что и „пролетарию“ придется встать в общие ряды.

„Новому человеку“ будущего придется многое понять. За его плечами будет начальный и убедительный опыт крайностей. На прокрустовом ложе этих крайностей, либерализм вытягивал слабых так, что суставы хрустели, социализм резал головы переходящим за предписанные размеры.

У нового человека, человека из массы, будет не понимание золотой середины, а чувство своей прикрепленности к среде, своей органической ограниченности.

Новый мир, бессловный, мир фактического равноправия, нельзя будет ни на чем ином построить, как на принципе и сознании обусловленности: — *обусловленной свободы*, ограниченной свободой равноправного не члена нации и *равенство возможностей*, осязаемого *братства сыновей нации*.

Новый человек не будет ангелом или образцом прописной аккуратности. Человек всегда останется человеком со „страстями и похотями“. Но, если можно сделать правилом жизни измышления социализма, то тем легче будет довести до сознания народа принцип фактически ограниченного равноправия.

Новый человек будет одеваться, как ему заблагорассудится, проводить свои досуги, как захочется. Но у него будут несколько иные, чем еще тридцать лет тому назад, понятия о труде, например, о своем отношении к государству. Пятьдесят лет тому назад никому не приходило на ум возмущаться необходимостью отбывать воинскую повинность. Завтра человек будет принимать, как само собою разумеющееся, трудовую обязанность перед нацией и самим собой.

В связи с этим, иным будет понятие о социальной иерархии. Кастовому чувству и сознанию привилегий придется отступить перед сознанием заслуг, умения и одаренности. Свободной остается область знания и творчества.

Мы не даем ни образа, ни профиля „Нового человека“, но новые условия, в которых он будет жить, увидим. Не эти условия будут его формировать, а наоборот, сами они складываются под напором его стремлений и требований.

Черты этого нового есть и в кайзерлиговском шоффере, и в доярке Верховного Совета и в фашисте. Сгладятся углы вытеснятся внутренние несоответствия и отстоятся новый уклад, комплекс взглядов, навыков и обихода человека из организованной массовой нации, в которой градации и иерархия будут устанавливаться по иным, чем ранее, принципам.

Вот чего еще многие не понимают: на наших глазах исчез человек сословия. В этом отношении перемена и революция гораздо глубже, чем сдвиги французской революции, ибо под прикрытием ее „свободы, равенства и братства“, аристократа сменил имущий буржуа, также брезгливо сторонившийся толпы, „плебса“.

Умер человек, размежевавшийся по сословным перегородкам, умер и пролетарий без роду и племени. Новый человек, как мы его воспринимаем, ощущает себя дважды связанным с жизнью. Он чувствует себя жизнеспособным лично, свободным и, вместе с тем, сросшимся с нацией, с организмом имеющим собственную жизнь.

Насколько несправедливы и стеснительны оказались преграды капиталистического зажима и искусственные рамки социалистического механизма, настолько естественны будут для нового человека границы национального существования, стихия родной культуры! Связь с ней и ограничение состоит в природных навыках, особенностях и взглядах, в национальных чертах и отличиях. Они и ощущаются не как предел, а как проявление собственных склонностей.

Новый человек ревнив к собственной свободе. Единственно логичным ее ограничением для него будет ограничение интересами нации, живого и жизненного организма, с которым он плотски и духовно связан.

Новый человек — человек массы, народа. Его свобода — следствие свободы народа.

Мы, в данное время, можем говорить лишь об отдельных чертах характера того „нового человека“, присутствие которого мы чувствуем около себя, которого мы ощущаем, искренно говоря, и в себе, стремления которого мы разделяем. В русской жизни новый век будет складываться под напором стремлений к цельности внутреннего мира в свете христианства с формами социального и государственного бытия.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
Конспект I. Наш национальный кризис. Что произошло с Россией. Наши недуги. Курс Национально-Полит. подготовки.	5
Конспект II. Идеализм и материализм. Наука, философия, религия. Теория познания. Философский материализм. Механизмы и витализм вестествознании. Идеалистическо-философские основы идеологии НТСНП. Идеалистическая и материалистич. этика. Заключение.	17
Конспект III. Значение идей и сильных личностей. . .	39
Конспект IV. Элементы общественной и государственной жизни.	63
Конспект V. Национализм. Чем победим. Учение о Нации. Российский национализм. Национальное воспитание. Наша историческая задача.	95
Конспект VI. Новый век — новый человек. Ход истории культур. Духовная жизнь Европы. Русская жизнь. Новый век — новый человек.	135

«За Родину»

орган Национально-Трудового Союза Нового Поколения.

Выходит 2 раза в месяц.

„ЗА РОДИНУ“ дает живой, правдивый и всесторонний материал о жизни на Родине.

„ЗА РОДИНУ“ является выразителем
Россической
свободной
активной
творческой
национально-политической мысли.

ПОЛНЫЙ КУРС НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

в 5 частях.

Вышли из печати:

Часть I — Основы национального мировоззрения.

Часть III — Социальная, экономическая и политическая жизнь.

Часть IV — Исторический отдел.

Готовятся к печати:

Часть II — Основы народного хозяйства.

Часть V — Национально-Трудовой Солидаризм.
Имперский сборник.

Подписку и заказы направлять к местным представителям Союза, а также по адресу: А. Rodzević, Pošt. fah 781. Beograd.
